

АКАДЕМИЯ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

У ИСТОКОВ
ДРЕВНЕЙ КУЛЬТУРЫ
ТАШКЕНТА

ТАШКЕНТ
ИЗДАТЕЛЬСТВО „ФАН“ УЗБЕКСКОЙ ССР
1982

В монографии рассмотрены зарождение, генезис и этапы развития оседлоземледельческой и городской культуры в пределах Ташкента. Обобщены результаты раскопок ряда памятников археологии города — Шаштепа, Бузгонтепа, Таукаттепа, Кугаиттепа и другие, позволившие отнести зарождение оседлых поселений на территории города к середине I тысячелетия до н. э., выделить хронологические комплексы, наметить периодизацию материальной культуры Ташкента и т. д.

Для историков, археологов, краеведов, студентов гуманитарных вузов, всех интересующихся древней историей Узбекистана.

Ответственный редактор
кандидат исторических наук *Г. В. Шишкина*

Рецензенты
кандидаты исторических наук
Б. Д. Кочнев и *Б. А. Тургунов*

У $\frac{10602-1801}{М 355(04)-82}$ 107—81 0507000000

© Издательство «Фан» Узбекской ССР, 1982 г.

ВВЕДЕНИЕ

Район современного Ташкента составляет часть обширного историко-культурного региона древнего Чача, органически связан с ним общностью исторических и культурных процессов, характером исторической топографии, поэтому исследование его территории в археологическом отношении поможет воссоздать древнейшие и древние этапы истории региона в целом. Нынешний Ташкент — это столица Узбекистана, крупный административно-политический, экономический, научный и культурный центр Средней Азии. Он является собой яркий пример развития города в эпоху социализма. Все возрастающий авторитет и влияние Ташкента выходят за рамки общесоюзных и приобретают международное значение и прежде всего для развивающихся стран Востока. В связи с этим особенно важно изучить историю собственно города на всех этапах его развития, с глубокой древности, с начала формирования на его территории городской культуры, выявить период ее «взлета» и развития городской жизни, время закрепления за городом роли столичного центра региона, участие его культуры в общем процессе формирования средневековой культуры Средней Азии.

Современный город имеет свою топографическую и историческую подоснову, уходящую корнями в позднее средневековье и эпоху присоединения Туркестана к России. Это наглядно доказывает и доставшаяся в наследие от предшествующих столетий планировочная система и топография старгородских кварталов, и достаточное количество письменно-документальных архивных сведений и сохранившихся этнографических материалов. О жизни и развитии города в более отдаленные эпохи (начиная с XI в.), когда впервые в трудах тюркского филолога Махмуда Кашгарского и ученого-энциклопедиста Абу Райхана Беруни появилось название Ташкент, также можно составить общее представление, почерпнув разрозненные сведения из дошедших до наших дней письменных источников — хроник политических событий, динас-

тийной истории, дорожников, вакуфных документов, научных трактатов и т. д. Но как далеко в глубь столетий уходит история города, когда и где сложилось его первоначальное ядро, когда впервые возникли на его территории оседлые поселения и началось стабильное развитие оседлой цивилизации в регионе, увенчавшееся формированием городской культуры? Все эти вопросы решаются лишь комплексным изучением, где рассмотрение кратких письменных сведений, приводимых в древних и средневековых источниках, сочетается с широкими археологическими исследованиями и на территории самого Ташкента, и всего Ташкентского историко-культурного региона. Так ставили вопрос первые исследователи истории Ташкента — члены Туркестанского кружка любителей археологии, которые еще в дореволюционное время придавали большое значение сбору археологических материалов и проведению раскопок. Однако вся деятельность этих исследователей и работы, проведенные в первые десятилетия существования Советской власти, в основном сводились к научным наблюдениям при разного рода городском строительстве. Итоги их позволили М. Е. Массону сформулировать некоторые общие положения по истории и археолого-топографической характеристике¹, однако показали, что о ранней поре истории района, где расположен Ташкент, пока очень мало сведений, и нет еще точных данных о том, когда и где на его территории сложилось первое поселение городского типа.

После землетрясения 1966 г. начались огромные по масштабам работы по реконструкции и строительству города, обусловившие широкие археологические исследования памятников, повсеместно затрагиваемых при грандиозных земляных работах; параллельное исследование проводится и на территории всего древнеташкентского оазиса.

Как установлено, разросшийся в последние десятилетия город, охвативший территорию более чем в 200 км², вобрал в себя огромное количество археологических памятников различной категории и хронологической принадлежности в виде стоянок, руин отдельных крупных и мелких городов, поселений, замков-кешков, усадеб, храмов и могильников, сохранившихся в виде возвышенных искусственных бугров (тепа) или скрытых под застройкой «старого города» и обнаруженных при строительных работах.

Наиболее древние следы пребывания человека на территории Ташкента относятся к очень отдаленным эпохам: 30—40 тыс. лет назад на берегах протоков Бозсу и Каракамыш располагались кратковременные стоянки первобытных общин эпохи палеолита,

---

¹ Массон М. Е. Прошлое Ташкента.— «Изв. АН УзССР», 1954, № 2, с. 105 и сл.

а 10 тыс. лет² здесь же обитали люди мезолита, оставившие кремневые орудия труда³. В районе Чильдухтарантепа и на протоке Каракамыш обнаружены могильник и временная стоянка скотоводов культуры степной бронзы, кочевавших в этом районе 3—3,5 тыс. лет назад⁴. В восточной части города изучены могильники кочевой культуры 2,5-тысячелетней давности. Все эти материалы подтверждали сведения письменных источников (Геродота VI в. до н. э., Геланика V в. до н. э., Бехистунской надписи Дария I VI в. до н. э.) о широком освоении древнеташкентского региона кочевыми племенами скотоводов, которые в середине I тысячелетия до н. э. именовались саками и составляли часть культурно-родственных племен Евразии — скифов.

В районе ташкентского региона исследователи «помещают» группировку «саков, которые за Согдом», «заяксартских (засырдарьинских) саков» или «саков, варящих хаому»⁵. Авеста называет их обитателями страны туран — воинами турами, входившими в состав государства Канга с главным городом — Канка или Кангдиз⁶. Письменные источники II—I в. до н. э. упоминают о существовании владения Юни и одноименного города, располагавшегося близ р. Иоша (Сырдарья)⁷. Однако материалы археологических исследований, синхронные письменным сведениям, относились к кочевым культурам, которые не могли служить основой для формирования городской жизни, необходимым условием которой является устойчивая оседлость населения. В процессе исследований в районах новостроек и главным образом центральной части города, оседлых поселений или поселений городского типа столь глубокой давности на территории Ташкента не обнаружено. Наиболее древнее городское ядро Ташкента — Мингурюк вырастает как городская крепость в IV—V вв. н. э., а расцвет города вокруг нее приходится на VI—VII вв. н. э., т. е. определить возраст городской культуры Ташкента представлялось возможным в 1500—1600 лет. При этом результаты разведочных работ в восточной и южной частях окраинных районов городской территории Ташкента

² Ташкенбаев Н. Х. О морфологических признаках каракамышского палеолитического материала. — ИМКУ, вып. 8. Ташкент, 1969, с. 11 и сл.

³ Исламов У. И. Мезолитическая стоянка Кушилиш под Ташкентом. — ОНУ, 1970, № 7, с. 54—57.

⁴ Ртвеладзе Э. В., Ртвеладзе Л. И. Новые археологические данные к изучению эпохи бронзы в Ташкентском оазисе. — Сборник молодых ученых. Ташкент, 1969, с. 37; Рахимов С. Стоянка эпохи бронзы Серка. — ОНУ, 1970, № 6, с. 41—42; Булатова В. Л., Филанович М. И. и др. Древний Ташкент. Ташкент, 1975, с. 5.

⁵ Литвинский В. А. Древние кочевники «Крыши мира». М., 1962, с. 158—174.

⁶ Буряков Ю. Ф., Филанович М. И. Становление городской культуры и этапы ее развития на территории Ташкента. — ОНУ, 1979, № 3, с. 48—49.

⁷ Бичурин Н. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, т. II. М.—Л., 1950, с. 181.

на ряде памятников оседлой культуры в Карасуйской и Саларско-Джунской водных систем позволили предположить здесь наличие и более ранних культурных отложений.

В результате широких археологических исследований на территории Ташкентского оазиса установлено, что он является крайним северным форпостом распространения очагов древнеземледельческих культур, появившихся еще в эпоху поздней бронзы и известных в науке под названием культура расписной керамики. Очаг этой культуры, близкой культуре Ферганы, формировался в оазисе на протоке Бургулюк, в районе современного Ташкентского канала и Туябугузского водохранилища⁸. Центральная часть оазиса на правом берегу р. Сырдарьи стала районом зарождения древнейшей городской культуры, и здесь сформировался первый крупный городской центр, с которым есть основания отождествить города Юни, упоминаемые в письменных источниках⁹. Это — городище Канка с системой оборонительных сооружений, несколькими рядами окружавших территорию трех городских шахристанов, и хорошо укрепленной цитаделью. Город, существовавший уже в III в. до н. э., и был древнейшей столицей Ташкентского региона или владения Юни, согласно письменным сведениям. Он занимал около 160 га и может быть поставлен в ряд с такими крупными центрами древней Средней Азии, как Самарканд, Бухара, Мерв, Наутака (Еркурган), Ахсикет.

По расположению Ташкентский оазис является крайней зоной древнеземледельческой ойкумены Средней Азии, зоной пограничных контактов ее с обширным миром кочевников-скотоводов, занимавших бескрайние степи Казахстана. Со II в. до н. э. он вошел в состав и стал основным ядром крупного полукочевого государства Канг, Кангха (Кангюй), охватившего огромные территории степей и контактных с ними оазисов северных районов Средней Азии и Южного Казахстана. Отмеченное пограничное расположение и вхождение в мощное политическое объединение стимулировали развитие торгово-экономических отношений, ремесла и обмена, градостроительной техники, т. е. должно было способствовать развитию городской культуры в Ташкентском оазисе не только вдоль Сырдарьи, но и на более широком пространстве, в том числе в северных районах территории современного Ташкента. В 1978—1979 гг. для выявления древнейших памятников городской культуры Ташкента, определения и изучения ее облика и этапов формирования были начаты специальные комплексные

⁸ Тереножкин А. И. Памятники материальной культуры на Ташкентском канале. «Изв. УзФАН СССР», 1940, № 9; Буряков Ю. Ф., Дуке Х. и др. Древняя и средневековая культура Чача. Ташкент, 1979.

⁹ Буряков Ю. Ф., Филанович М. И. Указ. соч., с. 48, 51; Буряков Ю. Ф. Историческая топография древних городов Ташкентского оазиса. Ташкент, 1976, с. 31—39.

исследования главным образом восточной и южной городской территории в системе оросителей Карасу, Салар, Джун.

Параллельно с археологическими раскопками бугров-тепа в черте города обследовали и объекты эпохи каменного века, собирали геолого-морфологические данные, изучали состав древних почв, климат, остатки древней фауны.

В исследовании приташкентского района в геоморфологическом отношении упор сделан на установление взаимосвязи залегания остатков жизнедеятельности человека разных эпох с геологическим горизонтом, влияние этой деятельности на геологическое строение, изменение природной гидросети под воздействием преобразующей хозяйственной деятельности человека. Геоморфологические исследования дали положительные результаты в основном для эпохи каменного века, установили связь объектов палеолита, мезолита, неолита с определенным горизонтом, что позволяет прогнозировать местонахождение остатков первобытной культуры. Большое значение для изучения памятников античности и средневековья в Ташкенте имеет выявление гидросети с определением участков каналов искусственного и естественного происхождения, что поможет разрешить во многом спорный вопрос о происхождении ташкентских каналов.

Исследования памятников палеолита, мезолита и неолита на территории Ташкента способствуют возмещению некоторого пробела в изучении истории первобытного общества на территории всего Ташкентского оазиса, рисуют картину освоения района Ташкента человеком на заре цивилизации.

В результате исследований археологических памятников, располагавшихся вдоль наиболее древних водных протоков, открыты древнейшие культурные отложения оседлого населения в пределах большого Ташкента и существенно пополнена фактологическая база для рассмотрения вопроса о времени зарождения и истоках городской культуры на его территории.

Городища Шаштепа, Таукаттепа, Бузгонтепа отражают последовательное непрерывное развитие оседлой, а затем городской жизни на территории Ташкента с середины I тысячелетия до н. э. Изучение материала поселения Шаштепа, лежащего у истоков городской культуры Ташкента, позволяет удревнить ее формирование до границ нашей эры и внести некоторые уточнения в периодизацию культур Чача.

Облик феодальной культуры Ташкента IX—XII вв. определяют расположенные в пределах его территории несколько городищ, поселений, ремесленных пунктов, усадеб, однако основные материалы получены в результате исследования руин крупного города Бинкета, известного по письменным источникам как столица Чача этого времени. Скрытые под мелкой застройкой «старого города», они мало доступны для изучения. Для понимания историче-

ской топографии Бинкета, последовательности сложения и развития его основных частей, облика материальной и художественной культуры немаловажны данные, полученные при раскопках части его ремесленного рабада, попавшей в зону строительства жилых кварталов Б-1, Ц-17, Ц-18 и др.

Новые нумизматические находки на территории Ташкента позволяют продолжить исследование вопросов денежного обращения, экономики и торговли столицы Шаша эпохи средневековья.

Некоторые материалы и результаты комплексных работ последних лет на территории Ташкента объединены в предлагаемой монографии. Главу I подготовил Г. Ф. Тетюхин; главу II — М. Р. Касымов и У. И. Исламов (раздел о стоянке Кушилиш); введение, главу III и заключение — М. И. Филанович; главу IV — О. Папахристу; главу V — Т. Н. Худайбердыев; главу VI — В. А. Лившиц, Э. В. Ртвеладзе и В. Карасев.

К ВОПРОСУ О ПАЛЕОГЕОГРАФИИ ПРИТАШКЕНТСКОГО РАЙОНА

Расположение современного города Ташкента — результат сложных преобразований и перемещений в процессе формирования самого населенного пункта и событий, связанных с эволюцией Шашского государства в целом. Однако, как показывают археологические и геологические материалы, миграция наибольшего количества населения происходила главным образом в пределах предгорной аллювиально-пролювиальной равнины, пересекаемой с северо-востока на юго-запад серией крупных притоков Сырдарьи, среди которых обширными долинами выделяются реки Чирчик, Ахангаран и Келес. Во многих пунктах этой равнины и в предгорьях находили предметы хозяйственной деятельности древних людей. Нет основания отрицать, что они жили не только в приташкентском районе. Выявленные в последние годы памятники эпохи палеолита и неолита свидетельствуют о более широком их ареале¹.

Мы ограничимся характеристикой физико-географических и геолого-геоморфологических условий в основном территории Ташкента и ближайших его районов. Формирование всей толщи чехла континентальных неогеновых и четвертичных отложений равнины и рельефа происходило за счет сноса осадков с гор.

В климатическом отношении, помимо гор, сильно влияет пустыня Кызылкум благодаря открытым пространствам на севере и западе равнины. Жаркое сухое лето и концентрация осадков в

¹ Скворцов Ю. А., Парфенов Г. В., Исламов О. И. Палеолитическая стоянка первобытного человека под Ташкентом. «Правда Востока», 1955 г., 2 ноября; Парфенов Г. В. Нижнебозсуйская палеолитическая стоянка. «Правда Востока», 1960 г., 2 февраля; Анбоев И. А. Открытие на реке Каракамыш. — «Ташкентская правда», 1960 г., 2 февраля; Окладников А. П. и Исламов О. И. Палеолитические находки в урочище Шуралисай (Бозсу). — ИМКУ, вып. 2, 1961; Касымов М., Менвапов С. Новые находки палеолитических орудий в окрестностях Янгиюля. — ОНУ, 1975, №6/7; Исламов У. Мезолитическая стоянка Кушилиш под Ташкентом. — ОНУ, 1970, № 7; и др.

Весенне-зимнее время при повсеместном распространении плодородной почвы на мощных лессовых отложениях создали благоприятные условия для развития земледелия и животноводства. Этому способствовало и наличие сети некрупных, но постоянно действующих рек, обеспечивающих потребность в воде. Поверхность равнины полого спускается от гор и предгорий к долине р. Сырдарьи. Высоты на этом пространстве меняются от 530 до 390 м над у. м., а относительные превышения мезорельефа едва достигают 12—25 м. Долины мелких рек и временных потоков характеризуются относительно небольшими уклонами дна и пологими склонами. В целом все это образует мягкий пологоволнистый рельеф. Даже искусственные сооружения, способствующие расчленению поверхности равнины (древние ирригационные каналы и сохранившиеся фрагменты крепостных валов) лишь на некоторых участках образуют врезы, уступы и крутые склоны. Врезы появляются при формировании суффозных форм (воронки, провалы, колодцы и т. п.) вдоль их склонов. Однако распространение подобной расчлененности ограничено узкими участками там, где каналы пересекают водоразделы естественной гидрографической сети. Очень плоской поверхностью выделяются обширные площади голоценовых террас (Сырдарьинский цикл)² долины р. Чирчик, образующих наиболее низкий этаж рельефа. Аналогичные поверхности, но с более фрагментарным развитием отмечены по другим долинам гидрографической сети. Следующий, более высокий и плоский этаж рельефа образует поверхность, отвечающая уровню голодностепской террасы. Наиболее типичным примером может служить ул. Ш. Руставели. При движении по ней от центра к периферии города слева наблюдается пологий склон (в сторону долины р. Чирчик) к поверхности абайской террасы, а справа — более крутой подъем к наиболее высокому этажу рельефа — ташкентской террасе, причем выделяются две поверхности ташкентского цикла. Самая высокая из них широко развита в северо-восточной части города. Однако и там сеть сухих долин, сопрягающихся с долиной р. Чирчик, образует указанную этажность рельефа. Профиль дороги, идущей от центра г. Ташкента в сторону г. Чирчика, похож на волнистую линию: она то поднимается до высоты ташкентской террасы, то опускается до низких надпойменных террас сырдарьинского цикла (рис. 1).

Наряду с естественными уровнями рельефа есть формы, появившиеся в результате деятельности человека. Прежде всего это террасообразные поверхности вдоль каналов, особенно в местах их пересечения с водораздельными массивами. Своим происхождением здесь эти «террасы» обязаны режиму эксплуатации ирри-

² Абайская — II надпойменная, I надпойменная террасы и пойма.

гационной сети. Если этажность рельефа отражает последовательность эволюции формирования равнины в течение всего четвертичного периода, то в геологическом отношении искусственные «террасы» молодые: их возраст не выходит за пределы голоцена. Примером одной из древнейших подобных форм может служить долина арыка Куркульдук на пути к населенному пункту Ян-

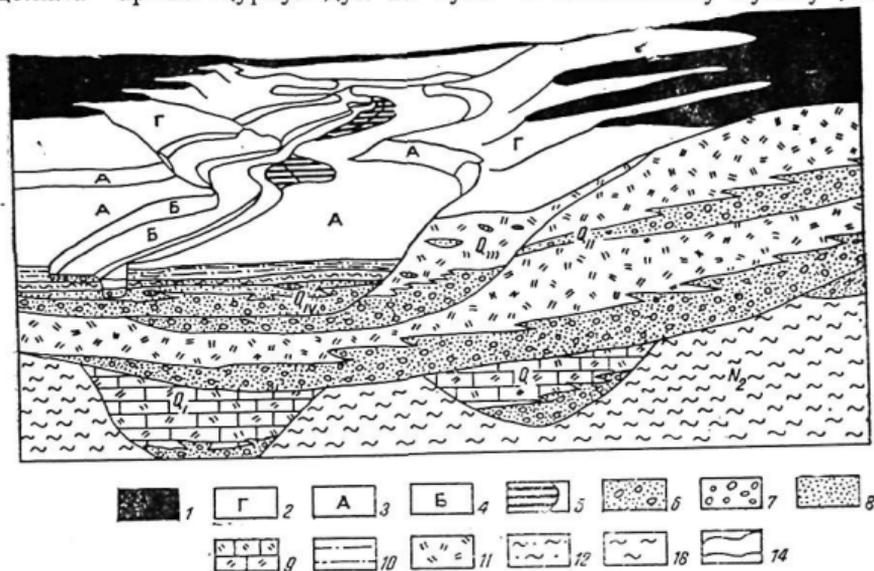

Рис. 1. Схема залегания четвертичных отложений и характер рельефа предгорной равнины Приташкентского района:

1 — среднечетвертичные поверхности (ташкентские); 2 — позднечетвертичные (голодностепские); 3 — голоценовые (абайская терраса, II надпойменная); 4 — то же (бондыгурская терраса, I надпойменная); 5 — то же (пойма); 6 — галечники и конгломераты; 7 — гравелиты; 8 — пески и песчаники; 9 — лессы диагенезированные; 10 — супеси; 11 — лессовые породы; 12 — глины и суглинки; 13 — алевриты; 14 — русло реки.

гиюль (рис. 2), проходившего вдоль уступа ташкентской террасы на поверхности голодностепской. Здесь уклон поверхности последней ранее был направлен вдоль потока и к руслу Чирчика, а сейчас оказался обращен в сторону уступа ташкентской террасы. Таким образом, под влиянием деятельности человека за последнее тысячелетие естественный рельеф, в основном покровная его часть, значительно преобразился. Так, на ул. Навон при рытье котлована под здание Гипрогора остатки хозяйственной деятельности человека (XI в.) обнаружены в толще лесса на глубине до 7 м от поверхности. На большую глубину преобразована поверхность в районах, где проводились строительные работы, прокладывались каналы и т. д.

Нередко эксплуатация ирригационной системы и сбросные воды провоцируют появление эрозии почвенного покрова и карсто-

во-суффозных явлений. Подобные процессы наблюдаются, например, вдоль Бозсу и Каракамыша.

В результате резкого увеличения количества строительных работ в городе после землетрясения 1966 г. рельеф города изменился практически на всей территории Ташкента. В процессе эволюции города следы преобразования человеком поверхности равнины во многих пунктах находят на глубине до 8—10 м. Обычно к этому покровному горизонту приурочены археологические памятники исторических культур. Культурные горизонты многочис-

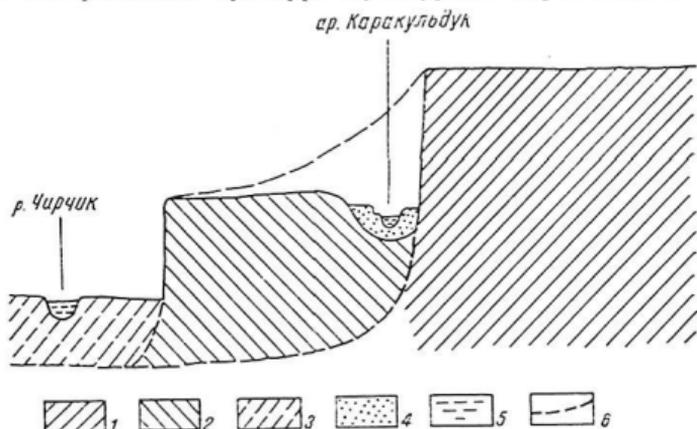

Рис. 2. Преобразование рельефа в процессе эксплуатации древнего канала Каракульдук:

1 — лессовые породы ташкентской террасы; 2 — лессовые породы голоднолестепских террас; 3 — песчано-галечные отложения голоценовых террас; 4 — арычные отложения; 5 — русло реки и канал; 6 — бывший естественный уровень голоднолестепской террасы до проведения арыка.

ленных курганов в окрестностях города чаще располагаются в толще этих отложений. Однако при изучении истории не следует ограничиваться вмещающими породами, необходимо исследовать их в комплексе с подстилающими. Только тогда можно добиться достоверной и полной информации об эволюции происходивших событий, свидетелями которых были эти памятники.

При глубокой эрозии почвы в результате эксплуатации ирригационной сети известны факты аккумуляции на дне этих потоков разновозрастных предметов хозяйственной деятельности человека, в том числе и доисторических. Подобным примером может служить Бозсуйское местонахождение, где была обнаружена каменная индустрия среднего и позднего палеолита наряду с предметами X в. и даже современными³. Лишь комплексный подход при археологическом анализе с использованием геологических и

³ Окладникова А. П. и Исламов О. И. Указ. соч.

палеопедологических данных позволяет решать сложные задачи со многими неизвестными по датировке, последовательности изменений физико-географических условий при формировании таких палеолитических памятников⁴. Различные орудия древнего человека и прочие предметы хозяйственной деятельности его разных эпох, аккумулярованных в одном месте, принесены водным потоком Бозсу. Вмещающие их толщи обнажаются вдоль канала (рис. 3).

Помимо молодых, голоценовых отложений, в толще которых обнаружен комплекс разновозрастных предметов, каналом вскрыты отложения голодностепской террасы (позднечетвертичная) и отложения ташкентской (среднечетвертичной) террасы. Само русло врезалось в красноцветные верхненеогеновые породы; места в основании склонов наблюдаются выходы древнечетвертичных пород. С каждой из этих толщ связаны находки различных эпох.

Рис. 3. Общий вид долины Бозсу ниже «Бозсу́йской стоянки».

Таким образом, эти отложения и соответствующие им поверхности образуют этажность рельефа и отражают последовательность его формирования. Геолого-геоморфологические характеристики каждой террасы, подкрепленные биологическими находками, являются важнейшими источниками информации об этапах развития рельефа⁵. Используя к тому же результаты палеопедологических исследований и увязывая их с данными археологии, можно получить достоверную картину процесса изменений всех природно-территориальных комплексов, в условиях которых жил и развивался человек (рис. 3).

Как свидетельствуют известные находки, не только в отложениях ташкентской террасы (среднечетвертичные) в Приташкент-

⁴ Тетюхин Г. Ф. Палеогеоморфология территории Узбекистана в четвертичный период. Ташкент, 1978.

⁵ Тетюхин Г. Ф. О стратиграфии четвертичных отложений Приташкентского района. Материалы Всесоюзного совещания по изучению четвертичного периода. Т. III. М., 1961.

ском районе синхронными являются предметы каменной индустрии от ашель-мустье до развитого мустье включительно. Именно такие находки известны в Кульбулакской стоянке на р. Ахангаран⁶; в осыпях этих же отложений у подножий их обнажений обнаружены единичные находки орудий по Бозсу, в бассейне р. Чирчик и в ряде других пунктов.

Археологические находки, синхронные голодностепским (позднечетвертичные) отложениям, весьма многочисленны. Они представлены орудиями, отщепами, нуклеусами и прочими каменными поделками финального мустье до верхнепалеолитических включительно. Такие археологические памятники известны в пещерах и гротах по долинам рек системы Чирчика. Многочисленны находки *in situ* в этих же отложениях Бозсу и Каракамыша, по долине р. Ахангаран. Обнаружение геологами каменных мезолитических орудий в толще отложений II надпойменной (древнеголоценовая — абайская) террасы привело к открытию уникального местонахождения — Кушилиш. В слагающих I надпойменную террасу оазисах наиболее типичны предметы, начиная от скифского времени и его аналогов до X в. включительно. Следы последующих этапов развития человеческого общества находили в пойменных отложениях. Таким образом, несмотря на значительное изменение верхней части равнины и его естественного рельефа, известные особенности каждой из разновозрастных толщ четвертичных отложений позволяют установить последовательность событий в развитии физико-географических условий территории⁷.

Следуя по долинам рек и руслам ирригационной сети, мы наблюдаем обнажение этих толщ, которые помогают вести более направленный археологический поиск. Вмещающими породами является венчающая каждую толщу мелкоземная (лессовые породы) часть и залегающие в основании песчано-галечные отложения⁸.

Примером находок в лессовых породах могут служить обнаруженные остатки костей в голодностепских отложениях вблизи Бозсуйского местонахождения. В качестве примера местонахождения верхнепалеолитических отщепов мы приводим фотографию, на которой изображена граница лессовых отложений с подстилающими галечниками голодностепской террасы (рис. 4). В подобных же условиях они были обнаружены З. А. Абрамовой,

---

⁶ Касымов М. Р., Тетюхин Г. Ф. К вопросу об археолого-геологическом возрасте многослойной палеолитической стоянки Кульбулак.— ИМКУ, вып. 16, 1980.

⁷ Тетюхин Г. Ф. История формирования четвертичного покрова Узбекистана. Докт. дисс. Ташкент, 1965.

⁸ Тетюхин Г. Ф. К стратиграфии лессовых пород Приташкентского района.— «Ученые записки САИГИМСа», вып. 3. Ташкент, 1960.

И. А. Анбоевым⁹ в ряде пунктов по Бозсу и Каракамышу на протяжении 30 км.

Эти находки, хотя единичные, но извлеченные повсюду из определенного геологического горизонта и связанные с единой фацией, приобретают в вопросах стратификации вмещающих толщ значение стоянок. Их приуроченность к определенным физико-географическим и временным условиям не вызывает сомнения. Отсюда и в прикладном отношении анализ отложений по долинам и руслам каналов наиболее целенаправлен и эффективен. Однако в процессе исследований очень важно дифференцировать естественную сеть, ирригационные каналы, различать участки арыков, проведенных через водоразделы или по естест-

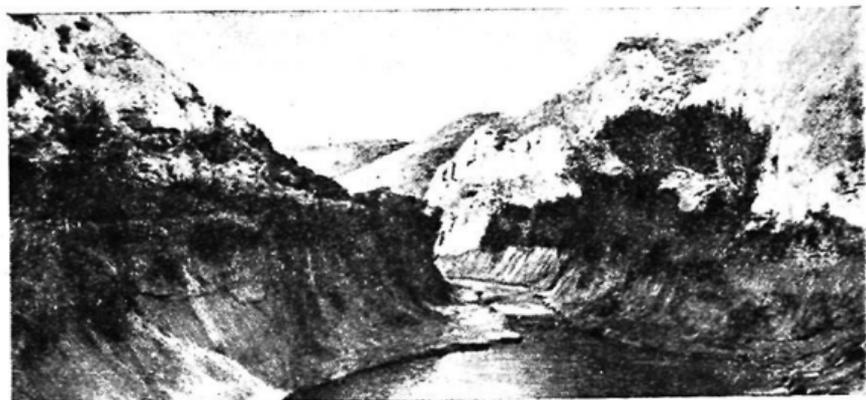

Рис. 4. Фациальные условия находки верхнепалеолитического отщепы по Бозсу и Каракамышу. В основании лессовых пород голодностепского комплекса залегают линзы песка, песчаника, гравелита, иногда конгломерата; из кровли этой толщи извлечены верхнепалеолитические отщепы.

венной долине. В пределах г. Ташкента и его окрестностей нет ни одного канала, который бы на отдельных участках не проходил по естественным долинам.

На всей территории города поверхностные воды питает р. Чирчик. Выше города из ее русла каналом Бозсу забирается вода, которая после распределителя идет по Салару, Бозсу и другим каналам. Крупный канал Салар на своем пути большей частью использует естественную долину, протекая сначала по голодно-степской поверхности, а примерно на ул. Куйбышева переходя на поверхность голоценовых террас. В процессе многовековой

⁹ Анбоев И. А. Открытие на реке Каракамыш; Парфенов Г. В. Работы кружка юных археологов Института истории и археологии АН УзССР.— ОНУ, 1961, № 1; Касымов М., Менвапов С. Новые находки орудий в окрестностях Янгйюля.

эксплуатации канала в некоторых местах разработалась широкая долина, сопрягающаяся с обширными, многие годы обрабатываемыми площадями сельхозугодий.

Крупные каналы Каракамыш и нижний Бозсу, протекавшие по естественным долинам, местами образовывали в голодностепских отложениях отвесные каньоны. В большинстве случаев мощность отложений абайской террасы в низовье нижнего Бозсу невелика, абайские отложения в виде фрагментарно сохранившихся мелких долин вложены в голодностепские отложения. Канал Бурджар задан на поверхности абайской террасы.

Не вдаваясь в детали истории освоения человеком описываемой территории, остановимся на отдельных аспектах связи ее с эволюцией физико-географических условий. Наряду с другими данными информация о палеогеоморфологических преобразованиях является одним из важнейших элементов анализа, тем более, что рельеф — один из крупнейших компонентов природно-территориальных комплексов в целом.

Пережив морской режим в палеогене, территория Приташкентского района в неогене испытала поднятие. На месте отступившего моря, зафиксированного повсеместно накоплениями известняка, на образовавшейся равнине начали аккумулироваться красноцветные молласы. Уже в то время формировалась речная система. Наступивший континентальный режим характеризовался жарким влажным климатом. Густая растительность саванн чередовалась с лесными зарослями по долинам рек. Однако уже к концу верхнего плиоцена проявлявшееся усиление аридизации сказалось в выраженной сезонности климата¹⁰.

В начале четвертичного периода равнина была обширнее, горы более удалены от места современного расположения города, однако уже тогда промежуточное положение между саванно-степными условиями равнины и ближайшими горами определяло специфику физико-географических условий в целом. Этим обусловлено накопление мощных толщ мелкозема и образование лессовых пород.

Многоводные реки Чирчик-Келес-Ахангаранской системы, работав себе широкие долины, транзитом пересекали равнину, став наиболее очевидными и удобными путями миграции приматов.

В процессе усилившейся аридизации на общем фоне умеренно влажного и теплого климата получили отчетливое выражение сезонные колебания. Широко развитый травянистый покров сочетался с лесами по долинам рек, где были достаточно благоприятные условия для произрастания таких растений, как гинкговые,

¹⁰ Тетюхин Г. Ф. Палеогеоморфология территории Узбекистана в четвертичный период. Он же. Краткая история формирования четвертичного покрова.— В сб.: Стратиграфия Узбекской ССР. Т. II. Ташкент, 1966.

сохранившиеся в настоящее время в диком виде в областях с умеренно влажными условиями¹¹. Именно о таких физико-географических условиях свидетельствуют и костные остатки предгорной равнины кошкурганского фаунистического комплекса¹². Таким образом, возможные захоронения предметов хозяйственной деятельности древнего человека этих времен следует ожидать в древнечетвертичных отложениях по долинам рек. Не исключено, что большая часть из них погребена под более молодыми отложениями, что осложняет вероятность обнаружения их. Заслуживают пристального внимания и места существования бывших озер и родников. По нашему мнению, наиболее перспективным в решении этой трудной задачи может стать комплексный метод с применением структурно-фациального и палеопедологического анализа. Только таким путем можно получить информацию по реконструкции конкретных и достоверных физико-географических условий того времени и тем самым обеспечить более целенаправленные поиски археологических памятников.

Поворот в конце древнечетвертичного времени Палеосырдарьи на восток прекратил существование рек Чирчик, Келес и Ахангаран в качестве самостоятельных, превратив их в притоки Сырдарьи. Это еще более расширило связь обширных соседних территорий северных равнин с горами¹³.

Отсутствие археологических находок в древнечетвертичных отложениях на описываемой территории позволяет условно предположить возможность их нахождения. Иначе обстоит дело со среднечетвертичными отложениями. Находки этого времени в отложениях ташкентской террасы на Кульбулакской стоянке, в предгорьях Чаткала¹⁴ и в осыпях у подножья обнажения таких отложений по долине Бозсу позволяют ожидать с достаточной достоверностью находки предметов среднего и раннего палеолита *in situ*.

За среднечетвертичное время произошло основное накопление лессовых отложений. Аккумуляция в основном происходила в два этапа. В первую фазу ташкентского цикла сформировавшийся пролювиальный шлейф сначала подвергся эрозии. Во вторую фазу заполнялась значительная часть образовавшихся долин и наращивался шлейф по периферии. В конце ташкентского цикла поверхность образовавшейся лессовой пологоволнистой равнины

¹¹ Северо-Восточный Китай.— «Жизнь растений». Т. IV, 1978.

¹² Бажанов В. С., Костенко Н. Н. Основы стратиграфии антропогена Казахстана и ряда других стран.— «Изв. АН КазССР», серия геолог. Вып. 1 (38), 1960.

¹³ Скворцов Ю. А., Тетюхин Г. Ф. и др. Четвертичные отложения.— В кн.: Геология СССР. Т. XXIII. М., 1972.

¹⁴ Касымов М. Р. Многослойная палеолитическая стоянка Кульбулак в Узбекистане (предварительные итоги исследований).— МИА, № 185, 1972.

вновь подверглась небольшой эрозии. Пологоволнистый рельеф поверхности еще более осложнился тектоническими движениями, в результате чего уже к началу позднечетвертичного времени поверхность равнины была неглубоко, но значительно расчлененной. Общее направление расчлененности сквозными речными долинами и их притоками сохранилось с северо-востока на юго-запад. В современном рельефе в виде водоразделов гидрографической сети сохранилась поверхность, близкая к первоначальной аккумулятивной пролювиальной ташкентского шлейфа среднетчетвертичного возраста. Основное их направление субмеридиональное (с сев на юг). Среди них крупнейшими являются на северо-западе водораздел между Каракамышем и Ащесаем, далее на восток и юго-восток центральный, проходящий через весь город с расчленяющими его каналами Калькауз и Анхор, между Каракамышем и Саларом, между Саларом и Чаули и другие более мелкие, иногда отходящие от указанных в субширотном направлении.

После ташкентского цикла аккумуляции эта поверхность несомненно изменялась в результате денудации и деятельности человека. Однако до настоящего времени она занимает командное положение равнины.

Климатические условия среднетчетвертичного времени, отличающаяся еще большей аридностью, в целом характеризовались на отдельных этапах изменениями влажности и температуры, хотя эти колебания не исключали тенденции увеличения аридности. Со среднетчетвертичным временем связано максимальное оледенение в горах, обуславливавшее и увеличение обводненности рек. Из толщи лессовых пород ташкентской террасы извлечены остатки водорослей, не переносивших продолжительной транспортировки¹⁵. Это свидетельствует об участии водной среды в формировании толщи лессовых отложений. Вместе с тем, как показывают разрезы этих отложений, в среднетчетвертичное время по склонам р. Сырдарьи были развиты и эоловые процессы, что можно объяснить влиянием пустынных пространств на севере равнины. Следовательно, простирающийся на правом берегу реки современный массив эоловых песков Алкаулькун образовался еще в среднетчетвертичное время. Подобные контрасты в осадконакоплении и рельефообразовании на относительно ограниченной площади указывают на значительную континентальность физико-географических условий.

Обломки костей, обнаруженные в кострищах в лессовых отложениях предгорной равнины, по заключению Б. С. Кожемкуло-

---

¹⁵ Гричук М. П., Лазаренко А. А. О перспективах использования данных спорово-пыльцевого анализа для выяснения стратиграфии и генезиса лессовых пород Приташкентского района.— В сб.: Труды Международного симпозиума по литологии и генезису лессовых пород. Ташкент, 1970.

вой¹⁶, относятся к хазарскому фаунистическому комплексу, среди которого наряду с костями саванного слона встречаются кости верблюда. Совокупность животных этого комплекса и данные палинологического метода позволяют определить преобладающий тип растительности травяно-кустарниковый с древесной растительностью по долинам рек и водоемов. Вместе с ними в толще лесовых отложений выделены пыльца и споры ксерофитных пустынных форм. Даже при значительных климатических колебаниях, например во время развития максимального горного оледенения, на описываемую территорию ледники не заходили. Следовательно, не лишено смысла предположение о сохранении и тогда в общем благоприятных условий для жизни человека. Очевидно, амплитуда экстремальных показателей здесь была смягченнее, чем в пустынях и горах.

Позднечетвертичное время характеризовалось усилением тектонических движений и резкой аридизацией климата. Это проявилось прежде всего в быстром поднятии гор, глубоком расчленении в предгорьях и даже в предгорной равнине и относительной нивелировке поверхности равнины по долинам и периферии пролювиального шлейфа. Выносившиеся с гор рыхлообломочные осадки не успевали достаточно полно дифференцироваться. В результате чего сформировавшие голодностепскую террасу отложения отличаются небольшой мощностью, грубым составом и невысокой степенью сортировки. Даже венчающая толща лессовых пород характеризуется значительной неоднородностью, наличием пропластков, линз и включений песка и гравия.

Плоская поверхность этой террасы широкой полосой, местами прерывающейся (где ташкентская терраса подходит близко к реке), простирается на юге и востоке города по правобережью долины Чирчика. Ее, занимающую среднее положение в этажности рельефа, легко проследить и по долинам Салара, Бозсу, Каракамыша. Далее, за пределами города, пролювиальная равнина, соединяющаяся с этой террасой, образованной этими же отложениями, занимает обширные территории. Так, большая часть Голодной степи с поверхности сложена этими осадками.

В процессе тектонических подвижек создалась основная часть адырного рельефа непосредственно вдоль подножья гор. Типичны в рельефе позднечетвертичных долин, кроме плоской поверхности террас, пологие и длинные склоны с мягкими формами. Общий рисунок расчленения предгорной части равнины сформировался главным образом в позднечетвертичное время. Подобные усиления эрозии и широкое развитие пролювиальных шлейфов, казалось бы,

---

¹⁶ Костенко Н. Н., Кожамкулова Б. С. Палеонтологические критерии о корреляции нижнеантропогенных отложений Казахстана и Таджикистана.— «Вест. АН КазССР», 1964, № 6 (231).

свидетельствуют об увеличении влажности климата, тогда как данные палинологического метода приводят к иному выводу. По данным М. М. Пахомова¹⁷, даже в горах в древесной растительности резко увеличиваются ксерофитные формы, не говоря уже о равнине.

Влияние пустыни сказалось на расширении площадей с эоловым рельефом. Эоловая переработка в рельефообразованиях иногда оказывалась более эффективной. Вместе с этим наблюдалась значительная дифференциация рельефа. Среди адыров образовывались мелкие, часто временные, озера и болота. Юго-западнее города в разрезе отчетливо зафиксировались эти процессы. В 10 км выше по течению от стоянки Бозсу 2 на месте бывшего озера в правом склоне долины вскрыты ганчевые накопления (рис. 5).

Подобные места, как и в низовьях Курук-Келеса, традиционно осваивались человеком даже в историческое время. Выработки ганча существовали еще 10—15 лет назад.

Интенсивная аридизация климата в позднечетвертичное время отмечена многими исследователями Тянь-Шаня¹⁸. На широкую активизацию эоловых процессов в Западной Сибири и Казахстане указывают И. А. Волков и др.¹⁹ О расширении пустынь и смене степных условий полупустынными вблизи гор свидетельствуют костные остатки животных верхнепалеолитического фаунистического комплекса.

Многочисленные находки предметов хозяйственной деятельности древнего человека (финальный мустье и верхний палеолит) в гротах, пещерах, толще отложений *in situ* и в виде обширного подъемного материала в городе и его окружении весьма обнадеживают, тем более, что верхняя вмещающая толща получила даже абсолютную датировку (38,0 тыс. лет)²⁰.

В голоцене сформировались две надпойменные террасы и пойма. В эту эпоху еще больше увеличилась интенсивность тектонических движений, обусловивших резкое возрастание глубинной эрозии, тогда как боковая эрозия обычно не выходит за пределы долин голодностепской террасы.

Наибольшую глубину получил врез при формировании II над-

¹⁷ Пахомов М. М. Плиоцен-четвертичные флоры Памира и их значение для палеогеографии и биостратиграфии. М., 1975.

¹⁸ Марков К. К. О характере четвертичных движений земной коры в районе Тянь-Шаня.— «Проблемы физической географии», 1938, № 6; Алешинская З. В. и др. Разрез новейших отложений Иссыккульской впадины. М., 1971.

¹⁹ Волков И. А., Волкова В. С., Задкова Н. К. Покровные лессовидные отложения и палеогеография юго-запада Западной Сибири в плиоцен-четвертичное время. Новосибирск, 1969.

²⁰ Тетюхин Г. Ф. К стратиграфии лессовых пород Приташкентского района.— «Ученые записки САИГИМСа», вып. 3. Ташкент, 1960.

пойменной (абайская) террасы. Это происходило на протяжении первой половины всего голоцена (примерно от 5 до 10 тыс. лет назад). Ее плоскую поверхность нередко путают с голодностепской террасой. Однако, кроме того, что она входит в комплекс поверхностей самого нижнего этажа, на ней сохранились в наиболее свежем виде формы рельефа различного генезиса. Развитые к ней склоны обычно отвесные.

При формировании ее первая половина характеризовалась наиболее активными тектоническими движениями, вторая — более спокойными условиями. В результате этого в кровле отложений очень типичными оказались следы болотных процессов²¹.

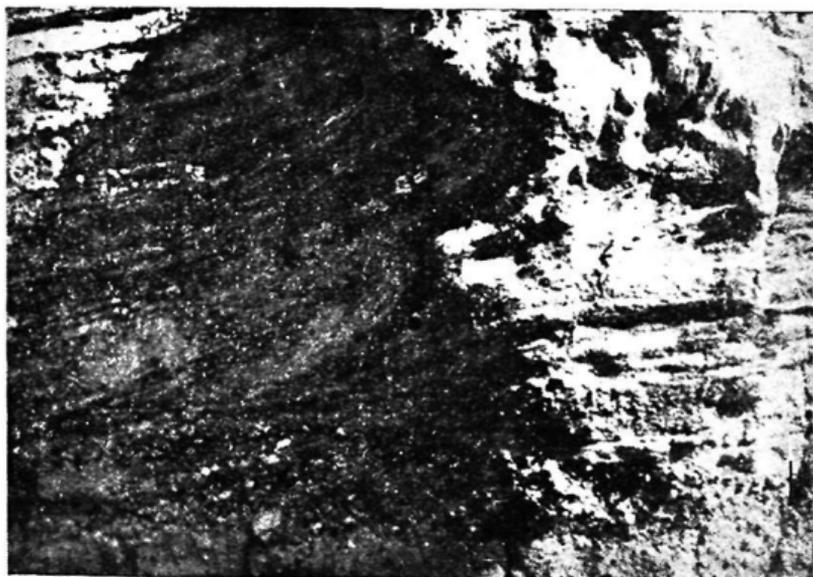

Рис. 5. Следы озерных отложений в толще голодностепской террасы. В разрезе осветленная полоса ганча фиксирует очертания бывшего озера.

Нередко в толще мелкоземной части разреза находят большое количество обломков различных предметов, относящихся к хозяйственной деятельности человека. Наиболее древними оказались предметы мезолитической каменной индустрии из слоя стоянки Кушилиш на берегу Бозсу, в песчано-гравийной толще основания отложений. Эта уникальная стоянка обнаружена в 1966 г. группой геологов под руководством В. А. Захаревич и изучена У. Ис-

²¹ Тетюхин Г. Ф. К вопросу о микробиологических исследованиях в комплексном изучении лессовых пород.— «Ученые записки САИГИМСа», вып. 7, 1962.

ламовым²². Судя по результатам исследования, она появилась во фрагментарно сохранившейся долине абайской террасы, врезанной в толщу голодностепского отложения. Следовательно, для выявления новых мезолитических памятников необходимо обратить основное внимание на поиски аналогичных отложений в данном районе, тем более, что отложения абайской террасы здесь не ограничены только этими отложениями.

Среди включений в этих отложениях очень распространены предметы неолита и более поздних культур. По долине Нижнего Бозсу образовались достаточно широкие площади аккумулятивной равнины, сопрягающейся с уровнем абайской террасы и сложенной раннеголоценовыми отложениями. Синхронные и обширные площади образовались также по долине Каракамышы, Салара, а наиболее крупные по долине р. Чирчик.

Ритмы климатических изменений и связанные с ними усиления таяния ледников в горах увеличивали обводненность рек и способствовали накоплению в низовьях относительно мощных толщ осадков. Так, по Бозсу, Чирчику, Ахангарану, Келесу и Сырдарье мощность их иногда достигала нескольких десятков метров.

Превышение этой террасы над меженными водами достигает 7—8 м, а ниже ее располагается поверхность часто со свежими следами бывших русел, наличием озер и стариц — I надпойменная. Ее превышение над меженью 2,5—3,0 м. Эта терраса образовалась в фазу новых усилений тектонических движений с достаточно высокой степенью активизации на протяжении всего времени формирования. К тому же и климатические ритмы этого времени характеризовались более высокими показателями влажности. В составе этих отложений преобладают крупные обломочные осадки. Впрочем, ритмику колебаний влажности и температуры климата, вплоть до сезонных включительно, нередко отражает разрез I надпойменной террасы.

Следы жизни человека встречаются не только по долинам рек и вблизи водоемов; их находят повсюду. Следовательно, уже в то время человек достаточно активно влиял на природу. Он строил каналы, расширявшие сферу обводнения до водоразделов включительно. Большие изменения ландшафта связаны с горными выработками и различными мастерскими, остатки которых в этих отложениях известны достаточно широко²³. Уже тогда эти вмешательства человека в развитие природы не всегда отличались прогрессивным характером. Вырубка ранее произраставшей древесной растительности по склонам предгорий, например, по

²² Исламов У. Мезолитическая стоянка Кушилиш под Ташкентом.— ОНУ, 1970, № 7.

²³ Исламов О. И. Из истории геологических знаний в Средней Азии. Ташкент, 1976.

левого берегу долины Чирчика, привела к интенсивному развитию оползневого и селевого рельефа. Вряд ли вызовет серьезные возражения более широкое предположение: не всегда миграция населения объяснялась социальными или экономическими причинами. Нередко их вынуждали к этому такие стихийные бедствия, как землетрясения, селевые потоки, которые с уничтожением древесной растительности на склонах гор в экстремальных случаях свободно достигали современной территории города, тем более что к тому времени горы в результате тектонических поднятий уже достигли современного их положения. С активизацией тектонической мобильности во вторую половину голоцена не вызывает сомнения предположение об усилении сейсмических проявлений, свидетелями которых мы являемся сами.

Среди остеологических находок преобладают остатки костей домашних животных, что также не противоречит тезису об активном воздействии человека на природу. Среди остальных форм — животные современного фаунистического комплекса, характеризующие общее усиление аридизации, на фоне которой этапы увлажнения, очевидно, не исключали этого процесса полностью. Среди остатков преобладают формы, отсутствующие в настоящее время на данной территории, например, кулан. Часты находки костей грызунов — типичных жителей сухих степей и полупустынь.

Возраст отложений I надпойменной террасы определен на основании комплексного метода, в том числе и результатами радиометрических измерений. Его датировка укладывается в интервале 1,0—5,0 тыс. лет²⁴. В последнем цикле усиления тектонических движений появился новый врез и сформировалась пойма. По существу эти отложения продолжают формироваться²⁵. Тем не менее в этапы, когда пойма не заливалась водой, человек, располагаясь на ней, использовал близкий водный источник и наличие плодородных наносов, эксплуатировал пойму и оставил следы своей деятельности. Время формирования поймы определяется последним тысячелетием, т. е. средневековьем и позже. За это время человеческое общество претерпело значительные изменения. Несмотря на изменяющиеся климатические ритмы и активизацию тектонических движений, в процессе формирования этой террасы больших отклонений в осадконакоплении и рельефообразовании не произошло. Продолжительность этого отрезка времени в геологическом отложении весьма ограничена. Однако, несмотря на

---

²⁴ Тетюхин Г. Ф., Пшенин Г. Н., Романов И. Б. К вопросу о возрасте голоценовых террас бассейна р. Сырдарья. — В сб.: «Вопросы региональной инженерной геологии». Ташкент, 1972; Тетюхин Г. Ф. Палеогеоморфология территории Узбекистана в четвертичный период.

²⁵ В отличие от обычных надпойменных террас пойма каждый сезон или раз в несколько лет заливается водой, в результате чего она еще более аккумулируется или размывается.

его краткость, человек все же оставил значительные следы. Прежде всего в результате ирригационного строительства вся гидрографическая сеть оказалась в конечном счете включена в сферу действия каналов. Даже такой водоток, как Чаули, не использовавшийся как транзитный ирригационный канал, был превращен в сбросной. За время эксплуатации каналов многие из них разработались, приняв форму долин естественных водотоков. Уже в начале тысячелетия в связи с развивающейся металлургией появилось большое количество рудников.

С ростом возможностей влияния человека на природу увеличился объем информации и появилась возможность их датировки вплоть до абсолютного определения с помощью радиологических методов. Однако, как уже говорилось выше, размыв древних толщ и перемещение разновозрастных предметов хозяйственной деятельности человека осложнили задачу реконструкции последовательности происходивших событий.

ПАМЯТНИКИ ПЕРВОБЫТНОЙ КУЛЬТУРЫ ТАШКЕНТА И ЕГО ОКРЕСТНОСТЕЙ

ПАМЯТНИКИ ЭПОХИ ПАЛЕОЛИТА

Одна из важнейших проблем археологии республики — изучение древнейших этапов первобытного общества и прежде всего каменного века. До настоящего времени о памятниках первобытной культуры и связанной с ними четвертичной геологии Ташкента и его окрестностей собрано очень мало данных.

Еще в 1901 г. А. П. Павлов впервые обнаружил остатки костей ископаемых животных во время геологического наблюдения в районе Нижнего Бозсу¹. В 1942 г. Н. М. Соколов собрал палеолитические орудия на стоянке Бозсу I во время строительства гидростанции².

В 1955 г. сотрудники Нижнебозсуйского археологического отряда Института истории и археологии АН УзССР начали исследование места находок каменных орудий в урочище Шаимкуприк на берегу древнего канала Бозсу вблизи Ташкента³. Именно в 50-е годы были открыты некоторые палеолитические памятники и найдены остатки костей ископаемых животных в различных районах Ташкента и его окрестностях⁴. Так, были обнаружены каменные

¹ Павлов А. П. Статьи по геоморфологии и прикладной геологии. МОНП, М., 1951.

² Шишкин В. А. Полевые работы Узбекстанской археологической экспедиции в 1954—1955 гг.— ИМКУ, вып. 1, 1959, с. 224.

³ Скворцов Ю. А., Парфенов Г. В., Исламов О. И. Палеолитическая стоянка первобытного человека под Ташкентом.— «Правда Востока», 1955 г., 2 ноября. Следует отметить, что в настоящее время расстояние Бозсуйских палеолитических местонахождений намного сократилось в связи с расширением территории Ташкента. Следовательно, встречающиеся в литературе до 1970 г. издания сведения об их расстояниях не соответствуют последним данным.

⁴ Щеглова В. В. Две находки остатков ископаемых млекопитающих в Приташкентском районе.— «ДАН УзССР», 1954, № 2, с. 19—20; Парфенов Г. В. Нижнебозсуйская палеолитическая стоянка.— «Правда Востока», 1956 г., 6 января; Он же. Захская стоянка человека.— «Ташкентская правда», 1958 г., 16 декабря; Тетюхин Г. Ф. К стратиграфии лессовых пород Приташкентского района.— «Ученые записки САИГИМСа», вып. 3, 1960; Он же.

орудия, типичные для палеолита и остатки ископаемых животных в окрестностях палеолитической стоянки Бозсу 1 в урочище Шаимкуприк. В результате осмотра его археологами и геологами в 1954—1974 гг. был открыт ряд палеолитических памятников Бозсу 1⁵, Бозсу 2⁶ и Каракамыш⁷, а вдоль канала Бозсу четыре пункта палеолитических местонахождений — Бозсу 3—6⁸. Кроме того, в 1978 г. на левом берегу канала, между мостом и Бозсуйской ГЭС № 3, в районе Халкабада, сотрудники Ташкентской археологической экспедиции Института археологии АН УзССР обнаружили каменные изделия, некоторые из которых были со следами вторичной обработки⁹. В 1958 г. И. А. Анбоев выявил Захскую стоянку, расположенную в 8 км севернее Ташкента¹⁰, а на правом берегу Салара г. Ташкента в том же году нашел прекрасный мустьерский остроконечник. В 1963 г. при проведении траншеи на ул. Б. Хмельницкого г. Ташкента строители обнаружили кварцевые дисковидный нуклеус и пластину мустьерского облика.

Таким образом, в результате многолетних исследований памятников первобытной культуры района получено достаточное количество материала, представляющего данные для освещения деятельности первобытного человека и древнейшей истории Ташкентского оазиса.

Физико-географическая обстановка, климат и формирование четвертичных отложений Приташкентского района охарактеризованы Г. Ф. Тетюхиным¹¹ и О. И. Исламовым¹². Исследователи Западного Тянь-Шаня считают, что, как и по всей Средней Азии, климат в Приташкентском районе до конца третичного времени был теплым и влажным. В четвертичное время он стал умеренным. Периодическое похолодание района соответствовало, по-ви-

---

О стратиграфии четвертичных отложений Приташкентского района. Материалы Всесоюзного совещания по изучению четвертичного периода, т. III. М., 1961; Анбоев И. А. Открытие на реке Каракамыш.—«Ташкентская правда», 1960 г., 2 февраля.

⁵ Буряков Ю. Ф., Касымов М. Р., Ростовцев О. М. Археологические памятники Ташкентской области. Ташкент, 1973, с. 52—53.

⁶ Окладников А. П. и Исламов О. И. Палеолитические находки в урочище Шуралисай (Бозсу 2).—ИМКУ, вып. 2, 1961.

⁷ Анбоев И. А. Указ. ст.

⁸ Парфенов Г. В. Работы кружка юных археологов Института истории и археологии АН УзССР.—ОНУ, 1961, № 1, с. 71; Касымов М., Менвапов С. Новые находки палеолитических орудий в окрестностях Янгюля.—ОНУ, 1975, № 6/7, с. 92—94.

⁹ В работе отряда принимали участие М. Р. Касымов, Т. Худайбердиев, Дж. Кабиров и Т. Гречкина.

¹⁰ Парфенов Г. В. Захская стоянка человека.—«Ташкентская правда», 1958 г., 16 декабря.

¹¹ Формирование четвертичных отложений более подробно охарактеризовано в главе Г. Ф. Тетюхина.

¹² Окладников А. П. и Исламов О. И. Палеолитические находки в урочище Шуралисай (Бозсу 2).—ИМКУ, вып. 2, 1961, с. 52—54.

димому, общим для Средней Азии эпохам оледенения¹³. Следовательно, в четвертичном периоде на территории изучаемого района были благоприятные природные условия для жизни первобытных людей. Об этом свидетельствуют находки на Бозсу 1 и 2 многочисленных остатков костей животных, по определению Т. Худайбердиева, лошади, кулана, верблюда, тура (бык), архара и др. и, самое главное, выявление нескольких местонахождений людей эпохи палеолита, живших на территории Ташкента и его окрестностей¹⁴.

ПАЛЕОЛИТИЧЕСКОЕ МЕСТОНАХОЖДЕНИЕ БОЗСУ 1

Расположено при слиянии канала Бозсу с Каракамышом. недалеко от Нижнебозсуйской ГЭС-1, в урочище Шаимкуприк¹⁵.

Первые палеолитические находки зафиксированы здесь еще в 1942 г., во время строительства гидростанции, инженером Н. М. Соколовым, передавшим их в 1955 г. О. И. Исламову¹⁶. В результате осмотра местонахождения археологами и геологами установлено, что каменные орудия происходят из гравийно-галечного слоя, лежащего под большой толщей лесса. Выходы этого слоя обнажены в глубоком каньоне, вырытом водами Каракамыша и Бозсу. В 1955—1956 гг. Нижнебозсуйский археологический отряд Института истории и археологии АН УзССР произвел стационарные раскопочные работы на местонахождении Шаимкуприк¹⁷.

Во время раскопочных работ в плотнослежавшемся болотистом грунте мыса Каракамыша, в сцементированном речном галечнике найдены многочисленные орудия труда первобытного

¹³ Об оледенении Средней Азии более подробно см.: Касымов М. Р. Палеолитические памятники в верховьях бассейна Чирчика.— В кн.: Древности Чарвака. Ташкент, 1976, с. 12—14.

¹⁴ Большая часть археологического материала из местонахождений Бозсу 1, 2, 3—5 находится в фондах Музея истории народов Узбекистана им. М. Т. Айбека (см.: Спришевский В. И. Каталог археологических материалов эпохи камня и бронзы. Ташкент, 1974); остальная часть — на кафедре Общей геологии Геологического факультета ТашГУ им. В. И. Ленина. Кроме того, в 1980 г. часть бозсуйского материала из Института археологии АН УзССР передана М. Р. Касымовым в Музей истории народов Узбекистана. Следует отметить, что публикаций по археологическим материалам из Бозсу 1, 2 и 3—5 очень мало. Цель настоящей работы — собрать воедино материалы из названных местонахождений и ввести их в научный оборот.

¹⁵ Шишкин В. А. Полевые работы Узбекстанской археологической экспедиции в 1954—1955 гг.— ИМКУ, вып. 1, 1959, с. 224.

¹⁶ Шишкин В. А. Узбекстанская археологическая экспедиция АН УзССР (полевые работы 1956—1959 гг.)..— ИМКУ, вып. 2, 1961, с. 19.

¹⁷ В 1955 г. в работе отряда принимали участие Г. В. Парфенов, А. П. Окладников и В. И. Спришевский; в 1956 г. отряд работал в составе — Г. В. Парфенов, О. В. Обельченко, З. А. Абрамова при консультации А. П. Окладникова, геологов ТашГУ Ю. А. Скворцова, Г. Ф. Тетюхина и О. И. Исламова.

человека с остатками костей ископаемых животных¹⁸. Окатанность почти всех находок свидетельствует о том, что они долго находились в водном потоке и в исследовавшемся галечнике оказались уже в переотложенном состоянии. Это подтверждает и смещенность самих палеолитических орудий и среднего, и позднего палеолита. Еще более убедительно свидетельствует о переотложенности каменных орудий обнаружение большого количества окатанной керамики, датируемой XI—XII вв., находившейся вместе с каменными орудиями и остатками различного времени костей животных¹⁹.

В 1958—1960 гг. на местонахождении Шаимкуприк юные краеведы под руководством Г. В. Парфенова и геологи собрали многочисленные каменные орудия, относящиеся к различному периоду каменного века. Таким образом, в течение нескольких лет работ с местонахождения Шаимкуприк (Бозсу 1) получено достаточное количество археологического материала, имеющего большое значение для определения производственной деятельности первобытного человека изучаемого района.

Характеристика индустрии местонахождения Бозсу 1. В результате стационарных работ здесь получено большое количество каменного инвентаря — 241 экз. Среди них дисковидные одно- и многоплощадные нуклеусы, пластины, выемчато-режущие и выемчато-скребущие орудия, скребла и другие орудия, характерные для мустьерской эпохи. Достаточным количеством в коллекции представлены позднепалеолитические пластинки, концевые скребки, скребки с черенком и отщепы различных очертаний. Встречаются также геометрические орудия, миниатюрные пластинки и соответствующие им нуклеусы более позднего времени. Следовательно, инвентарь стоянки Бозсу 1 четко разделяется на мустьерский, позднепалеолитический и на более поздний комплексы.

Мустьерский комплекс

Представлен 146 изделиями из серого и желтоватого кремня (55 экз., 39%), кремнистого известняка (15, или 10%), черного и бордового сланца (74, или 50,25%) и темнозернистой породы камня (1, или 0,75%). В результате разведочных работ 1979 г. установлено, что все названные выше породы камня, встречаю-

¹⁸ Парфенов Г. В. Нижнебозсуйская палеолитическая стоянка.— «Правда Востока», 1956 г., 6 января; «Комсомолец Узбекистана», 1957 г., 11 мая.

¹⁹ Парфенов Г. В. Нижнебозсуйская палеолитическая стоянка.— «Правда Востока», 1956 г., 6 января; Шишкин В. А. Полевые работы Узбекстанской археологической экспедиции в 1954—1955 г., с. 224; Он же. Узбекстанская археологическая экспедиция АН УзССР (полевые работы 1956—1959 гг.), с. 19; Тетюхин Г. Ф. О стратиграфии четвертичных отложений Приташкентского района. Материалы Всесоюзного совещания по изучению четвертичного периода, т. III. М., 1961, с. 386.

щиеся в галечных отложениях в районе Нижнего Бозсу и использованные первобытными людьми для изготовления орудий, местного происхождения.

Первичная обработка каменных изделий, несмотря на малочисленность в коллекции ядрищ, отчетливо устанавливается благодаря наличию более выразительных сколов различных категорий.

Нуклеусы и их обломки — 8 экз. В качестве сырья использованы местные породы камня: желвачный кремь (6), кремнистый известняк (1) и сланец (1). Все представленные в комплексе нуклеусы остаточные. Размеры наибольших нуклеусов $7,2 \times 3,5 \times 2,7$ см, наименьших — $3,6 \times 2,7 \times 2,2$ см. Размеры негативов почти соответствуют их размерам. Небольшие негативы на нуклеусах не соответствуют размерам сколов данного комплекса. Следовательно, пластины и отщепы крупных размеров сняты на более ранних этапах расщепления. Следует отметить, что в количественном соотношении сколов в несколько раз больше нуклеусов. Это, по-видимому, объясняется тем, что первичная обработка орудий производилась где-то частично и на стоянку приносили большое количество сколов или во время сборов изделий на местонахождении мало обращали внимания на нуклеусы.

Морфологически все нуклеусы подразделяются на пять групп: дисковидные (2), одноплощадочные (2), двухплощадочные (2), многоплощадочный (1) и нуклевидный обломок (1).

Дисковидные нуклеусы представлены обломками одностороннего и двустороннего. На тыльной стороне одностороннего нуклеуса сохранились остатки естественной поверхности гальки, на рабочей — следы мелких радиальных сколов (рис. 7, 15). Двусторонний нуклеус подчетыреугольной формы. На обоих его сторонах видны следы радиальных сколов.

Одноплощадочные и двухплощадочные нуклеусы односторонние. Для них характерна подготовка ударных площадок. В некоторых случаях их ударные площадки подправлены поперечными сколами. У одноплощадочных нуклеусов сколы сняты с одной стороны (рис. 6, 5), у двухплощадочных — с одной стороны, но с противоположных краев (рис. 6, 8).

Многоплощадочные нуклеусы представлены одним экземпляром. В отличие от предыдущих нуклеусов у него четыре площадки, с которых в разные стороны произведены сколы (рис. 7, 7). На нуклевидном обломке сохранились следы бессистемных сколов; один его приостренный край тщательно обработан ретушью.

Обращают на себя внимание сколы с площадки нуклеусов (2 экз.). Сколы относительно плоские, с хорошо выраженными ударными площадками и характерной ломаной линией окружности, на которой видны грани сколов с нуклеуса (рис. 7, 11). Кроме того, волнистые края другого скола в одном случае обработаны мелкой приостряющей ретушью со спинки, в другом — с

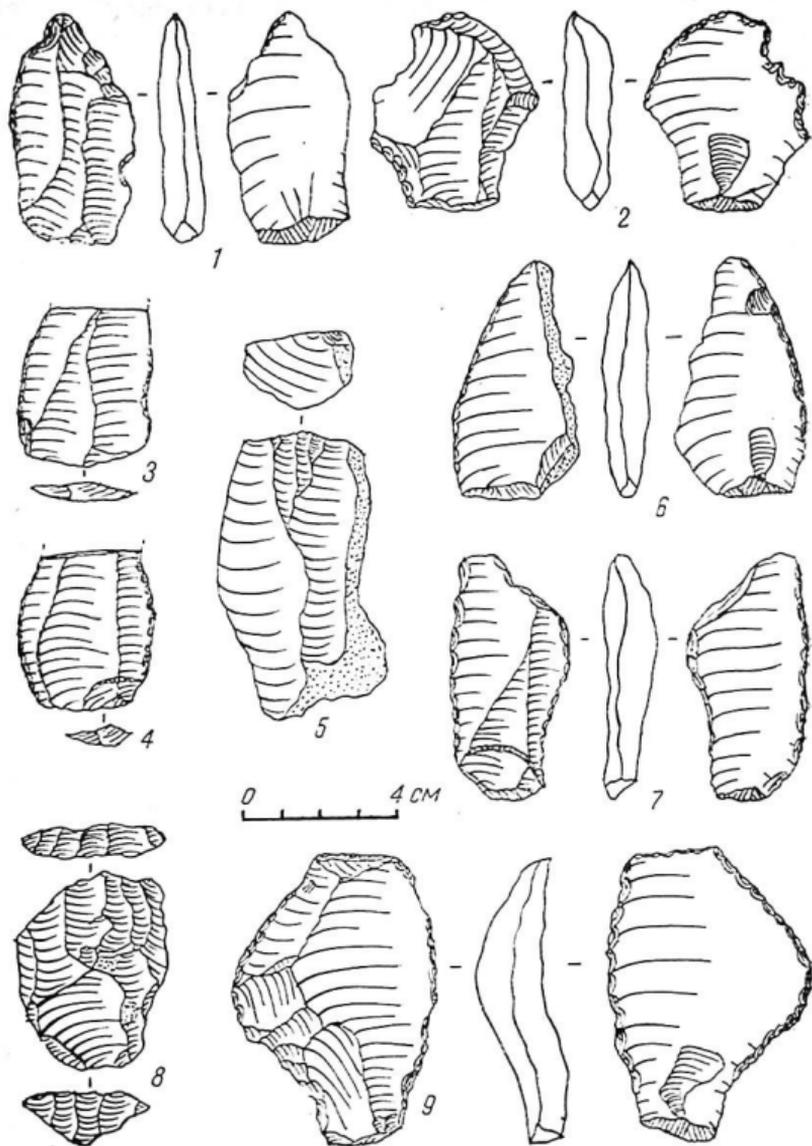

Рис. 6. Бозсу 1. Каменные изделия:

1 — провертка; 2 — выемчато-скребущее орудие; 3, 4, 6 — ножи; 5, 8 — нуклеусы; 7 — нож-скребло; 9 — скребло.

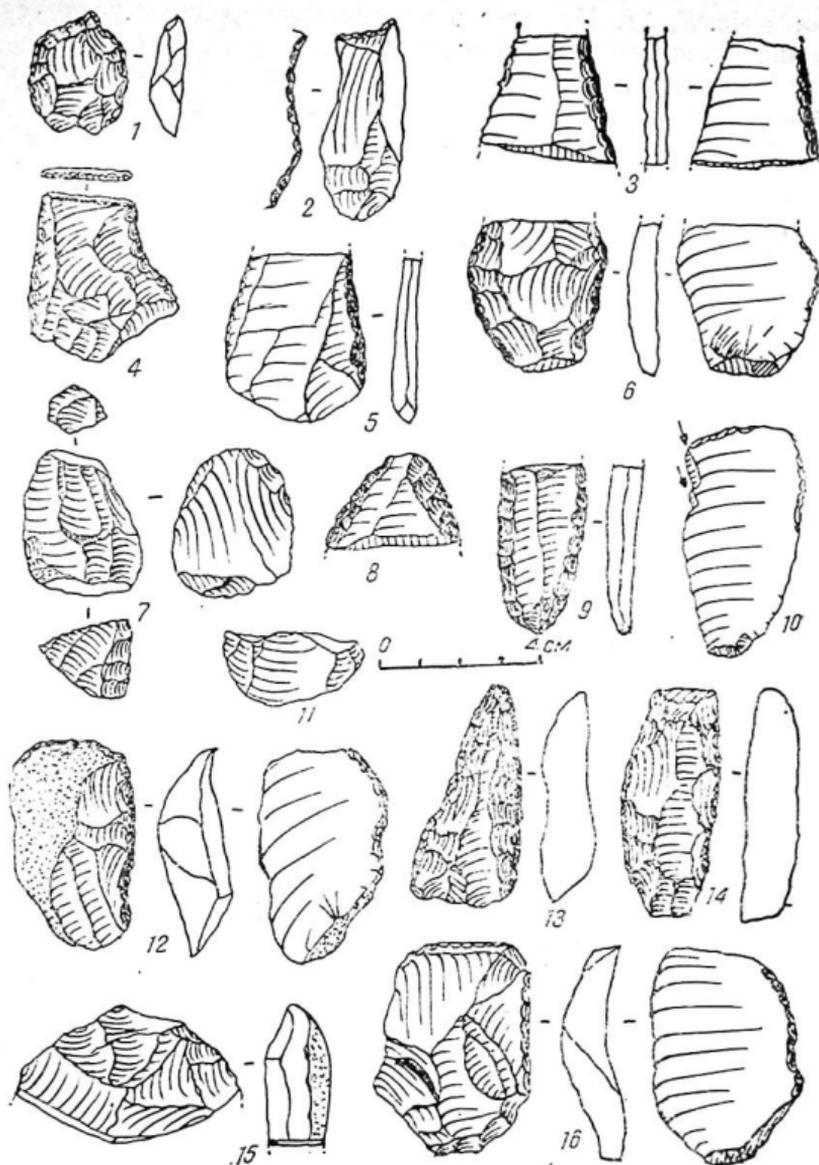

Рис. 7. Бозсу 1. Каменные изделия:

1 — проколка; 2 — выемчато-режущие орудия; 3 — нож двойной; 4 — концевой скребок с сочетанием выемчато-скребущих рабочих элементов; 5 — режуще-скребущее орудие; 6, 9, 14 — двойные боковые скребла; 7 — многоплощадочный нуклеус; 8 — двойной нож; 10 — краевой резец; 11 — скол с площадки нуклеуса; 12 — многолезвийное скребло; 13 — острие; 15 — обломок дисковидного нуклеуса; 16 — многолезвийное скребло.

брюшка (рис. 7, 2). Наличие этих предметов свидетельствует об оживлении площадок нуклеусов после их порчи.

Общее количество сколов 138 экз., из них 7 типа леваллуа, 131 типа нелеваллуа; имеются еще пластины (19) и отщепы (9) без ударных площадок (табл. 1).

Таблица I

Типы сколов и ударных площадок инвентаря мустьерского комплекса местонахождения Бозсу I*

Тип заготовки	Ударные площадки						всего
	с одним сколом или гладкие	с двумя фасетками или одногранные	с тремя фасетками или двугранные	точечные	покрытые естеств. поверхностью или желвачной коркой	удалены вторичной отделкой	
Пластины леваллуа с ретушью	—	2	2	—	—	—	4
Пластины леваллуа без ретуши	—	—	—	—	—	—	—
Пластины нелеваллуа с ретушью	12	10	3	1	—	—	26
Пластины нелеваллуа без ретуши	3	3	1	—	—	—	7
Отщепы леваллуа с ретушью	3	—	—	—	—	—	3
Отщепы леваллуа без ретуши	—	—	—	—	—	—	—
Отщепы нелеваллуа с ретушью	16	12	9	1	6	5	49
Отщепы нелеваллуа без ретуши	10	5	4	—	—	—	19
Сколы с площадки нуклеуса	2	—	—	—	—	—	2
Итого	46	32	19	2	6	5	110

Примечание. В таблицу не включены нуклеусы и их обломки (8), пластины (19), отщепы (9) без ударных площадок.

Характерными признаками пластин (56), отщепов (71) и сколов с площадки нуклеуса (2) являются их размеры, удлинённые пропорции и высокий процент фрагментированности. Размеры наибольших целых пластин 8,7—3,8 см, наименьших 5,6—2,4 см. Массивность пластин также обычна для мустьерских индустрий. Так, толщина пластины находится в пределах 0,4—1,3 см, ширина 2,4—4,1 см. Судя по измерениям, длина пластины превышает ширину более чем в два раза.

Нуклеусы, с которых снимали такие удлиненные пластины, должны были быть более крупными. Судя по ограничению спинок многих пластин и отщепов, их сняли с одноплощадочных, двухплощадочных, дисковидных и многоплощадочных нуклеусов. Отметим, что в комплексе леваллуазские сколы представлены незначительным (7) количеством.

У 110 сколов отмечено наличие ударных площадок, в основном расположенных под прямым углом, около половины под тупым углом к длинной оси сколов. Среди них обработаны одним (46), двумя (32), тремя (19) поперечными (фасетками) сколами, лишь всего два скола имеют точечные и шесть сколов желвачную корку или естественную поверхность исходного сырья, а у 5 сколов они удалены вторичной отделкой (табл. 1).

Таким образом, сущность индустрии мустьерского комплекса Бозсу 1 заключается в высоких показателях нелеваллуазской техники расщепления камня и пластинчатости заготовок, так как индекс нелеваллуа технический (95,2) намного превышает индекс леваллуа (4,8). Эти данные, по-видимому, свидетельствуют о выборочности инвентаря местонахождения Бозсу 1.

Вторичная обработка орудий производилась с помощью ретуширования. Несмотря на сильную сглаженность лезвия большинства орудий отчетливо прослеживается вторичная их обработка. В комплексе преобладает ретушь лицевая, краевая, зубчатая, пологая, плоская, реже легкая, глубокая, брюшковая и двусторонняя. По разновидности такая вторичная обработка индустрий Бозсу 1 намного уступает вторичной обработке индустрии мустьерских слоев Кульбулака и намного превосходит по ассортименту ретуши индустрии грота Ходжакент 1,2²⁰ и даже пещерной стоянки Обирахмат²¹.

Типологическая характеристика. Мы рассмотрим количественные и качественные показатели изделий, представленных в комплексе всех типов; типологический состав орудий стоянки Бозсу 1 приведен в табл. 2.

В коллекции представлена большая группа ножевидных орудий, среди них есть одно- и двухлезвийные орудия, сочетающие ножевидные лезвия с боковыми скреблами. Однолезвийные ножи составляют самую большую группу — 35 экз., из них на пластинах 12, на их обломках 5, на отщепках и сколах различной формы 18 экз. Большинство ножей на пластинах крупные (9,1—5,4 × 2,3—4,0 см). Лезвия всех ножей более или менее прямые, реже выпуклые или вогнутые, в большинстве случаев обработанные полностью или частично односторонней ретушью. Ретушь произве-

²⁰ Окладников А. П. Ходжакентская пещера — новый мустьерский памятник Узбекистана. — КСИА, вып. 82, 1961.

²¹ Сулейманов Р. Х. Статистическое изучение культуры грота Обирахмат. Ташкент, 1972.

дена либо со спинки, либо с брюшка ножей. Часто она сравнительно крупная и мелкая, иногда мелкозубчатая, но во всех слу-

Таблица 2

Типы изделий и соотношение используемых пород камня мустьерского комплекса местонахождения Бозсу 1

Тип изделия	Общее кол-во	Кремень	Кремнистый известняк	Сланец	Мелкозернистая порода	С коркой или естественной поверхностью
Обломки дисковидных ядрищ	2	1	—	1	—	2
Одноплощадочные нуклеусы	2	2	—	—	—	2
Двухплощадочно-односторонние нуклеусы	2	1	1	—	—	2
Четырехплощадочные нуклеусы	1	1	—	—	—	1
Обломок с нуклеуса с ретушью	1	1	—	—	—	1
Сколы с площадки нуклеуса	2	2	—	—	—	—
Ножи однолезвийные	35	12	2	21	—	6
Ножи двойные	16	4	1	10	1	2
Ножи—боковые скребла	11	4	2	5	—	2
Концевые скребки на криво усеченных пластинах, сочетающиеся с режуще-скребущими или скребуще-режущими лезвиями	3	1	—	2	—	—
Выемчато-режущие орудия	4	3	1	—	—	1
Выемчато-скребущие орудия	7	2	3	2	—	3
Выемчатые орудия	8	—	2	6	—	1
Боковые двойные скребла	5	1	1	3	—	—
Многолезвийные скребла	7	3	1	3	—	2
Остроконечники	3	2	—	1	—	—
Проколки	3	3	—	—	—	2
Провертка	1	—	—	1	—	—
Резец	1	—	—	1	—	1
Зубчатые орудия	7	4	1	2	—	—
Отщепы с ретушью	11	5	—	6	—	—
Отщепы без ретуши	14	4	—	10	—	2
Итого	146	56	15	74	1	30

чаях приостряющая. Характерно для них наличие различных обушков (рис. 6, б).

Ножи двойные — 16 экз., двухлезвийные, изготовлены в основном на пластинах (5), их обломках (6), на удлиненных отщепах (5). Размеры их 4,1—6,2×2,8—3,9×0,3—1,8 см. Лезвия некоторых в основном прямые (рис. 6, 7; рис. 7, 3) и слегка выпуклые (рис. 6, 3, 4; рис. 7, 8), иногда вогнутые. Они обработаны мелкой, краевой, лицевой, редко брюшковой или двусторонней, иногда мелкозубчатой ретушью.

Ножи-боковые скребла — 11 экз., изготовлены на обломках пластин (5) и удлиненных отщепах (6). Одни продольные края у них приострены мелкой лицевой ретушью, другие обработаны слегка вогнутой, иногда крутой ретушью (рис. 7, 5). Размеры их 1,6—4,7×1,9—4,6×0,7—1,2 см.

Концевые скребки на краю усеченных пластин с сочетанием выемчато-режущих или выемчато-скребущих рабочих элементов — 3 экз. Среди них два скребка на поперечно-усеченных концах пластин. Для них характерно наличие, кроме выемчатых элементов на правом боку, режущего или скребущего лезвия (рис. 7, 4). Скребущее лезвие находится на конце косо усеченного края пластин, кроме того, один продольный край приострен двусторонней ретушью, другой — затупляющей. Размеры их 4,1—5,2×2,6—4,8××0,8—0,9 см.

Выемчато-режущие орудия — 4 экз. Одно из них изготовлено на обломке пластин, другое на сколе с площадки нуклеуса, остальные на удлиненных отщепах. Выемчатые части у двух орудий обработаны со спинки лицевой крутой ретушью, у остальных с брюшка сначала фасетками, затем мелкой ретушью. Кроме того, выемчатые орудия сочетаются с режущими (3) или режуще-скребущими (1) рабочими элементами (рис. 7, 2). У некоторых орудий режущие лезвия оформлены либо зубчатой (1), либо пильчатой (1) ретушью. Размеры их 3,9—5,1×3,6—2,1×0,7—1,4 см.

Выемчато-скребущие орудия — 7 экз., изготовлены на отщепах различной формы, причем два из них на миниатюрных (2,6×1,9××0,6 см). Их сравнительно неглубокие крутые выемки сочетаются с боковыми (5), концевыми (1) и полукруглыми (1) скребущими рабочими элементами (рис. 6, 2). Рабочие края последних ровные, слегка выпуклые или полукруглые, оформленные либо сравнительно крупной крутой ретушью, либо мелкой. Размеры их 2,6—5,8××1,9—5,6×1,4 см.

Выемчатые орудия — 8 экз., изготовлены на подчетыреугольных и удлиненных отщепах. Размеры их 2,8—4,4×1,8—4,8×0,8—0,9 см. У трех экземпляров по две сравнительно широких и глубоких выемки, у остальных по одной неглубокой. Почти все орудия обработаны лицевой полукрутой ретушью и только одно — брюшковой.

Боковые двойные скребла — 5 экз., малочисленны, но представляют большой интерес для изучения скребущих орудий в дан-

ном комплексе. Изготовлены на пластинках (2), их обломках (3) и на массивном первичном отщепе (1), рабочие края которых двояковыпуклые, оформленные краевой, лицевой, полукрутой ретушью (рис. 7, 6, 9). Некоторые из них фасетированы и оформлены либо крупной крутой, либо полукрутой мелкой ретушью (рис. 7, 14).

Многолезвийные скребла — 7 экз., изготовлены на обломках пластин (1), на крупных (1), широких укороченных (2) или удлиненных (2) и на миниатюрных (1) отщепах. Все скребла трех- и четырехлезвийные, разнообразные по положению рабочих лезвий и углу схождения. Характерны для них прямые (5) и полукруглые (2) концевые скребки (6), сочетающиеся с боковыми лезвиями либо прямыми, либо слегка вогнутыми, сходящимися острыми (рис. 7, 12), часто полукруглыми углами (рис. 6, 9). Лезвия обработаны в основном лицевой и брюшковой ретушью. Ретушь в основном полукрутая, редко местами зубчатая (рис. 7, 16). Размеры $4,3 \times 2,3 \times 1,1$ см.

Остроконечники — 3 экз., изготовлены на сравнительно толстых кремневых пластинах, обработаны по обоим продольным краям чешуйчатой и ступенчатой ретушью, притом прямое правое лезвие оформлено полукрутой ретушью, а слегка изогнутое левое — сравнительно крутой (рис. 7, 13). Размеры $5,2 \times 2,4 \times 1,2$ см.

Проколки — 4 экз. По форме заготовки орудия можно выделить проколку с сочетанием режущего лезвия на широком конце укороченного отщепа, на другом конце ретушью выделено симметрично расположенное жальце. Две другие проколки изготовлены на полуовальных маленьких отщепах. На одном конце расположено выделенное мелкой выемкой жальце. Полуовальные края одного орудия обработаны с одной стороны крутой скребковой ретушью, с другой — приостряющей (рис. 7, 1); у другого орудия один боковой край оформлен притупляющей ретушью.

Провертка — 1 экз., своеобразное орудие, изготовленное из пластины вытянутых очертаний. На дистальном конце выделено жальце с двухсторонними выемками, сочетающееся с выемчато-режущими лезвиями на обоих боках пластины (рис. 6, 1).

Резец на углу пластины — 1 экз., изготовлен из зеленоватого сланца. Сначала угол пластины подготовили поперечным сколом, затем сняли двумя резовыми сколами. Противоположный край орудия частично оформлен брюшковой ретушью (рис. 7, 10).

Зубчатые орудия — 7 экз., изготовлены на обломках пластин (4) и отщепах (3). У всех изделий в качестве рабочих лезвий использованы дистальные края; лезвия обработаны лицевой (5) и брюшковой (2) сравнительно крупной и мелкой зубчатой ретушью. Размеры их $1,6-3,4 \times 1,8-3,2 \times 0,3-0,7$ см.

Отщепы с ретушью — 11 экз., подтреугольных и четырехугольных очертаний. Размеры их $1,8-5,2 \times 1,2-4,8 \times 0,3-0,7$ см. Зна-

чение этих отщепов немаловажно, так как им присущ ряд признаков, характеризующих основные приемы расщепления камня, что очень важно и для датировки комплекса. Среди отщепов попадаются крупные экземпляры (5) и миниатюрные (6). Характерна их вторичная обработка, произведенная местами по краю отщепы лицевой и полукруглой ретушью. На спинках многих отщепов сохранились следы радиальных сколов, что говорит о снятии их с дисковидного нуклеуса.

Отщепы без ретуши — 14 экз., среди них массивных 9, маленьких 5 экз. Форма их различна, на спинках большинства отщепов сохранились следы радиальных сколов, свидетельствующих о снятии с дисковидного нуклеуса. Все представленные здесь отщепы вторично не обрабатывались и, видимо, являлись отбросами производства.

Таким образом, список орудий (табл. 2) свидетельствует о количественном (83%) преобладании ретушированных форм (121). Список одних ретушированных изделий говорит о ведущем значении ножей, скребел различных форм и выемчаторежуще-скребущих орудий.

Итак, индустрия мустьерского комплекса Бозсу 1 представляет своеобразный вариант мустье. Индустрии, подобные найденным в Бозсу 1, известны в бассейне р. Ахангаран²². Ближайшая их аналогия — индустрии ряда местонахождений Нижнего Бозсу (Бозсу 2—6)²³.

Позднепалеолитический комплекс

Инвентарь позднепалеолитического комплекса местонахождения Бозсу 1 насчитывает 85 экз. Из них 79 изготовлены из желвачного серого и серовато-желтоватого кремния, четыре из кремнистого известняка, по одному из черного сланца и халцедона. Исползованные породы камня для изготовления изделий данного комплекса местные, их выходы встречаются в отложениях изучаемого района.

Первичная обработка этого этапа инвентаря данного комплекса, несмотря на единичность в коллекции нуклеусов, хорошо устанавливается благодаря наличию сколов соответствующих категорий.

²² Касымов М. Р. Местонахождения каменного века.— В кн.: Древности Туябугуза. Ташкент, 1978, с. 17—46.

²³ Окладников А. П. и Исламов О. И. Палеолитические находки в урочище Шуралисай (Бозсу 2).— ИМКУ, вып. 2. Ташкент, 1961; Парфенов Г. В. Работы кружка юных краеведов Института истории и археологии АН УзССР в 1960 г.— ОНУ, 1961, № 1, с. 71; Касымов М., Менвапов С. Новые находки палеолитических орудий в окрестностях Янгюля.— ОНУ, 1975, № 6, 7.

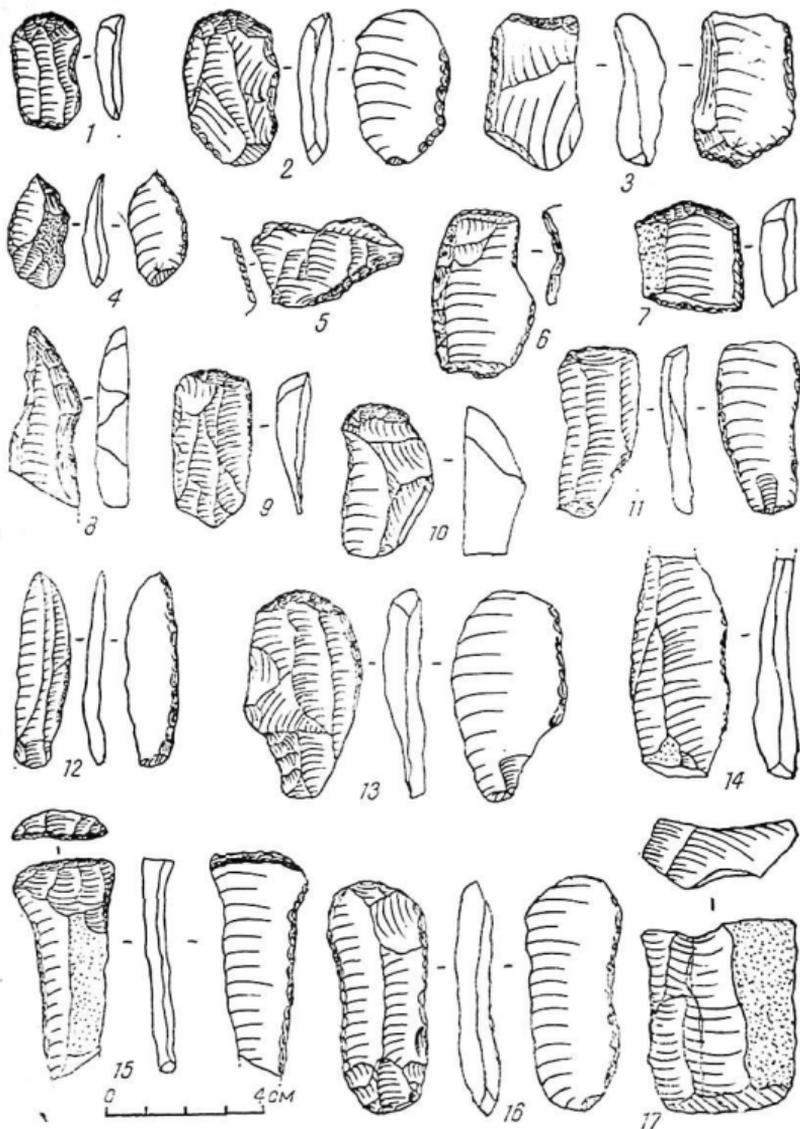

Рис. 8. Боссу I. Каменные изделия:

1, 6 — двойные концевые скребки с сочетанием выемчато-режущих (1) и выемчато-скребущих (6) лезвий; 2, 5 — концевые скребки с черенком; 3 — выемчато-режущее орудие; 4 — проколка; 5 — скребущее орудие; 7 — двойной концевой скребок; 8 — острие с выемками; 9, 10 — концевые скребки с режущими лезвиями; 11 — концевые скребки с двумя боковыми режущими лезвиями; 12, 16 — двухлезвийный нож; 13 — концевой скребок с выемчато-режущим лезвием; 14 — двухлезвийный нож; 17 — одноплощадочный нуклеус.

Нуклеусы и их обломки — 3 экз. В качестве сырья для них использован кремнь серого (1) и желто-бордового (2) цвета. Среди них наиболее выразителен один экземпляр подчетыреугольной формы. Размеры его $4,4 \times 3,9 \times 2,9$ см. Площадка подправлена поперечными сколами, на рабочей части сохранились следы удлинненных пластинок (рис. 8, 17). Остальная его часть покрыта желвачной коркой. На двух нуклевидных обломках подтреугольной формы сохранились следы бессистемных сколов.

В коллекции данного комплекса представлены сколы с площадки нуклеуса (5 экз.) различных форм и размеров, на спинках которых видны следы предыдущих сколов, о чем свидетельствуют сохранившиеся ребристые грани. Некоторые из них использовали в качестве режущих, скребущих или выемчато-режущих орудий (рис. 8, 3). Острые края их обработаны лицевой или брюшковой мелкой ретушью. Наличие сколов с площадки нуклеуса свидетельствует о том, что время от времени площадки нуклеусов обновлялись после их порчи.

Сколы — 82 экз., включая и сколы с площадки нуклеусов; из них пластинки и их обломки 55 экз., отщепы — 27 экз. Количество одногранных (20) и многогранных (30) сколов превышает радиальные (14). Спинки восьми сколов сплошь покрыты желвачной коркой, спинки 10 — частично. Наличие большого количества ножевидных пластин свидетельствует о том, что их снимали с призматических нуклеусов. К сожалению, нуклеус такого типа представлен одним экземпляром.

Вторичная обработка орудий осуществлялась главным образом ретушью лицевой, реже брюшковой, концевой, приостряющей и притупляющей, даже зубчатой. Отметим, что в коллекции много орудий — 72 экз., что составляет 85% от общего числа изделий.

Типологическая характеристика. Ножи однолезвийные — 10 экз., изготовлены на обломках пластинок (8) и отщепах (2). Пластинки средних размеров: $2,9—3,6 \times 1,1—2,8 \times 0,3—1,1$ см. Лезвия ножей прямые (5), иногда выпуклые (3) и острые. Большинство из них обработано очень мелкой приостряющей ретушью. Ножи из отщепов изготовлены из более крупных заготовок подтреугольной и четырехугольной формы. Рабочими лезвиями служили слегка косо расположенные боковые края, обработанные очень мелкой зубчатой ретушью (табл. 3).

Ножи двухлезвийные — 27 экз., изготовлены на удлинненных целых пластинках (1), на верхней (3) и средней (2) их части, на обломках оснований пластин (9) и отщепах (2). Размеры целых пластинок $3,1—6,7 \times 1,3—2,4 \times 0,3—0,8$ см. Лезвия их в основном прямые (16), у остальных слегка выпуклые или вогнутые (9), некоторые неровные (2). Лезвия всех ножей настолько острые, что не нуждаются во вторичной обработке. Однако представленные здесь двухлезвийные боковые ножи обработаны, в основном, лицевой

вой (17), реже с одного края лицевой, а с другого с брюшка (10). Чаще лезвия обработаны мелкой (рис. 8, 12, 14), реже крупной приостряющей ретушью (рис. 8, 16).

Концевые скребки с сочетанием бокового ножа — 6 экз., изготовлены на пластиночках (2) и отщепах (4). Рабочие лезвия скребков у одних прямые (2), у других полукруглые (4). Обработка их лицевая, ретушь мелкая и полукрутая (рис. 8, 10). Все концевые скребки сочетаются с режущими лезвиями, расположенными на левом или правом боку заготовки и обработанными чаще

Таблица 3

Типы изделий и соотношение используемых пород камня позднелепидолитического комплекса местонахождения Бозсу I

Тип изделия	Кол-во шт.	Кремень	Кремнистый известняк	С коркой или естественной поверхностью
Одноплощадочный нуклеус	1	1	—	1
Нуклеидные обломки	2	1	1	1
Сколы с площадки нуклеуса	5	5	—	1
Ножи однолезвийные	10	8	—	3
Ножи двухлезвийные	27	24	3	4
Концевые скребки с сочетанием бокового ножа	6	6	—	2
Концевые скребки с сочетанием двухлезвийных ножей	5	5	—	2
Боковые скребки с сочетанием ножей	8	8	—	—
Двойные концевые скребки	3	3	—	1
Концевой скребок с сочетанием выемчато-зубчатых лезвий	1	1	—	—
Концевые скребки с черенком	3	3	—	1
Комбинированные орудия	1	1	—	—
Острие	1	1	—	—
Проколка	1	1	—	1
Выемчатые орудия	3	3	—	—
Отщепы без ретуши	8	8	—	1
Итого	85	79	4	18

лицевой (4), реже брюшковой (2) мелкой приостряющей ретушью.

Концевые скребки с сочетанием двухлезвийных боковых ножей — 5 экз., изготовлены на пластинках (4) и отщепе (1). Два из них на краю усеченных пластинок, обработанных мелкой лицевой ретушью (рис. 8, 11), третий — на широком конце укороченного широкого отщепа, остальные на краю пластинок, с полукруглыми рабочими лезвиями, тщательно обработанными полукрутой ретушью (рис. 8, 9, 13). Кроме того, они сочетаются с двухлезвий-

ными боковыми ножами, оформленными приостряющей ретушью. Для одного из них характерно наличие хорошо оформленной выемки (рис. 8, 13).

Боковые скребки с сочетанием ножей — 8 экз., изготовлены на верхней (1) и средней (2) части, на обломках оснований пластинок (4) и отщепе (1). Скребущие лезвия этих орудий прямые (4) и слегка вогнутые (2), причем все специально подготовлены для удобства употребления, т. е. они толстые, полукрутые, обработаны легкой мелкой лицевой ретушью, а другие противоположные продольные их края более острые и обработаны мелкой приостряющей ретушью. Итак, перед нами боковой скребок с сочетанием режущих орудий.

Двойные концевые скребки — 3 экз. Один на короткой пластинке, верхний конец ее сравнительно широкий и полукруглый, оформлен сначала фасетками, затем затупляющей ретушью, противоположный его край слегка вогнут и обработан полукрутой ретушью. Кроме двух противоположных скребков, на одном его боку расположена хорошо оформленная выемка, на другом — острый отретушированный с брюшка режущий край (рис. 8, 1). Другой скребок также на пластинке, оба края обработаны полукрутой мелкой ретушью. Кроме того, на одном продольном крае расположен оформленный полукрутой ретушью скребок, на другом — часть режущего лезвия, часть отретушированная с брюшка выемка (рис. 8, 6). Третий скребок оформлен на верхней части пластинки, верхняя часть полукруглая, фасетированная и отретушированная, в качестве скребка использован и усеченный край пластинки. Кроме того, на одном боку сохранилась часть скребкового лезвия, на другом — желвачная корка (рис. 8, 7). Таким образом, перед нами — трехлезвийный скребок.

Концевой скребок с сочетанием выемчато-зубчатых лезвий — 1 экз., изготовлен на удлиненном отщепе. Полукрутой скребковый край оформлен крутой прерывистой ретушью, с одной стороны он сочетается с неглубокой выемкой, отретушированной с брюшка, с другой — с продольным зубчатым лезвием.

Концевые скребки с черешком — 3 экз., изготовлены на удлиненных пластинках (2) и на конце прямоосного удлиненного отщепа (1). У одного рабочий край полукруглый, фасетированный и обработанный полукрутой ретушью. Середина бугорковой части сужена с одной стороны лицевой, с другой — ретушью с брюшка, образуя подобие короткого широкого черенка для удобства закрепления его в рукоятку (рис. 8, 2). Рабочий край второго скребка слегка изогнут, лезвие прямое, сравнительно толстое, фасетированное, отретушированное, уклон фасетки и ретуши крутой — почти под 90° к оси пластинки. Черенок длинный (4,5 см), не широкий (1,4 см), продольным сколом со спинки специально сужен, один продольный край отретуширован (рис. 8, 15). Третий

подобен описанному, однако длинный (3,5 см) его черенок обработан по одному краю пологой лицевой, по другому — брюшковой ретушью. Продольные края вне черенка широкие и оформлены более мелкой ретушью. К сожалению, рабочая часть концевого скребка фрагментирована.

Комбинированное орудие — 1 экз., изготовлено на широком укороченном подтреугольном отщепе. Для него характерно совмещение трех лезвий. Одно лезвие слегка изогнуто и по всей длине тщательно обработано лицевой пологой ретушью, на других краях находятся отретушированные выемчато-режущие лезвия (рис. 8, 5).

Острие — 1 экз., изготовлено на обломке верхней части удлиненной пластинки. Оно узкое (сужено двусторонней обработкой), на обоих боках расположены неглубокие, но сравнительно широкие, круто отретушированные выемки, употребившиеся, по-видимому, в качестве скоблящего орудия (рис. 8, 8).

Проколка — 1 экз., изготовлена на суженном конце первичного удлиненного отщепа. Острый конец орудия обработан с противоположных краев очень мелкой лицевой и брюшковой ретушью. Кроме того, слегка выпуклые продольные края оформлены лицевой ретушью на одном краю крутой, на другом — приостряющей (рис. 8, 4).

Выемчатые орудия — 3 экз., изготовлены на удлиненных отщепах (2) и краевом сколе (1). Характерная их особенность — своеобразие формы и вида обработки орудий. Рабочие края их расположены только по одному краю заготовок. Две неглубокие выемки разделены отретушированными выступами. Ретушь лицевая и брюшковая. Размеры орудия $3,6-4,6 \times 1,2-2,4 \times 0,2-0,9$ см.

Отщепы без ретуши — 8 экз., в основном подтреугольной и удлиненной формы. У всех ударные площадки сняты одним поперечным сколом, на их спинке сохранились следы параллельных сколов. По-видимому, это отбросы производства. Размеры их $1,9-3,7 \times 1,9-2,2 \times 0,3-0,7$ см.

Полный список изделий (табл. 3) содержит 72 предмета вполне законченных орудий, или 85% всех находок данного комплекса. Количественная раскладка ретушированных форм орудий говорит о ведущей роли в коллекции ножей (44%), затем скребковых (особенно концевых скребков) изделий (30%). Остальные типы орудий — комбинированное (1), острие (1), проколка (1) и выемчатые (3) и орудия с черенком (3) — составляют 11%, а нуклеусы (3), сколы с площадки нуклеуса (3) и отщепы (8), не подвергнутые вторичной обработке, — 15%. Такой показатель — одна из своеобразных черт индустрии позднепалеолитического комплекса Бозсу 1.

Индустрии, представленные на Бозсу 1 большим количеством концевых скребков и ножей, особенно орудий с черенком, на тер-

ритории нашей республики известны мало. Ближайшая их аналогия — изделия позднепалеолитических комплексов Бозсу 2²⁴; Туябугузских местонахождений²⁵ и многослойной стоянки Кульбулак²⁶.

Мезолитический комплекс

На местонахождении Бозсу 1 отмечен другой комплекс, представленный 10 экземплярами разнообразных изделий: концевых скребков, геометрических орудий, миниатюрных пластинок и нуклеусов. Для них характерны небольшие размеры и сравнительно свежие поверхности. Лишь одно изделие сохранило желвачную корку, а семь — ударную площадку. Все изделия изготовлены из серого и серо-желтоватого местного кремня.

Нуклеусы — 2 экз., один подчетыреугольной формы (3,0 × 3,3 × 2,8 см) с почти округлой ударной площадкой (рис. 9, 17). С него снято лишь 3—4 миниатюрных скола, остальная (большая) часть поверхности покрыта желвачной коркой; другой — продольно-косо сложенная часть до предела использованного миниатюрного нуклеуса, на поверхности которой сохранились следы миниатюрных удлиненных пластинок (рис. 11, 13). Размеры негативов на нуклеусах вполне совпадают с размерами миниатюрных пластинок данного комплекса.

Интересны в данном комплексе скребки — 3 экз.; один на конце пластинки, два — на конце отщепов. Рабочий край одного сравнительно широкий и слегка выпуклый, обработан мелкими фасетками и полукруглой ретушью (рис. 9, 10). У остальных рабочие края полукруглые и оформлены полукруглой ретушью (рис. 9, 3, 14). В этом комплексе отмечено одно геометрическое орудие на пластинке, продольный и косо усеченный края которого обработаны ювелирной мелкой ретушью (рис. 9, 9). На одном крае основания сохранилась слегка отретушированная часть, на другом — хорошо оформленная ретушью выемка. Такая форма и вид обработки орудий на территории Ташкентского оазиса пока не известны; возможно, это новый тип вкладышевого орудия.

Пластинки — 4 экз., маленькие (1,5—3,0 × 0,6—1,2 × 0,2—0,3 см), размеры их почти совпадают с размерами негативов на нуклеусах. Пластинки узкие и тонкие, у двух из них края обра-

²⁴ Окладников А. П. и Исламов О. И. Палеолитические находки в урочище Шуралисай (Бозсу 2). — ИМКУ, вып. 2, 1961; Исламов О. И. Из истории геологических знаний в Средней Азии. Ташкент, 1976, с. 23.

²⁵ Касымов М. Р. Местонахождения каменного века. В кн.: Древности Туябугуза. Ташкент, 1978; Касымов М., Дуке Х., Гречкина Т. О новых данных по каменному веку Туябугуза. — ИМКУ, вып. 15, 1979.

²⁶ Касымов М. Р. Многослойная палеолитическая стоянка Кульбулак в Узбекистане. — МИА, 1972, № 185.

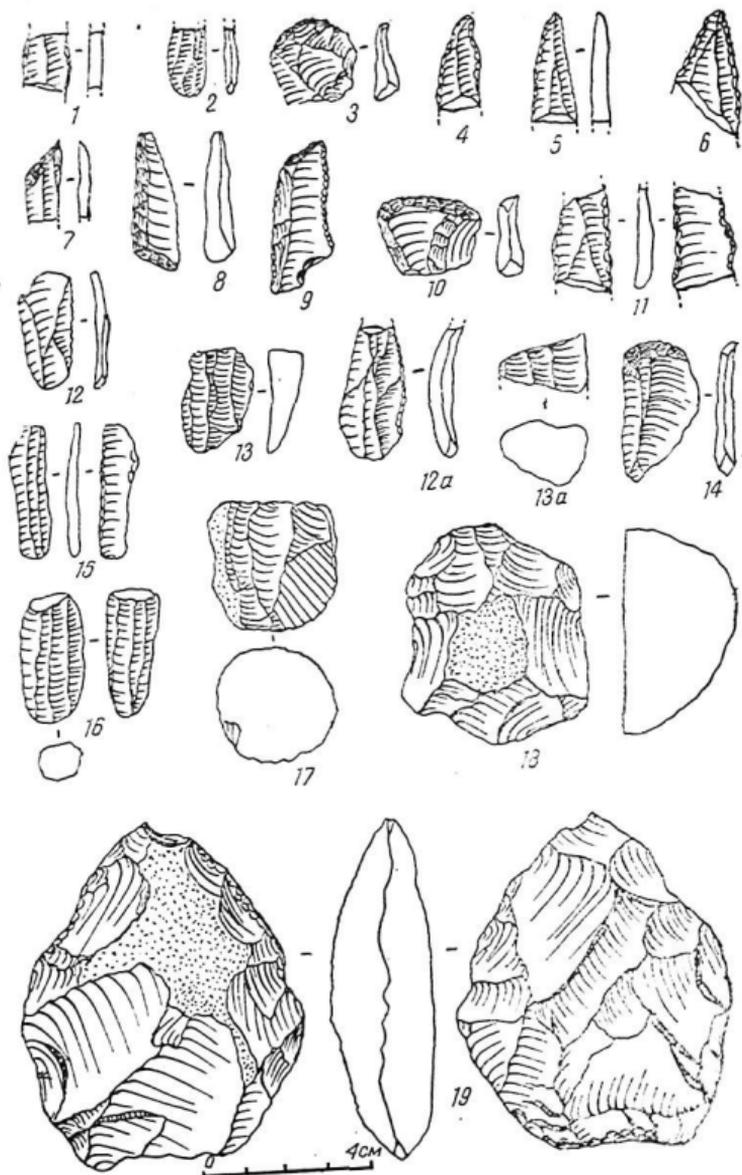

Рис. 9. Бозсу 1 и 2. Каменные изделия:

1, 2, 4-6, 11, 12, 12a — пластинки и их обломки; 2, 15 — пластинки; 3; 10; 14 — концевые скребки; 7, 8, 9 — геометрические вкладышеские орудия; 13, 16, 17, 18 — нуклеусы; 13a — скол с площадки нуклеуса; 19 — ручное рубильце; 2, 3, 9, 10, 13-15, 17 — Бозсу 1; 4-8; 11, 12, 12a, 13a, 16, 18, 19 — Бозсу 2.

ботаны продольно с брюшка очень мелкой ретушью (рис. 9, 15), у третьей на одном боку видна хорошо оформленная ретушью выемка. Четвертая — это обломок основания пластинки, вторично не обработан (рис. 9, 2).

Судя по первичной и вторичной обработке, формам и миниатюрности, инвентарь данного комплекса характерен, возможно, для неолита, а скорее всего для мезолита²⁷. Однако для получения окончательного ответа на этот вопрос необходимо продолжить стационарные работы на местонахождении Бозсу 1.

Итак, судя по инвентарю мустьерского комплекса Бозсу 1, в то время продолжалось совершенствование техники расщепления и вторичной обработки, что подтверждает многообразие типов скребел, ножевидных, выемчато-режущих и выемчато-скребущих орудий, типичных для развитого мустье. Для другой группы мустьерских изделий этого комплекса характерно дальнейшее совершенствование техники обработки и изделий; наблюдается также дифференцированность некоторых типов орудий. В комплексе появляются резцы и ножевидные пластинки, свидетельствующие о постепенном появлении некоторых элементов орудий позднего палеолита.

Для инвентаря позднепалеолитического комплекса Бозсу 1 отмечена иная техника расщепления кремня. Найдены однолощадочные нуклеусы, с которых сняты ножевидные пластинки. В коллекции представлены удлинённые призматические пластинки, концевые скребки, характерные для позднего палеолита. Среди них есть изделия более архаического облика, свойственного раннему этапу позднего палеолита, свидетельствующие об окончательном разрыве с мустьерской техникой. Другие изделия данного комплекса характеризуются в дальнейшем развитии каменной индустрии того же периода. Несколько изделий относятся к более позднему неолитическому периоду, скорее всего мезолитическому.

Судя по орудиям, стоянка Бозсу 1 использовалась в мустьерскую эпоху, эпоху позднего палеолита и частично во время мезолита и неолита. Мустьерским и позднепалеолитическим периодами Бозсу 1 и 2 датировал исследователь этих местонахождений А. П. Окладников²⁸, такой же даты придерживался и Р. Х. Сулейманов²⁹.

²⁷ Исламов У. Мезолитическая стоянка Кушилиш под Ташкентом.— ОНУ, 1970, № 7, с. 54—57.

²⁸ Окладников А. П. и Исламов О. И. Палеолитические находки в урочище Шуралисай (Бозсу 2).— ИМКУ, вып. 2, 1961; Окладников А. П. «Палеолит и мезолит Средней Азии». В кн.: Средняя Азия в эпоху камня и бронзы.

²⁹ Сулейманов Р. Х. Статистическое изучение культуры грота Обирахмат, с. 103—138.

Расположено в урочище Шуралисай на берегу древнего Бозсу, несколько южнее Бозсу 1³⁰. В 1954 г. его открыли студенты геолфака САГУ (ныне ТашГУ) А. В. Головченко и О. И. Исламов³¹.

В 1956 г. на Бозсу 2 группа археологов при участии геологов произвела частичные раскопки³². В результате работ собран большой материал по каменной индустрии и палеонтологии³³. В том же году на стоянке Бозсу 2 сборы произвел Г. Ф. Тетюхин во время геологической съемки этого района. В разные годы (1955—1960) юные краеведы-школьники под руководством Г. В. Парфенова собрали на Бозсу 2 многочисленные орудия труда первобытного человека и остатки костей ископаемых животных³⁴.

Каменные орудия на Бозсу 2 найдены во вторичном залегании, среди гальки, вымытой в результате эрозии из более древних отложений водами Бозсу и отложенной в его русле³⁵. Большинство изделий каменной индустрии свидетельствует об их древнем палеолитическом возрасте и дает представление о деятельности первобытного человека в Ташкентском оазисе (рис. 10)³⁶.

Каменный инвентарь. На местонахождении Бозсу 2 найден 451 предмет, который по степени сохранности и характеру техники обработки делится на мустьерский, позднепалеолитический и более поздний комплексы.

Мустьерский комплекс

Мустьерский комплекс каменных изделий представлен 297 экземплярами; из них 105 изготовлены из желвачного, более качественного для обработки кремня серого, серо-желтоватого от-

³⁰ Шишкин В. А. Узбекская археологическая экспедиция АН УзССР (Полевые работы 1956—1959 гг.), с. 19.

³¹ Окладников А. П. и Исламов О. И. Указ. соч., с. 51; Исламов О. И. Из истории геологических знаний в Средней Азии. Ташкент, 1976, с. 23.

³² В работе приняли участие археологи А. П. Окладников, З. А. Абрамова, Г. В. Парфенов, геологи Ю. А. Скворцов, О. И. Исламов, Г. Ф. Тетюхин и др.

³³ Окладников А. П. Исследование памятников каменного века в бассейне р. Сырдарьи осенью 1955 г. Труды Института истории АН ТаджССР, т. LXII. Сталинабад, 1958, с. 12—15.

³⁴ Парфенов Г. В. Работа кружка юных археологов Института истории и археологии АН УзССР в 1960 г.— ОНУ, 1961, № 1, с. 71.

³⁵ Окладников А. П. и Исламов О. И. Палеолитические находки в урочище Шуралисай (Бозсу 2).

³⁶ Какая-то часть археологического материала из Бозсу 2 находится на кафедре общей геологии ТашГУ им. В. И. Ленина. Мы пользовались ею только по данным публикации А. П. Окладникова и О. И. Исламова «Палеолитические находки в урочище Шуралисай (Бозсу 2)».

тенка, 30 — из кремнистого известняка, 160 — из двух разновидностей глинистого сланца темно-черного и желтовато-бордового цветов, 1 — из кварцита, 1 — из местного халцедона.

Первичная обработка каменных изделий данного комплекса, несмотря на малочисленность (20) в коллекции нуклеусов, установлена благодаря наличию сколов разных категорий.

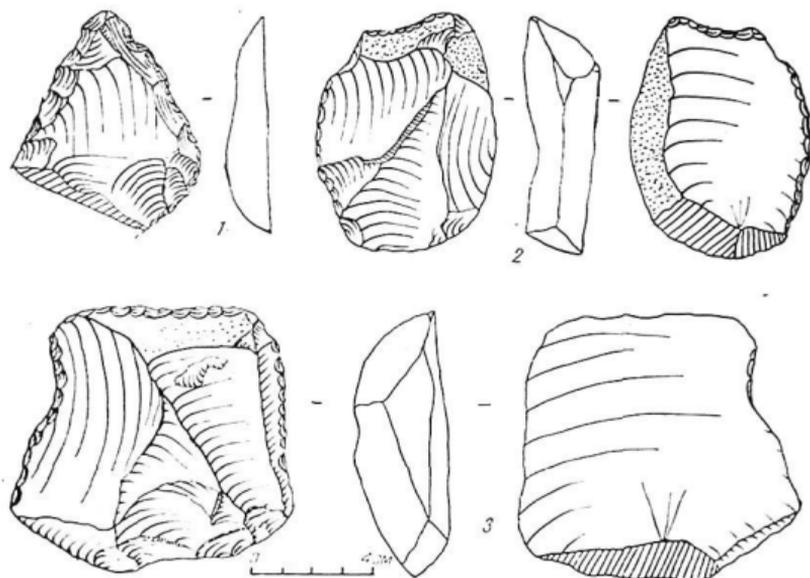

Рис. 10. Бозсу 2, каменные изделия:

1 — остроконечник-скребло; 2, 3 — грубо выемчато-скребущие орудия.

Нуклеусы и нуклевидные обломки — 20 экз.; изготовлены из кремня (10), сланца (5), кремнистого известняка (3), кварцита (1) и халцедона (1). Один односторонний дисковидный нуклеус подчетыреугольных очертаний. Судя по его размерам, он использован до предела: $4,1 \times 3,3 \times 1,7$ см. Рабочая сторона сохранила следы радиальных сколов (размеры негативов $0,7-1,9 \times 1,1-2,9$ см), а тыльная — естественную поверхность гальки (рис. 11, 6). Другой нуклеус — двусторонне-продольнопоперечный многоплощадочный. На одной рабочей стороне прекрасно сохранились следы сколов, на другой сколы снимали с двух противоположных краев, расположенных перпендикулярно сколам первой рабочей стороны (рис. 11, 9). Третий нуклеус — двухплощадочный, небольшой ($3,7 \times 2,2 \times 1,8$ см). Ударные площадки его подправлены поперечными сколами, от которых противоположно друг другу сняты сколы. В отличие от других нуклеусов один его продольный край обработан ретушью (рис. 11, 3). Остальные экземпляры — нукле-

видные обломки (17) с сохранившимися следами бессистемных сколов, идущих в разных направлениях. Шесть из них вторичные,

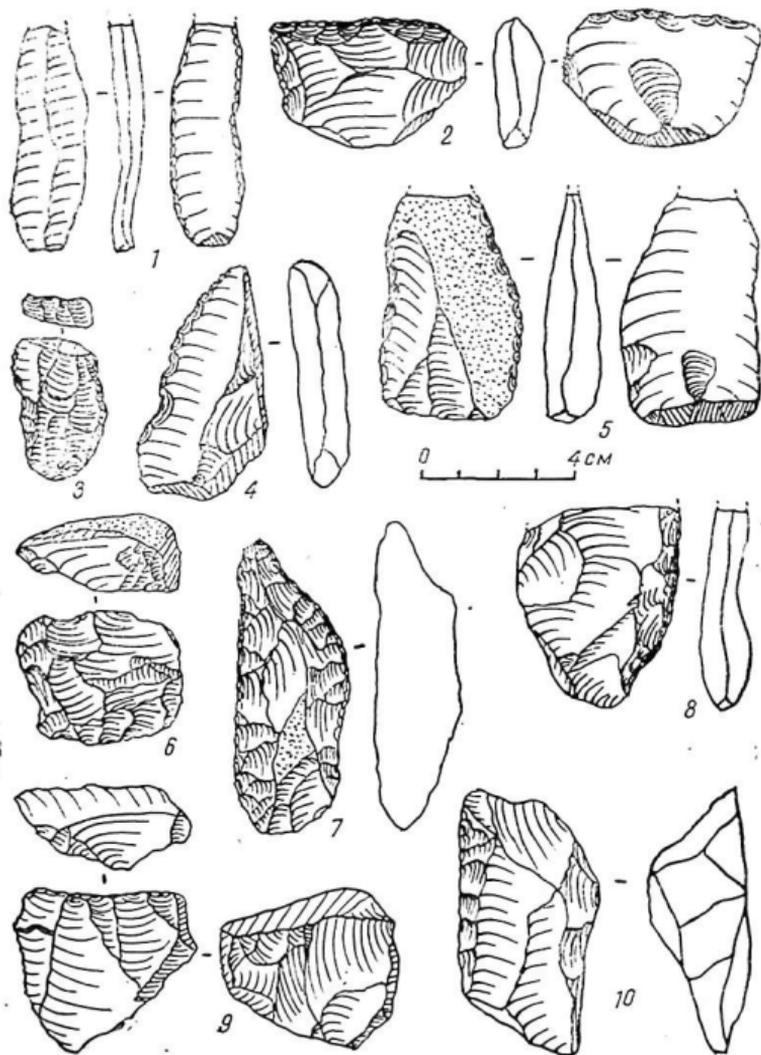

Рис. 11. Бозу 2, каменные изделия:

1, 5 — ножи двойные; 2 — нож-скребло; 3 — нуклеус с ретушью; 4 — зубчатое орудие; 6, 9 — нуклеусы; 7 — двойное скребло; 8 — нож одинарный; 10 — боковое скребло.

на их поверхности частично сохранилась желвачная корка. Размеры их $2,2-4,6 \times 0,9-3,6 \times 0,7-1,6$ см.

Сколы — 217 экз., имеют ударные площадки. Отмечено 4 типа леваллуа, 213 нелеваллуа (табл. 4). Индекс поправки ударных площадок заготовок равен 89,9. Они подправлены одним (107), двумя (63), тремя (22) и четырьмя (3) фасетками. Остальные

Таблица 4

Типы сколов и ударных площадок инвентаря мустьерского комплекса местонахождения Бозсу 2*

Тип заготовки	Ударные площадки								Всего
	с одним сколом или гладкие	с двумя фасетками или одногранные	с тремя фасетками или двугранные	с четырьмя и более фасетками, многофасеточные	волнистые, извилистые	точечные	естественная поверхность или желвачная корка	удаление вторичной от-делкой	
Пластины леваллуа с ретушью	1	1	1	—	—	—	—	—	3
Пластины леваллуа без ретуши	—	1	—	—	—	—	—	—	1
Пластины нелеваллуа с ретушью	19	11	8	—	—	—	1	—	39
Пластины нелеваллуа без ретуши	7	2	2	—	1	—	—	—	12
Отщепы леваллуа с ретушью	—	1	—	—	—	—	—	—	1
Отщепы нелеваллуа с ретушью	37	18	10	2	—	1	4	5	77
Отщепы нелеваллуа без ретуши	35	28	—	1	—	1	2	6	73
Сколы с площадки нуклеусов	4	1	1	—	—	—	—	1	7
Краевые сколы	4	—	—	—	—	—	—	—	4
Всего	107	63	22	3	1	2	7	12	217

Примечание. В таблицу не включены орудия, изготовленные из обломков пластин (26), нуклеусы и их обломки (20), ручное рубильце (1), отщепы (25), обломки и осколки камней (8) без ударных площадок.

(13) удалены вторичной обработкой, некоторые (6) покрыты желвачной коркой или естественной поверхностью исходного материала.

Сколы леваллуа отличаются от нелеваллуа более тонким сколом и более совершенной подправкой ударных площадок.

Индекс пластин 20,5. Большинство (21) из них одногранные и массивные, на спинке некоторых (11) сохранились остатки естественной поверхности гальки, 16 экземпляров целые и крупные (6,1—9,5×2,6—3,8 см). Остальные экземпляры — это обломки оснований (22), серединная (8) и верхняя (9) части пластин.

В коллекции большая группа сколов — 15. Это отщепы различных (2,3—6,5×1,4—3,8×0,5—1,6 см) размеров и форм; размеры некоторых велики (16,5×6,5×2,1 см). Индекс отщепов 74,5. Ударные площадки подправлены двумя (47), тремя (10) и четырьмя (3) фасетками. У 11 отщепов ударные площадки удалены вторичной обработкой, у 6 сохранилась желвачная корка или естественная поверхность исходного материала, у двух они точечные. На спинках некоторых (11) отщепов частично сохранилась естественная поверхность гальки. У большинства отщепов видны следы радиальных сколов, что характерно для снятия их с дисковидного нуклеуса.

В комплексе отмечены сколы с площадки нуклеуса (7) и краевые сколы (4), индекс которых равен 5. Ударные площадки подправлены одним (8), двумя (1) и тремя (1) фасетками; одна из них удалена вторичной обработкой.

Вторичная обработка орудий данного комплекса проводилась ретушированием. Фрагментированные изделия в коллекции меньше (39), чем целых. По-видимому, фрагментация происходила в процессе изготовления и утилизации предметов. Наибольшее количество фрагментов отмечено среди тонких пластин, в том числе леваллуаских (рис. 11, 7).

Орудия в основном обработаны лицевой, редко с брюшка краевой и концевой ретушью, приостряющей (51), притупляющей (36), зубчатой (11), мелко (26) и крупно (8) прерывистой и т. д.

Типологическая характеристика. В инвентаре мустьерского комплекса найдены различные типы орудий, представляющие большой интерес для характеристики местонахождения Бозсу 2 (табл. 5). Ниже мы подробно рассмотрим эти типы.

В коллекции есть два массивных скребловидных орудия из крупных и широких глинистых отщепов. Одно из них подчетырехугольной формы (8,2×8,8×3,3 см). Ударная площадка большая (5,5×1,1 см), снята одним поперечным сколом и расположена под тупым (132°) углом к оси орудия. На брюшке сохранились следы изъяна, на спинке — грубых радиальных сколов. Орудие сильно сглажено. На двух прямых краях видна крупная притупляющая ретушь, слегка выемчатый край обработан глубокой крупной полукрутой ретушью (рис. 10, 3).

Другое орудие также из удлиненного массивного отщепа (7,3×5,5×2,3 см). Ударная площадка подправлена двумя поперечными сколами, которые находятся под тупым (132°) углом к отбивной поверхности изделия. Выпуклый продольный край и

верхний выемчатый слегка обработаны со спинки крупной ретушью, оформлено с брюшка. На спинке сохранились следы ради-

Т а б л и ц а 5

Типы изделий и соотношения используемых пород камня мустьерского комплекса местонахождения Бозсу 2

Тип изделия	Общее кол-во, шт.	Кремень	Кремнистый известняк	Сланец	С коркой или естественной поверхностью
Дисковидный нуклеус	1	—	—	1	1
Двухплощадочный нуклеус	1	1	—	—	—
Многоплощадочный нуклеус	1	—	1	—	—
Нуклеидные обломки	17	9	2	4	6
Массивные скребловидные орудия	2	—	—	2	1
Ручное рубилице	1	—	1	—	1
Ножи с реберчатыми обушками	3	1	2	—	1
Ножи с обушком-гранью	4	1	1	2	1
Ножи двойные	21	5	—	16	8
Ножи одинарные	13	2	2	9	1
Режущие-прокальвающие орудия	2	2	—	—	—
Ножи-скребла боковые	13	1	3	9	2
Ножи-концевые скребки на ударной площадке	1	1	—	—	1
Скребла боковые с обушками	4	2	—	2	1
Скребла боковые с реберчатым обушком	1	1	—	—	—
Многолезвийные скребла	6	4	—	2	3
Концевые скребки на краю усеченных пластин	3	3	—	—	1
Выемчато-скребущие орудия	3	1	—	2	—
Выемчато-режущие орудия	1	—	1	—	—
Выемчатые орудия	12	6	—	6	3
Орудия с черенком	5	2	1	2	2
Остроконечники	2	—	—	2	—
Проколка	1	1	—	—	—
Зубчатые орудия	3	1	1	1	1
Пластинки и их обломки	33	8	2	23	4
Отщепы с ретушью	52	19	4	29	10
Отщепы без ретуши	73	31	10	32	10
Краевые сколы	4	3	1	—	2
Сколы с площадки нуклеуса	1	—	—	1	—
Обломки и осколки камня	8	—	1	7	—
Итого	292	105	33	152	60

альных сколов, местами видна естественная поверхность исходного сырья (рис. 10, 2).

По массивности, степени сохранности и технике первичной и вторичной обработки они аналогичны орудиям из района с. Сайлыка на правом берегу р. Чирчик³⁷.

Ручное рубильце (1 экз.) типично для раннего мустье. Оно двустороннее, пропорции укороченные, форма сердцевидная. Изготовлено из массивной сланцевой гальки. Отделка его характерна для того времени — плосковыпуклая: одна сторона уплощена широкими снятиями, края местами дополнительно обработаны. Пятка выемчатая, отретушированная крутой сравнительно мелкой ретушью. Края противоположной стороны сначала оформлены более крупными сколами, затем местами ступенчатой крутой ретушью, образующей здесь грубые, извилистые лезвия (рис. 9, 19). На значительной части выпуклой стороны сохранилась естественная поверхность исходного материала. Размеры орудия 7,4×6,2×2,8 см.

В коллекции мустьерского комплекса Бозсу 2 есть многочисленные ножевидные орудия с различными обушками; среди них одно- и двухлезвийные орудия или сочетание лезвия некоторых орудий со скребущими или прокалывающими рабочими элементами, которые делятся на следующие группы.

Ножи с ребристыми обушками — 3 экз. Один кремневый, остальные сланцевые. Изготовлены из сколов с площадки нуклеуса, форма их более или менее удлиненная треугольная, обушки выпуклые, с них сняты поперечные сколы, негативы которых тянутся поперечно вдоль обушка почти по всей длине. Лезвия ножей острые, прямые, слабовыпуклые (рис. 12, 1, 10, 11), обработаны в одном случае мелкой, в двух — сравнительно крупной приотряской ретушью.

Ножи с обушком-гранью — 4 экз. Один кремнисто-известняковый небольшой (4,5×2,4×0,8 см). Обушок его представляет узкую прикраевую грань спинки ножа, расположенную под крутым углом к спинке данного скола. Противоположный край тонкий, слегка выпуклый, обработанный приотряской ретушью. Часть рабочего лезвия сломана, два других изготовлены на краю обломков тонких сланцевых леваллуаских пластин. Тонкий продольный край одного ножа обработан тщательной мелкой лицевой ретушью (рис. 12, 8), а противоположный выемчатый край другого ножа — брюшковой ретушью. У обоих орудий обушком служили их противоположные грани. Третий нож сделан на краю слегка изогнутой удлиненной кремневой пластины (9,4×3,3×1,9 см). В качестве обушка использована противоположная грань, верхняя часть которой сломана.

Ножи двойные — 21 экз., сделаны в основном на целых (11) удлиненных сравнительно массивных пластинках (54—10,1×2,8—

³⁷ Касымов М., Алимов К. Уникальные находки эпохи палеолита.— ОНУ, 1978, № 8, с. 47—48.

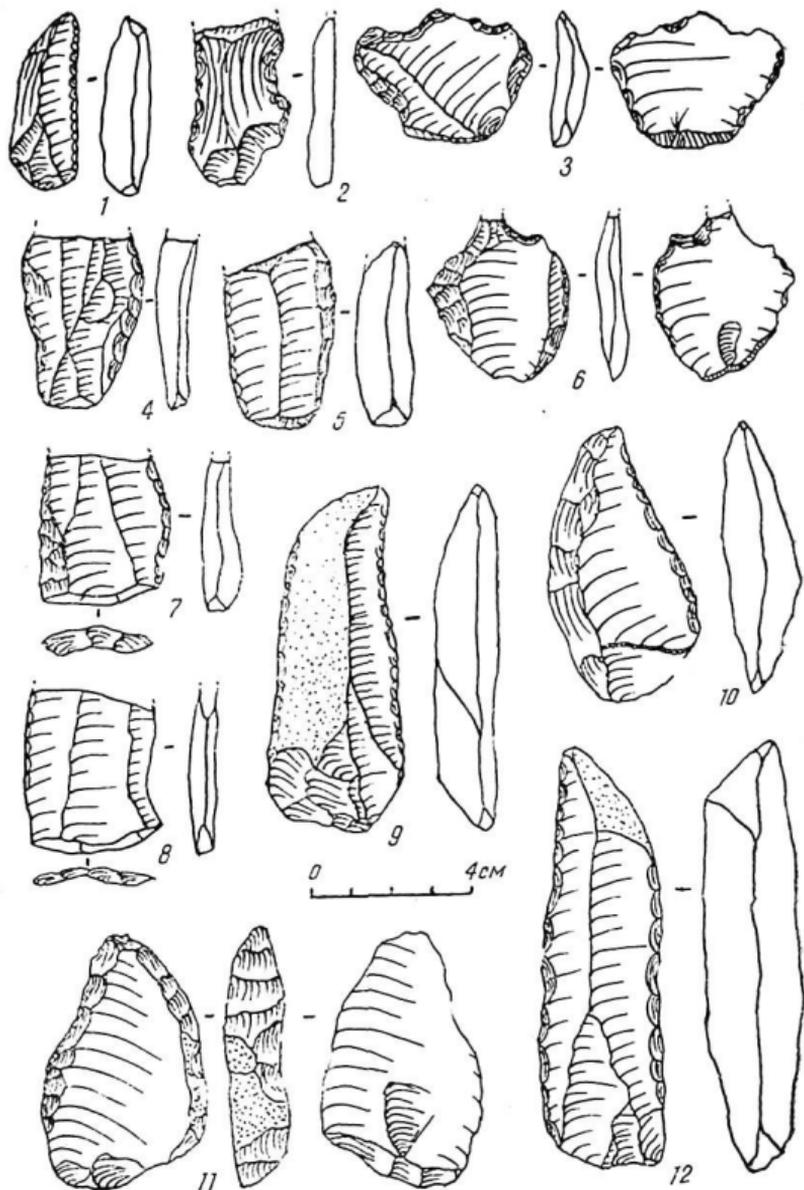

Рис. 12. Бозсу 2, каменные изделия:

1, 10, 11 — ножи на сколе с площадки нуклеуса; 2 — выемчато-скребущее орудие; 3 — выемчатое орудие; 4, 5 — ножи-скребла; 6 — выемчато-прокалывающее орудие; 7 — нож-скребло; 8, 9, 12 — двойные ножи.

3,5×1,2×2,1 см) и на их обломках (10) (3,2—4,8×2,5—3,1×0,6—1,1 см). В большинстве случаев лезвия их почти прямые, редко слегка выемчатые или выпуклые (рис. 12, 7). Продольные лезвия почти всех ножей обработаны мелкой, краевой, сплошной, лицевой, редко прерывистой ретушью (рис. 11, 1, 5; 12, 12). Чаще всего ретушь лежит в плоскости рабочих лезвий, но иногда на другом продольном краю лезвия ножа. Она полукрутая или кругая (рис. 12, 9; 13, 14; 14, 11). Именно такие отретушированные края часто являлись обушками какого-нибудь ножа данного комплекса.

Ножи одинарные — 13 экз. Изготовлены на сланцевых (9), кремневых (2), известковых (2) пластинках и их обломках (4,2—10,2×1,3×0,8—1,7 см), редко на отщепах и сколах с площадок нуклеусов. Рабочие лезвия прямые, редко неровные, обработанные лицевой сравнительно мелкой сплошной (рис. 11, 8), иногда прерывистой приостряющей ретушью. Некоторые из них отретушированы с брюшка.

Режуще-прокалывающие орудия — 2 экз. Изготовлены на тонких кремневых отщепах. Одно из них с острым концом; после обработки обоих краев мелкой ретушью получилась проколка с тонким острым отретушированным жалъцем, на боку сохранилось приостренное ретушью лезвие (рис. 13, 2). На другом орудии правое боковое лезвие отделано мелкой двусторонней приостряющей ретушью, на противоположном боку виден острый выступ с тонким жалъцем (рис. 12, 6).

Ножи-боковые скребла — 13 экз. Большинство из них изготовлено на пластинах и обломках (9), реже на отщепах (4). У всех предметов прямоугольные прямые или слегка выпуклые края лезвия носят следы утилизации в виде лицевой, приостряющей ретуши, противоположные края слегка выпуклые, толстые края использованы в качестве бокового скребла или скребка, на них сохранились следы крупной полукрутой ретуши (рис. 12, 4, 5). Одно лезвие ножа-скребка оформлено мелкой приостряющей ретушью, другое второго ножа-скребка притупляющей (рис. 13, 1).

Два орудия на широких отщепах подчетырёхугольных очертаний. Широкий конец одного из них обработан с двух сторон сначала фасетками, затем ретушью, вследствие чего получилось острое лезвие ножа. Левый бок его фасетирован и обработан полукрутой ретушью (рис. 11, 2). Продольный край второго орудия обработан со спинки притупляющей ретушью, другой его край оформлен с брюшка приостряющей ретушью.

Нож — концевой скребок на ударной площадке представлен единственным экземпляром и изготовлен на удлиненном кремневом отщепе. Скребковое лезвие обработано со спинки сначала мелкими фасетками, затем полукрутой ретушью. Левый продольный край обработан двусторонней мелкой приостряющей ре-

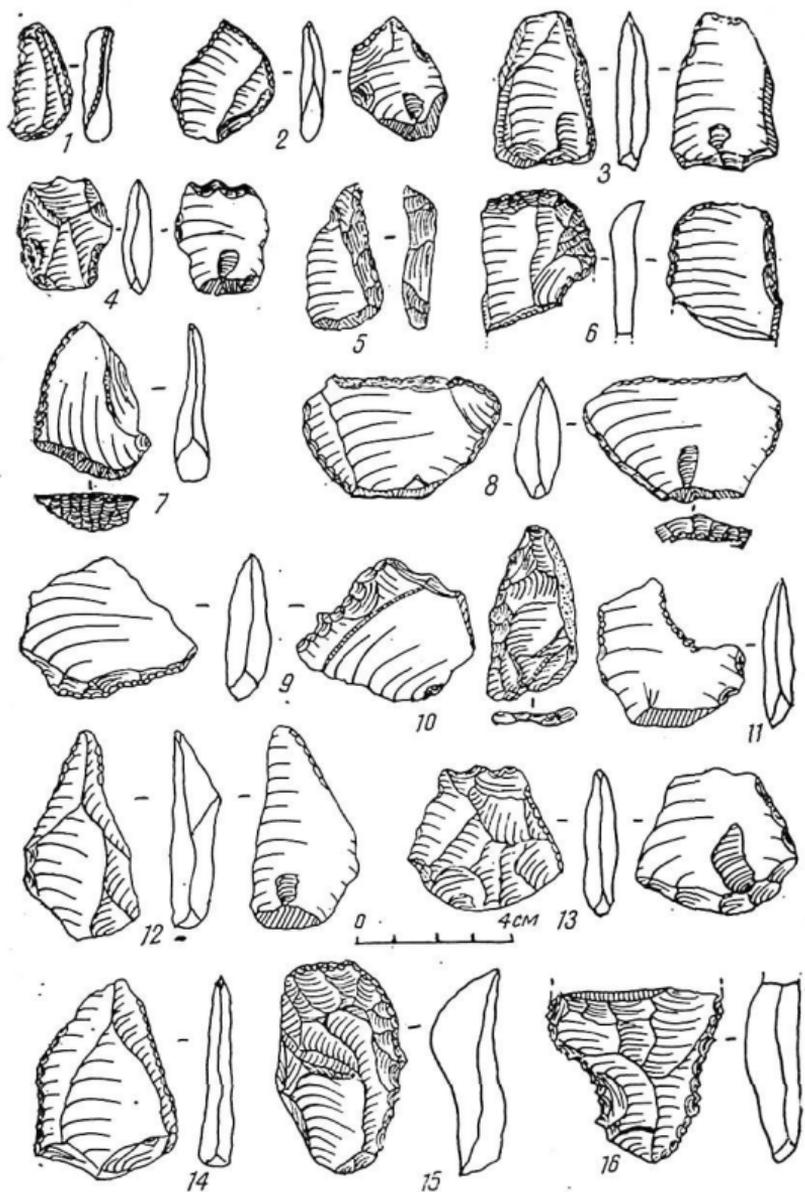

Рис. 13. Бозсу 2. Каменные орудия:

1 — нож — боковое скребло; 2 — режуще-прокалывающее орудие; 3, 5, 10 — скребла боковые; 4, 15, 16 — орудия с черенком; 6 — концевые скребла на конце усеченной пластины; 7 — нож — концевой скребок; 8, 13 — многолезвийные скребла; 9, 11 — выемчатые орудия; 12 — проколка; 14, 15 — ножи.

тушью; обушком ножу служил противоположный продольный сравнительно толстый сколотый еще на нуклеусе край (рис. 13, 7).

Скребла боковые с обушками — 9 экз. Изготовлены на пластинках (5), удлиненных сланцевых (2) и кремневых (2) отщепях. У одного из них натуральный обушок и слегка выпуклое лезвие, отделанное крутой неравномерной ретушью (рис. 13, 10). У другого бокового скребла обушок образован срезанным участком края нуклеуса, тщательной мелкой ретушью на лезвии (рис. 13, 3). Третье изготовлено на массивном удлиненном отщепе с обушком на противоположном краю. Его левый продольный край острый, фасетированный, обработанный полукрутой затупляющей ретушью (рис. 11, 10). Рабочие лезвия остальных (6) орудий или слегка выпуклые, или выемчатые, обработанные сплошной или прерывистой полукрутой ретушью; противоположные их края использованы в качестве обушка.

Боковое скребло с ребристым обушком — 1 экз. Изготовлено на сколе с площадки кремневого нуклеуса. Боковое лезвие слегка вогнуто и обработано со спинки сравнительно мелкой притупляющей ретушью. Оно с выпуклым обушком, с которого снято три поперечных скола (рис. 13, 5).

Многолезвийные скребла — 6 экз. Изготовлены на укороченном коротком (1), подчетыреугольных (3), удлиненном (1) отщепе и крупном краевом сколе (1). Разнообразны по положению рабочих лезвий (боковые, поперечные), их форме (прямые, слегка выпуклые) и углу схождения (тупые, острые, иногда полукруглые). Одни треугольные, с удлиненными продольно-поперечными сходящимися полукруглыми углами лезвиями, подправленными мелкой притупляющей ретушью. Другие — пятью углами, сходящимися острыми углами. Третьи — неправильно-четыреугольных очертаний, с менее острым углом между лезвиями; два боковых лезвия прямые, третье — поперечное с двумя маленькими выемками (рис. 13, 13). Наиболее характерны два последних орудия. Одно из них на широком укороченном кремневом отщепе с тремя расположенными под разными углами лезвиями, ударной площадкой, обработанной со спинки ретушью (рис. 13, 8). Другое — боковое двойное, изготовлено на крупном краевом сколе. Одно его лезвие прямое, другое выпуклое, оба фасетированные и обработанные полукрутой притупляющей ретушью (рис. 11, 7).

Концевые скребки на краю усеченных пластин — 3 экз. Специфическая черта коллекции Бозсу 2 — оформление орудий на специально усеченных поперечных концах пластин. К таким орудиям относится скребок на конце сломанной пластины, с прямым рабочим лезвием, оформленным крутой, почти отвесной ретушью. На продольных лезвиях видны следы лицевой ретуши. Концевое рабочее лезвие второго орудия сливается с боковым лезвием; сначала их обработали крутой чешуйчатой ретушью, затем по

краям лезвий нанесли мелкие фасетки в виде ретуши. Остальные два края и выемка отретушированы с брюшка (рис. 13, 6). Последний двойной концевой скребок характерен тем, что его усеченный край и ударная площадка использованы в качестве скребущих орудий.

Выемчато-скребущие орудия — 3 экз. Изготовлены на пластинке (1) и отщепе (2). Одно из них на подчетыреугольном сланцевом отщепе. Неглубокие лицевые крутые выемки находятся на одном краю, сочетаются со скребковым рабочим элементом, оформленным мелкой ретушью по краю ударной площадки скола (рис. 13, 9). Другое орудие изготовлено на обломке кремневой пластины (3,9×3,2×0,5 см). На одном продольном боку расположено хорошо оформленное скребловидное лезвие, на другом — выемка (рис. 12, 2). Последнее орудие на отщепе подчетыреугольных очертаний; на одном боку его видна выемка, на другом — обработанное полукруглой ретушью скребковое лезвие.

Выемчато-режущее орудие — 1 экз. Изготовлено на обломке известняковой пластины. Один продольный край обработан мелкой ретушью, на другом видна хорошо оформленная ретушью выемка.

Выемчатые орудия — 12 экз. Изготовлены на обломках пластины (4) и отщепе (8) различной формы. Применение анкошей в комбинации с другими элементами в индустрии этой группы немногочисленно. В одном случае их использовали на шести простых прямых боковых скребках с широкой и глубокой (диаметром 2—2,5 см) выемкой (рис. 12, 3; 13, 11), в другом (3 экз.) — неглубокие лицевые полукрутые выемки оформлены на небольших сравнительно тонких отщепе, в третьем — широкая, неглубокая, лицевая, полукрутая выемка оформлена на крутом (10,5×6,5×2,2 см) массивном подчетыреугольном отщепе. Выемчатые формы в сочетании с другими рабочими элементами орудия в массовом количестве отмечены в инвентаре мустьерских слоев стоянки Кульбулак³⁸ в долине р. Ахангаран.

Орудия с черенком — 5 экз. В оформлении орудий черенки в целом не имели большого распространения в инвентаре мустьерского комплекса Бозсу 2. Черенки использовали в основном при изготовлении концевых скребков. Так, у одного орудия бугорковую часть сначала сузили двухкраевой сравнительно глубокой выемкой, затем края оформили лицевой полукруглой зубчатой ретушью, образовав при этом выразительный черенок. К сожалению, верхняя рабочая половина его фрагментирована (рис. 13, 16). У другого тщательно обработанного ретушью концевого скребла черенок оформлен только по одному правому краю. Бугорковую

³⁸ Касымов М. Р. Многослойная палеолитическая стоянка Кульбулак в Узбекистане, с. 111—119.

часть вначале обработали крупными фасетками, затем мелкой полой ретушью. Заслуживает внимание выделение на середине этого же края одного выступа, отделяющего рабочее лезвие от черенка орудия (рис. 13, 15). Черенок третьего орудия сужен двухкраевой лицевой крутой мелкой ретушью. Продольные края вне черенка местами обработаны мелкой ретушью. На рабочем крае видны две небольшие выемки, оформленные мелкой брюшковой ретушью (рис. 13, 4). Черенок четвертого концевой скребка сужен двухкраевой мелкой лицевой ретушью. У последнего концевой скребка сохранилась незначительная часть черенка, он сужен и один его край обработан брюшковой ретушью. Аналогичные орудия часто встречаются в инвентаре мустьерских слоев поселения Кульбулак.

Остроконечники — 2 экз. Один из них изготовлен на массивном треугольном отщепе с острым концом. Боковые края почти ровные, обработаны со спинки сначала крупными фасетками, затем притупляющей ретушью. После оформления краев острого конца мелкой ретушью получилось орудие с сравнительно массивным острым отретушированным жальцем. Часть основания его сломана (рис. 10, 1). Другое скребло сочетается с остроконечником. Сохранилась только верхняя его часть. Орудие изготовлено на более широкой пластине с острым концом. Оба слегка отработаны мелкой притупляющей ретушью, боковые части сочетаются с острыми хорошо обработанными жальцами.

Проколка — 1 экз. Изготовлена на удлиненном кремневом отщепе с острым концом. Для нее характерна обработка острого конца. Продольные края оформлены лицевой и брюшковой легкой, но аккуратной мелкой ретушью (рис. 13, 12).

Зубчатые орудия — 3 экз. Изготовлены на крупном обломке пластины (1) и на сколах (2) удлиненной формы. Два из них можно отнести к орудиям с мелкозубчатой отделкой. Обушком для одного орудия служил противоположащий широкий естественный край, для другого — противоположащая необработанная грань. Последнее орудие с острым концом (6×3×0,9 см), одно продольное тонкое лезвие обработано местами глубокой выемчато-зубчатой ретушью, противоположный продольный край — ровный и сравнительно широкий — использован в качестве обушка (рис. 11, 4).

Пластины и их обломки — 33 экз. Большинство пластин фрагментировано. Почти все тонкие и сравнительно узкие. На спинках большинства обломков сохранилась одна грань. Редко (4) встречаются с обработанными лезвиями. Большинство из них не обработано, по-видимому, это отходы производства.

Отщепы с ретушью — 52 экз. Большинство изготовлено из кремнистого сланца (29): форма обычно подтрех- и четырехугольная, удлиненная. Наряду с грубыми найдены и тонкие отщепы. На спинках многих сохранились следы радиальных сколов,

что характерно для снятия их с дисковидного нуклеуса. Все представленные здесь отщепы обработаны по краям либо сплошной, либо прерывистой ретушью. У десяти отщепов частично сохранилась корка или естественная поверхность исходного материала.

Отщепы без ретуши — 73 экз. Изготовлены из кремня (31) и кремнистого сланца (32), остальные (10) из кремнистого известняка. Форма их подтреугольно-четырёхугольная, вытянутая, размеры различны (1,5—4,1×0,9—4,1×0,1—1,8 см). Ударные площадки часто подправлены одним, двумя и тремя широкими поперечными сколами. В большинстве случаев на их спинках сохранились следы радиальных, реже бессистемных сколов. Эти отщепы не подвергались вторичной обработке, и, видимо, были отходами производства.

Краевые сколы — 4 экз., удлинённой формы. Один из них с острым концом (длина 3,0—4,8 см), два — вторичные сколы, на поверхности которых частично сохранилась желвачная корка. Все они сняты с краев того или иного нуклеуса и вторично не обработаны.

Скол с площадки нуклеуса — 1 экз. Следует, однако, отметить, что в инвентаре данного комплекса найдено ещё 10 сколов с площадки нуклеуса, которые из-за вторичной обработки превратились в различные орудия и здесь мы их не рассматриваем. Описываемый же скол подтреугольной формы (4,2×3,6×1,4 см) снят с площадки нуклеуса, на ребре которого сохранились следы двух сравнительно крупных сколов, а на остальной части — гладкая естественная поверхность гальки.

Обломки и осколки камня — 8 экз. По степени сохранности и характеру обработки они соответствуют данному комплексу.

Таким образом, инвентарь этого комплекса Бозсу 2 обладает характерными чертами мустьерской техники. Отличительная особенность его от мустьерского комплекса Бозсу 1 — некоторое переживание нижнепалеолитических традиций, выражающихся в наличии орудий из массивных отщепов и ручного рубильца. Такая особенность комплекса является датирующим признаком, поскольку сочетание этих орудий с типично мустьерскими весьма характерно для раннемустьерских памятников.

Среди орудий можно выделить ведущие формы, типичные для древней, средней и поздней мустьерской эпохи. Для древнего мустье характерны орудия и отщепы, для среднего и позднего мустье многочисленные нуклеусы, ножи, режуще-скребущие, выемчато-скребущие, зубчатые и выемчатые орудия, орудия с черенком и т. д.

Инвентарь данного комплекса Бозсу 2 находит ближайшие аналогии в мустьерском комплексе местонахождения Бозсу 1. По технике изготовления и типу орудий инвентарь данного комплекса Бозсу 2 близок индустрии мустьерских слоев многослойной

стоянки Кульбулак³⁹ и местонахождения Яккабаг в долине р. Ахангаран⁴⁰.

Позднепалеолитический комплекс

Каменные изделия данного комплекса представлены 103 экземплярами. Для них использованы местный серый и коричневый кремль (92), кремнистый известняк (7), сланец (3) и халцедон (1). Изделия позднепалеолитического комплекса отличаются

Таблица 6

Типы изделий и соотношение используемых пород камня позднепалеолитического комплекса местонахождения Бозсу 2

Тип изделия	Кол-во, шт.	Кремль	Кремнистый известняк	Сланец	С коркой или естественной поверхностью
Нуклеусы и их обломки	10	8	2	—	3
Ножи двойные на призматических пластинках	16	16	—	—	3
Ножи одинарные	12	8	2	1	2
Ножи с сочетанием концевой скребка	3	3	—	—	1
Ножи — боковые скребки	3	3	—	—	3
Выемчато-режущие орудия на пластинках	7	4	1	2	1
Скребки	3	3	—	—	—
Боковые двойные скребки	4	4	—	—	1
Выемчато-прокалывающие орудия	1	1	—	—	—
Пластинки и их обломки	3	2	1	—	—
Зубчатые орудия	1	—	1	—	—
Отщепы с ретушью	9	9	—	—	2
Отщепы без ретуши	30	30	—	—	2
Сколы с площадки нуклеуса	1	1	—	—	—
Итого	103	92	7	3	18

от предыдущего не только степенью сохранности и патинизацией, но и иной свойственной позднему палеолиту техникой расщепления камня. Здесь найдены призматические пластинки, концевые скребки, режуще-скребущие, выемчато-скребущие и другие орудия, изготовленные на ножевидных пластинках, их обломках или отщепках (табл. 6).

Первичная обработка инвентаря этого комплекса установлена благодаря наличию выразительных призматических пластин и отщепов различных категорий.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Касымов М. Новые открытия палеолитических памятников в бассейне р. Ахангаран.— ИМКУ, 1979, вып. 15, с. 7—10.

Нуклеусы и их обломки — 10 экз., немногочисленны, но очень важны для датировки. Изготовлены из кремня (8) хорошего ка-

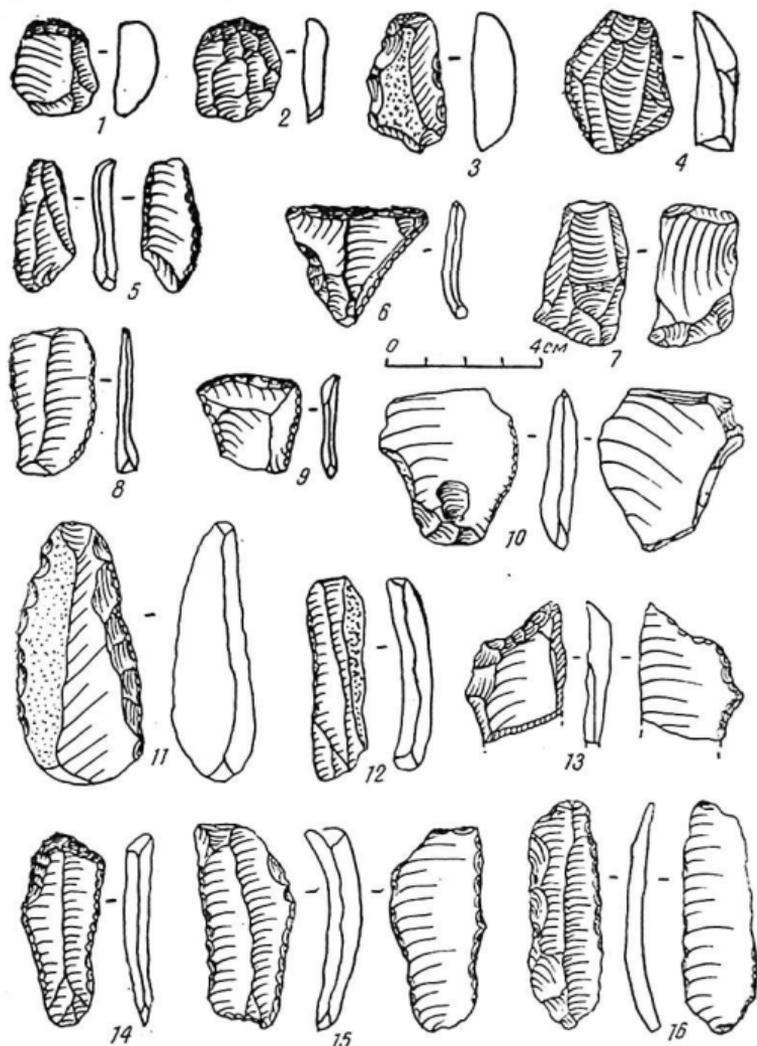

Рис. 14. Бозсу 2, каменные изделия:

1, 2 — концевые скребки; 3, 5, 8, 11, 15, 16 — двойные ножи; 4 — двойной боковой скребок; 6, 9 — ножи — концевые скребки; 7 — нуклеус; 10, 12 — ножи одинарные; 13 — выемчато-прокалывающее орудие; 14 — нож с концевым скребком.

чества и кремнистого известняка (2). Большинство из них удлиненной формы, приближается к призматическим очертаниям. Раз-

меры 2,4—3,7×2,3—2,8×1,3—1,4 см. Один призматический нуклеус характерен тем, что был использован до предела, а с двух ударных площадок сняты удлиненные сколы. Кроме того, на одном боку сохранились следы негатива, крупного широкого скола, снятого перпендикулярно по отношению к предыдущим сколам (3,7×2,2×1,4 см) (рис. 14, 7). Форма остальных нуклеусов подтреугольная, четырехугольная и удлиненная. Это обломки кремня со следами ударов, нанесенных в различных направлениях: лишь в некоторых случаях сколы идут параллельно друг другу.

Сколы — 93 экз., среди них 48 призматических пластин и их обломки, 45 — отщепы различных очертаний; остальные нуклеусы и их обломки 10 экз. У 60 сколов ударные площадки подправлены поперечным сколом. На спинках многих сохранились параллельные друг другу грани, что характерно для снятия их с призматических нуклеусов.

Вторичная обработка. В коллекции представлено достаточное количество (40,2%) законченных орудий, среди которых ведущее место занимают ножи, режуще-скребущие и скребковые орудия. Вторичная обработка проведена ретушью, преобладает лицевая, реже брюшковая, приостряющая и притупляющая, еще реже зубчатая.

Типологическая характеристика. Данный комплекс Бозсу 2 представляют ножевидные орудия, концевые скребки, режуще-скребущие, выемчато-скребущие и другие орудия, изготовленные на ножевидных пластинках, их обломках или отщепах.

Ножи двойные на призматических пластинках — 13 экз. и отщепах — 3 экз. Изготовлены из серого кремня, поверхность которого покрыта серой патиной. Среди них есть трехскатные с параллельными очертаниями, двухскатные и неправильных очертаний. Размеры 3,7—6,7×1,0—2,7×0,3—1,6 см. На боковых удлиненных тонких краях расположены режущие лезвия, обработанные мелкой приостряющей или зазубренной ретушью (рис. 14, 3, 5, 8, 15, 16). Кроме них, найдены двойные ножи на отщепах удлиненной формы с обработанными мелкой приостряющей ретушью краями.

Ножи одинарные — 12 экз. Изготовлены на пластинках, сколах с площади нуклеуса, краевых удлиненных сколах и отщепах. Краевые сколы узкие трехгранные. Острые продольные края обработаны вдоль лезвия мелкой приостряющей ретушью, по-видимому, выполняли функции режущих орудий; у некоторых ножей обухом служили естественные противоположные края (рис. 14, 12). Другие ножи изготовлены на краю сколов с площади нуклеуса. Характерны обработанностью продольных лезвий мелкой приостряющей ретушью и использованием противоположных реберчатых краев в качестве обуха (рис. 14, 10).

Ножи-боковые скребки — 3 экз. Изготовлены из кремневых пластинок. Для этих орудий характерно сочетание ножа с боко-

вым скребком; одно лезвие обработано приостряющей ретушью, другое притупляющей.

Ножи с сочетанием концевого скребка — 3 экз. Изготовлены на пластинке (1) и отщепе (2). Один бок ножа на пластинке обработан сплошной приостряющей ретушью, другой — затупляющей. Кроме того, острый край его аккуратно фасетирован и оформлен полукрутой ретушью (рис. 14, 14). У орудий на отщепе оба продольных края обработаны либо приостряющей, либо притупляющей ретушью, а концевые лезвия использованы в качестве скребущих орудий (рис. 14, 6, 9).

Выемчато-режущие орудия на пластинках — 7 экз., большинство на обломках пластин. Для них характерна обработка рабочих лезвий. Одно прямое тонкое лезвие оформлено мелкой пологой ретушью, на другом видна хорошо отретушированная выемка.

Скребки — 3 экз. Изготовлены на небольших кремневых отщепе слегка вытянутой овальной формы. У них отмечены полукруглые концевые лезвия, обработанные сначала фасетками, затем мелкой полукрутой ретушью (рис. 14, 1, 2).

Боковые двойные скребки — 4 экз. Изготовлены на обломках пластинок (2) и удлиненных отщепе (2). Для них характерны обработанные лезвия: у одних они прямые, у других выпуклые. Лезвия тщательно оформлены лицевой полукрутой ретушью (рис. 14, 4).

Выемчато-прокалывающее орудие — 1 экз. Изготовлено на верхней части пластинки. Верхний косо усеченный край обработан лицевой ретушью, на одном боку отмечено оформленное с брюшка ретушью жальце, использованное в качестве прокалывающего орудия (рис. 14, 13).

Пластинки и их обломки — 3 экз. Две кремневые и одна из кремнистого известняка. Все многогранные, являются обломками оснований пластин, вторичной обработке не подвергались.

Зубчатое орудие — 1 экз. Изготовлены из подтреугольного отщепе, один продольный край обработан мелкозубчатой ретушью.

Отщепе с ретушью — 9 экз. Изготовлены из кремня хорошего качества. Форма подтреугольная и четырехугольная. Среди них есть крупные и мелкие, тонкие в сечении ($2-6,2 \times 1,4-3 \times 0,3-1,2$ см). Поверхность большинства из них голубая или коричневая. Края отщепе частично подвергнуты вторичной обработке. Лезвия некоторых из них оформлены слегка приостряющей или притупляющей, иногда прерывистой ретушью.

Отщепе без ретуши — 30 экз. Изготовлены из кремня, имеют различные формы и размеры ($1,4-6,0 \times 1,3-4,1 \times 0,4-0,9$ см). На спинках большинства отщепе сохранились следы более или менее правильных сколов. Все отщепе вторично не обработаны и являются отходами производства.

Один скол сбит с площадки призматического нуклеуса. Он плоский с хорошо заметным ударным бугорком на нижней поверхности и характерной ломаной линией окружности, на которой видны грани отделенных от нуклеуса пластинок, свидетельствующих об оживлении площадки нуклеуса. Из общего количества изделий позднепалеолитического комплекса Бозсу 2 законченные орудия составляют 40,2%, нуклеусы, их обломки, отщепы и др. — 59,8%. В целом все предметы дают основание датировать этот комплекс позднепалеолитическим временем. Ближайшие аналогии материалы Бозсу 2 находят в первую очередь в позднепалеолитическом комплексе стоянки Бозсу 1, хотя есть некоторые расхождения в типах орудий; аналогичный материал дают и позднепалеолитические слои поселения Кульбулак⁴¹ и т. д.

Кроме коллекции позднепалеолитического времени, на местонахождении Бозсу 2 обнаружен более поздний комплекс. Найдены разнообразные ранее не известные каменные изделия (51 экз.): карандашевидные миниатюрные нуклеусы, геометрические вкладышевые орудия, миниатюрные пластинки, края которых превращены в орудия. Для изделий данного комплекса характерны небольшие размеры и сравнительная свежесть поверхности. Таким образом, все представленные здесь предметы носят микролитовидный характер.

Нуклеусы и нуклевидные обломки — 9 экз. Изготовлены из кремния, кроме одного крупного сланцевого нуклеуса дисковидной формы. Форма подтрех- и четырехугольная. Среди них имеется один сравнительно крупный нуклеус дисковидной формы, с краев которого сняты мелкие сколы. На средней рабочей части сохранилась естественная поверхность исходного материала (рис. 9, 18). С поверхности другого очень выразительного карандашевого нуклеуса сняты миниатюрные пластинки (рис. 9, 16). Размеры его $2,8 \times 1,5 \times 1,1$ см. Остальные экземпляры невыразительные, являются нуклевидными обломками; однако на их поверхности сохранились следы миниатюрных сколов. Размеры негативов, сохранившихся на нуклеусах и их обломках, совпадают с размерами пластинок и отщепов данного комплекса.

Скол с площадки нуклеуса — 1 экз. На одной из сторон сохранились следы трех небольших сколов, свидетельствующих об обновлении ударных площадок нуклеуса (рис. 9, 13а).

Пластинки и их обломки — 21 экз. Представлены в основном обломками верхней (4), срединной (8) части и оснований (8). Целых экземпляров пять. Все они миниатюрные, неширокие, тонкие в сечении и короткие ($1,3-3,0 \times 0,6-1,4 \times 0,2-0,6$ см). Большинство обработано по одному (рис. 9, 5, 12а) или двум продоль-

⁴¹ К а с ы м о в М. Р., Многослойная палеолитическая стоянка Кульбулак в Узбекистане.

ным (рис. 9, 1, 4, 6, 11) краям мелкой пологой ретушью; видимо, эти пластинки употреблялись в качестве режущих орудий. Некоторые из них вторично не обрабатывались (рис. 9, 2, 12). Судя по величине, все пластинки совпадают с размерами негативов, сохранившихся на нуклеусах и их обломках.

Вкладышевые орудия — 2 экз. Им присуща ювелирная тщательность и миниатюрность. Рабочая часть орудий изношена (рис. 9, 7, 8). Подобные орудия характерны для эпохи мезолита.

Отщепы — 18 экз. Тонкие, маленькие, вторично не обработанные, видимо, являются отходами производства.

В коллекции представлено незначительное (24,4%) количество орудий. Тем не менее наличие здесь карандашевидных нуклеусов и соответствующих им по размерам пластин, орудий геометрических форм позволяют отнести инвентарь данного комплекса к эпохе неолита или мезолита. Однако для окончательно решения этого вопроса необходимы дальнейшие работы на территории данного памятника. Ближайшие аналогии инвентарю этого комплекса Бозсу 2 мы находим на Бозсу 1, стоянке Кушилиш⁴² и среди инвентаря неолитических комплексов Туябугузских местонахождений⁴³.

Таким образом, в результате классификации каменных изделий установлено три одновременных комплекса и высокий процент законченных орудий. Характер сколов камня и довольно большой процент скребел, скребков, ножей, выемчато-режущих и выемчато-скребущих орудий позволяют утверждать, что изучаемый памятник является местом частичной обработки каменных орудий и стойбищем первобытных людей, живших длительное время в каменном веке в низовьях Чирчика.

ПАЛЕОЛИТИЧЕСКОЕ МЕСТОНАХОЖДЕНИЕ КАРАКАМЫШ

Расположено на берегу Каракамыша недалеко от палеолитических находений Бозсу 1 и 2. В октябре 1959 г. его открыл гидрогеолог И. А. Анбоев⁴⁴. После обвала на берегу Каракамыша вскрыли три непотревоженных культурных горизонта. Два нижних палеолитические, верхний относится к эпохе бронзы. В мергеле нижнего горизонта найден обломок огромного (17 см) зуба Сибирского шерстистого носорога. Кроме того, в нижнем слое обнаружены орудия труда первобытного человека — нуклеусы, пластины, скребла и т. д. Орудия сохранились и в верхних лин-

⁴² Исламов У. Мезолитическая стоянка Кушилиш под Ташкентом.

⁴³ Касымов М. Р. Местонахождение каменного века. В кн.: Древности Туябугуза. Ташкент, с. 17—46; Касымов М., Дуке Х., Гречкина Т. О новых данных по каменному веку Туябугуза.— ИМКУ, вып. 15, 1979, с. 11—21.

⁴⁴ Анбоев И. А. Открытие на реке Каракамыш.— «Ташкентская правда», 1960 г., 2 февраля.

зах. Однако, по данным И. А. Анбоева, техника их изготовления здесь была более совершенной. И, наконец, выше он собрал орудия, изготовленные уже на рубеже бронзового века.

В нашем распоряжении имеются только мустьерские каменные изделия (120 экз.), хранящиеся в Музее истории культуры и искусства УзССР в Самарканде. Несмотря на малочисленность они могут характеризовать производственную деятельность первобытного человека того времени. Более подробно морфологические признаки этих изделий рассмотрел Н. Х. Ташкенбаев⁴⁵. Мы ограничимся только технико-типологической характеристикой изделий мустьерского местонахождения Каракамыш. Первичная обработка изделий Каракамыша установлена благодаря наличию различных выразительных сколов.

Односторонний дисковидный нуклеус — 1 экз. На рабочей стороне видны следы радиальных сколов, края противоположной стороны подправлены поперечными сколами, служившими ударными площадками нуклеуса. После вторичной обработки один участок его края превратился в выемчатое орудие.

Сколы — 19 экз., из них леваллуа 6, нелеваллуа 13. Ударные площадки некоторых леваллуаских пластин тщательно фасетированы, у остальных, включая и нелеваллуаские — гладкие, подправлены одним поперечным сколом. Среди пластин есть одногранные (6), двугранные (5) и многогранные (2). Кроме пластин, в коллекции имеются отщепы (6), на спинках которых сохранились следы радиальных сколов. Следовательно, судя по указанным техническим признакам, большинство пластин снято с леваллуаских или одно- и двухплощадочных нуклеусов. Наличие в коллекции дисковидного нуклеуса и соответствующих по техническим признакам отщепов свидетельствует о существовании на стоянке Каракамыш двух технических типов сколов.

Вторичная обработка орудий производилась ретушью, в основном лицевой, реже брюшковой крутой, полукрутой, еще реже «с заломами» и т. д.

Орудия местонахождения Каракамыш делятся на несколько типов.

Ножи боковые — 3 экз. Изготовлены на пластинах. Тонкие продольные лезвия обработаны по одному краю тонкой лицевой приотстригающей ретушью, а другие противоположные необработанные края их использованы в качестве обушка.

Боковые скребла — 3 экз. Изготовлены на пластинах. Для них характерна вторичная обработка. Два из них по одному продольному краю оформлены сначала фасетками, затем полукрутой лицевой ретушью. На одном продольном крае третьего скребла со-

⁴⁵ Ташкенбаев Н. Х. О морфологических признаках Каракамышского палеолитического материала. — ИМКУ, вып. 8, 1969, с. 11—15.

хранилась местами глубокая ретушь, на другом — сравнительно мелкая полукрутая.

Скребла и скребловидные орудия — 3 экз. Изготовлены на отщепе (1) и обломках кремня (2). Полукруглый рабочий край одного сначала аккуратно фасетирован, затем обработан лицевой ретушью, часть участка противоположной стороны оформлена с брюшка полукрутой ретушью. Рабочие элементы у двух других расположены на их краях. Лезвие одного скребла слегка выпуклое, у другого — прямое, оба отделены мелкой полукрутой ретушью.

Выемчатые орудия — 3 экз. Изготовлены на сравнительно маленьких подтреугольных отщепках. На краю одного отщепа сохранилась тщательно обработанная ретушью неглубокая выемка. У двух других она тоже неглубокая, но оформлена тщательной мелкой крутой ретушью.

Пластины удлинённой формы — 7 экз. Все целые, на спинках хорошо прослеживаются грани, свидетельствующие о снятии их с одно- и двухплощадных нуклеусов.

Таким образом, список орудий свидетельствует о количественном (13) преобладании ретушированных форм, что составляет 65% от общего количества предметов, включая нуклеусы (1) и неотретушированные пластины (7), среди которых ведущими являются ножевидные, скребущие и выемчатые орудия. Аналогии этим изделиям находим в коллекции мустьерских комплексов Бозсу 1 и 2.

Судя по данным И. А. Анбоева⁴⁶, дальнейшее исследование памятника даст большой археологический материал и другие сведения, имеющие большое значение для решения стратиграфии и определения принадлежности его к той или другой локальной культуре палеолита Ташкентского оазиса.

ПАЛЕОЛИТИЧЕСКИЕ МЕСТОНаХОЖДЕНИЯ БОЗСУ 3—6

Одновременно с открытием и исследованием памятников каменного века Бозсу 1, 2 и Каракамыш юные археологи — школьники г. Ташкента под руководством Г. В. Парфенова⁴⁷ выявили в районе нижнего течения Бозсу три пункта палеолитических месторождений — Бозсу 3—5, где собрали 27 каменных изделий мустьерского времени⁴⁸.

⁴⁶ Анбоев И. А. Открытие на реке Каракамыш.

⁴⁷ Парфенов Г. В. Работа кружка юных археологов Института истории и археологии АН УзССР.— ОНУ, 1961, № 1, с. 71.

⁴⁸ Археологический материал из местонахождения Бозсу 3—5 хранится в фондах Музея истории народов Узбекистана им. Т. М. Айбека. Колл. 4, № 730—756.

Инвентарь местонахождения Бозсу 3 состоит из обломка нуклеуса и отщепов (8). Пять отщепов оформлены по краям крупной или мелкой лицевой приотстрающей, иногда затупляющей ретушью.

Изделия местонахождения Бозсу 4 представлены 10 предметами: это отщепы (9) и краевой скол (1). Ударные площадки отщепов подправлены одним (2), двумя (6) и тремя (1) поперечными сколами. На спинках большинства из них сохранились следы радиальных сколов, что свидетельствует о снятии их с дисковидного нуклеуса. Шесть отщепов обработаны по краям мелкой прерывистой ретушью, остальные являются отходами производства.

Инвентарь местонахождения Бозсу 5 представлен обломками пластин (3) и отщепами (6). Большая часть отщепов обработана по краям лицевой, реже брюшковой мелкой ретушью.

В 1974 г. краеведы и школьники г. Янгиюля обнаружили новое палеолитическое местонахождение Бозсу 6, расположенное на обоих берегах естественного русла р. Каракамыш, впоследствии превратившееся в канал Нижний Бозсу. Местность представляла пойму древнего русла, которая, слегка повышаясь, сливалась с древними террасами р. Каракамыш⁴⁹. Здесь собрано 18 каменных изделий. В качестве сырья использованы кремль двух разновидностей (13), кремнистый известняк (3) и сланец (2). Найдены нуклеусы (5 экз.), пластины (4), остроконечник, выемчатое оружие, отщепы (6) и скол с площадки нуклеуса.

Нуклеусы — 5 экз. Среди них один двухплощадный; ударные площадки которого подправлены поперечными сколами с двух противоположных краев. У другого нуклеуса сколы произведены с двух сторон, но расположены перпендикулярно друг другу. Третий подпризматический, удлиненной формы. На его поверхности видны следы параллельных сколов. Остальные нуклеусы маловыразительны, на их поверхности сохранились следы бессистемных сколов.

Ножи — 4 экз. Изготовлены на пластинках. Один край двух из них обработан тщательной пологой ретушью, лезвие третьей оформлено зубчатой ретушью, у четвертой, кроме обработанных лезвий, видны неглубокие выемки, отретушированные частично со спинки, в основном с брюшка.

Остроконечник — 1 экз. Хорошо обработан. Его края оформлены тщательной, местами крутой лицевой ретушью, кое-где брюшковой. На одном крае видна неглубокая отретушированная выемка. Аналогичные ему остроконечники были найдены И. А. Анбоевым на берегу Бозсу, недалеко от данного местонахождения⁵⁰.

⁴⁹ Касымов М. Р., Менвапов С. Новые находки палеолитических орудий в окрестностях Янгиюля.— ОНУ, 1975, № 617, с. 92—94.

⁵⁰ Ташкенбаев Н. Х. О морфологических признаках Каракамышского палеолитического матернала.— ИМКУ, вып. 8, 1969, с. 14, рис. 2, 10, 12.

Отщепы — 6 экз. подтре- и четырехугольной формы. На спинке четырех из них сохранились следы радиальных сколов, по краям произведена лицевая ретушь. Остальные два отщепа вторично не обработаны. В коллекции единственным экземпляром представлен скол с площадками нуклеуса, что свидетельствует об обновлении ударных площадок нуклеусов после их порчи.

Несмотря на малочисленность изделий Бозсу 6, в коллекции можно выделить формы, типичные для двух этапов палеолита. Это остроконечники, пластины и выемчатые орудия, характерные для мустье, и призматические нуклеусы и отщепы, типичные для позднего палеолита. Ближайшие аналогии материалу данного комплекса находим среди мустьерских и позднепалеолитических комплексов Бозсу 1 и 2.

ПАЛЕОЛИТИЧЕСКОЕ МЕСТОНАХОЖДЕНИЕ ЗАХ

Расположено на берегу древнего Захарыка, юго-западнее пос. Черняево и севернее Ташкента. Открыто в 1958 г. гидрогеологом И. А. Анбоевым, обратившего внимание на скопление небольших, намеренно расколотых и обработанных галек порфира, кварца, роговика, кремнистого известняка, сланца и серого кремня, а также минерализованных, частично продольно расколотых костей зотных и ископаемых раковин третичного периода. Среди собранного И. А. Анбоевым материала, обработанного Г. В. Парфеновым, были нуклеусы, остроконечники, скребла, скребки и отщепы, относящиеся по всем техническим признакам к мустьерскому периоду⁵¹. Все находки, кроме трех, не окатаны; очевидно, недалеко от места сбора находятся остатки палеолитической стоянки.

Таким образом, инвентарь Захской стоянки подобен инвентарю мустьерских памятников на Нижнем Бозсу. Наличие Захской стоянки значительно расширяет наши знания о расселении неандертальцев на территории Ташкентского оазиса и, безусловно, заслуживает дальнейшего исследования.

Рассмотрим вопрос о геологической датировке изучаемых групп местонахождений каменного века. Как уже отмечалось, каменные изделия Бозсу 1 и 2 найдены во вторичном залегании среди гальки, вымытой в результате эрозии более древних отложений водами канала и отложенной в его русле. По мнению О. И. Исламова, в районе Бозсу 1 и 2 соотношение отложений ташкентского и голоднолестепского четвертичных комплексов определяется континентальными условиями генезиса⁵². Отложения региона вскрыты лишь в русле канала Бозсу, неровная поверх-

⁵¹ Парфенов Г. В. Захская стоянка человека.— «Ташкентская правда», 1958 г., 16 декабря.

⁵² Окладников А. П. и Исламов О. И. Палеолитические находки в урочище Шуралисай (Бозсу 2).— ИМКУ, вып. 2, 1961, с. 53.

ность пласта, возможно, является древним ложем врезания. В начале четвертичного времени оно было заполнено отложениями найского комплекса, которые на данном участке были размыты во время неогена. В новом русле отложились слои ташкентского комплекса; вероятно, из них вымыты орудия мустьерского времени, найденные в русле Бозсу⁵³.

После ташкентского вреза отложился голодностепский комплекс, который, по данным Т. Ф. Тетюхина, состоит из массивных пород, загипсованных в нижней части разреза, с прослоями мелкозернистого галечника, песка, глины, а в верхней части — с залежами ганча; общая мощность 15 м. В нижней части комплекса Т. Ф. Тетюхин нашел *in situ* позднепалеолитические изделия и кости млекопитающих, датируемые 38 тыс. лет⁵⁴. Контуры природного вреза последнего сырдарьинского цикла трудно обнаружить из-за сильно искажающей ее эрозии, возникающей в результате деятельности канала Бозсу. В современной пойме отложился песчано-галечный материал, содержащий каменные изделия эпохи мустье, позднего палеолита и мезолита или неолита, а также средневековую керамику, кости позвоночных и т. д.

Таким образом, инвентарь мустьерского комплекса Бозсу 1 и 2 и группы местонахождений Бозсу 3—6 относится к позднеташкентскому и раннеголодностепскому циклам отложений, материалы позднепалеолитических комплексов — к позднеголодностепскому циклу, инвентарь более позднего комплекса местонахождения Бозсу 1 и 2 — к раннему голоцену.

Итак, рассматриваемые бозсуйские памятники характеризуются наличием ножевидных, выемчато-режущих, выемчато-скребущих орудий и орудий с черенком; несколько меньше количество леваллуаских пластин, еще меньше необработанных сколов.

В инвентаре позднепалеолитических комплексов продолжают традиции предыдущих эпох, хотя по первичной обработке они резко отличаются от них. Как и в мустьерских слоях, здесь отмечены выемчатые и комбинированные орудия, подобные орудиям из позднепалеолитических культурных слоев стоянки Кульбулак⁵⁵.

По характеру и способу первичной и вторичной обработки орудий все палеолитические памятники Ташкентского оазиса делятся на несколько локальных групп, различающихся техническими традициями, приемами расщепления, типологией орудий,

⁵³ Окладников А. П., Исламов О. И. Указ. соч., с. 53.

⁵⁴ Тетюхин Т. Ф. К стратиграфии лессовых пород ташкентского региона; Он же. О стратиграфии четвертичных отложений Приташкентского региона. Материалы Всесоюзного совещания по изучению четвертичного периода. Т. III. М., 1961.

⁵⁵ Касымов М. Р. Многослойная палеолитическая стоянка Кульбулак в Узбекистане.

зависящими от многих факторов⁵⁶. Так, в верховьях бассейна р. Чирчик находятся мустьерские пещерные стоянки Ходжакент 1 и 2 и Обирахмат, где найдены нуклеусы различных типов, пластины, скребла и другие орудия. Инвентарь этих стоянок характеризуется применением леваллуаской техники, хотя Ходжакент 1 и 2 по возрасту соответствуют нижним слоям Обирахмата⁵⁷. В результате статистического изучения материала Обирахмата Р. Х. Сулейманов установил, что памятник типичен для времени перехода от мустьерской эпохи к верхнепалеолитической⁵⁸. А. П. Окладников охарактеризовал материал из Обирахмата как леваллуаский и сопоставил его с индустрией Ходжакента⁵⁹.

В палеолитических памятниках бассейна Ахангарана найдены такие же типы орудий, как на Бозсу 1, 2 и Каракамыше. Эти памятники характеризуются наличием большого количества выемчато-скребущих, скребуще-режущих орудий, орудий тейякского типа и отщепов без четкой дифференциации форм, низким процентом леваллуаских сколов и незначительных необработанных заготовок.

Итак, местонахождения Бозсу 1, 2 и Каракамыш и палеолитические пункты Бозсу 3—6 генетически связаны с памятниками в бассейне р. Ахангаран. Типологически орудия бозсуйских памятников во многом аналогичны кульбулакским. Однако между ними имеются и некоторые различия. В то же время совпадение характерных типологических черт и техники первичной и вторичной обработки поселения Кульбулак, мастерских и ряда местонахождений Туябугуза и Бозсу дает основание предположить их культурное сходство, хотя в количественном отношении инвентарь бозсуйских памятников намного уступает кульбулакским. Все это свидетельствует о развитии в эпоху палеолита в бассейне р. Ахангаран и в низовьях р. Чирчик обширной единой этнокультурной области, отличающейся от развития палеолитических культур в верховьях р. Чирчик.

Таким образом, на основе данных археологических памятников Ташкента и его окрестностей и учитывая естественно-географические условия оазиса, можно утверждать, что в Ташкентском оазисе человек появился в древнем палеолите, а широкое освоение оазиса началось в мустьерское и последующее время, о чем

⁵⁶ Окладников А. П. Палеолит и мезолит Средней Азии.— В кн.: Средняя Азия в эпоху камня и бронзы. М.—Л., 1966; Касымов М. Р. Культуры и варианты палеолита Узбекистана. В сб.: Каменный век Средней Азии и Казахстана. Ташкент, 1972.

⁵⁷ Окладников А. П. Ходжакентская пещера — новый мустьерский памятник Узбекистана.— КСИА, вып. 82, 1961.

⁵⁸ Сулейманов Р. Х. Статистическое изучение культуры грота Обирахмат. Ташкент, 1972.

⁵⁹ Окладников А. П. Средний палеолит — мустьерское время в Средней Азии.— В сб.: Средняя Азия в эпоху камня и бронзы. М., 1966, с. 103—136.

свидетельствуют находки ашельских⁶⁰, мустьерских, позднепалеолитических, мезолитических и неолитических памятников в бассейне р. Чирчик⁶¹ и Ахангаран⁶².

СТОЯНКА КУШИЛИШ

Приташкентский район занимает территорию, лежащую по среднему течению р. Сырдарьи и ее притоков Чирчика и Ахангарана. Эта широкая предгорная равнина начинается у западных склонов и предгорий Тянь-Шаня, полого спускается к Сырдарье и переходит в Голодную степь.

Высокие горы отрога Западного Тянь-Шаня разделяются здесь речными долинами, широкими котловинами, смыкающимися узкими труднодоступными ущельями. Отрог таласского Алатау Угамский хребет поднимается высоким берегом над долиной Пскема. Его главная вершина достигает 3633 м над ур. м. За ним раскинулся Пскемский хребет, на гребне которого находится высшая точка всего Северо-Восточного района — вершина Бештор высотой 4299 м. Параллельно ему с северо-востока на запад протянулся обширный Чаткальский хребет, сменяющийся на западе Ангренским плато, расчлененным глубокими каньонами истоков р. Ахангаран. Различные высотные пояса этой долины являют собой своеобразные природные миры. Здесь выделяют пояс адыров — низких гор, среднегорный пояс (лесной район) с арчей, кленом и боярышником.

Приташкентский район напоминает грандиозный амфитеатр, открытый в сторону пустыни Кызылкум. Климат района более влажный, чем в Фергане и на юге республики. Здесь выпадает 300—700 мм осадков в год. Зима отличается более сильными морозами, длится дольше; весной часты заморозки, рано они появляются и осенью.

Мезолитическая стоянка Кушилиш расположена в равнинной части Приташкентского района. С геоморфологической точки зрения данную местность рассматривают как аллювиально-пролювиальную равнину Сырдарьи⁶³, заселенную в мустьерское время.

⁶⁰ Алпысбаев Х. Предварительные итоги изучения памятников каменного века в пещерах Южного Казахстана в 1969—1970 гг. — «Успехи среднеазиатской археологии», вып. 1, 1972, с. 29—30.

⁶¹ Окладников А. П. Ходжакентская пещера — новый мустьерский памятник Узбекистана; Насретдинов Х. К. Пещера Акташ — палеолитическая стоянка под Ташкентом. — ОНУ, 1963, № 6, с. 55; Окладников А. П. и Исламов О. И. Палеолитические находки в урочище Шуралисай (Бозсу 2); Сулейманов Р. Х. Статистическое изучение культуры грота Обирахмат.

⁶² Касымов М. Р. Многослойная палеолитическая стоянка Кульбулак в Узбекистане; Исламов У. Мезолитическая стоянка Кушилиш под Ташкентом; Касымов М. Р. Местонахождение каменного века.

⁶³ Ранов В. А., Несмеянов С. А. Палеолит и стратиграфия антропогена Средней Азии. Душанбе, 1973.

Первые разведочные работы в равнинной части Приташкентского района провел в 1954 г. Г. В. Парфенов. Материалы, собранные им на берегу канала Бозсу (стоянка Бозсу 1), к сожалению, остались неопубликованными. Позднее была открыта мустьерская стоянка Бозсу 2⁶⁴. Первое археологическое обследование горной зоны Приташкентского района провел в 1958 г. А. П. Окладников, исследовавший мустьерскую стоянку в гроте Ходжакент⁶⁵ в долине р. Чирчик. В 1962 г. при осмотре долины р. Ангрэн и Чаткал были открыты две уникальные стоянки мустьерского времени — Кульбулак⁶⁶ и Обирахмат⁶⁷. Однако мезолитические памятники не были найдены.

В 1966 г. во время изучения Бозсуйской долины геологи обнаружили стоянку Кушилиш⁶⁸. Она находилась на левом берегу древнего канала Бозсу. На размытом водой берегу, на глубине трех метров от поверхности, зафиксирован культурный слой, содержащий каменные изделия и кости животных. В 1967 г. для проведения раскопок памятника был организован отряд под руководством У. И. Исламова.

Стоянка приурочена к останцу террасы. Северная ее часть простирается к каналу и заканчивается обнажением высотой 7—8 м (рис. 15—17). У основания обнажения четко фиксируется небольшой овраг, опускающийся прямо к воде. С юго-запада стоянка также окаймлена оврагом, идущим перпендикулярно каналу. Третий овраг подходит к стоянке с востока (рис. 17). Беглое знакомство с данным участком террасы показало, что культурные напластования сильно разрушены оврагами.

Разрез стенки сделан с севера на юг по линии 4; стратиграфия участка террасы довольно проста.

0,40—0,50 м. Суглинок лессовидный, сильно гумусированный. К низу заметно светлеет, литологически однородный. Нижний контакт нечеткий.

6,5 м. Суглинок лессовидный, палевый, без следов гумусированности, литологически однородный. Содержит культурные остатки. Видимая мощность в зачистке.

Мощность лессовидного суглинка — около 7 м. Без изменений в составе и структуре он идет до самой воды (рис. 18). Границы культурного слоя и глубину его залегания мы определили еще до начала раскопок, в ходе изучения обнажений останца и в первую очередь основного обнажения, выходящего к ка-

⁶⁴ Окладников А. П., Исламов О. И. Указ. соч.

⁶⁵ Окладников А. П. Указ. соч., с. 68—76.

⁶⁶ Касымов М. Р. Многослойная палеолитическая стоянка Кульбулак в Узбекистане, с. 111—120.

⁶⁷ Насретдинов Х. К. Указ. соч.

⁶⁸ Сулейманов Р. Х. Указ. соч.

Рис. 15. Вид стоянки Кушилиш.

Рис. 16. Вид раскопок стоянки Кушилиш с запада.

налу. В обрыве заметили несколько кремневых изделий и костей животных, поэтому решили произвести зачистку берега с западной стороны. Поскольку мощность лессовидного суглинка была значительна, а находок в нем не было, верхнюю часть его убрали бульдозером. Из-за своеобразия рельефа участка у раскопа оказалась всего одна (восточная) стенка (рис. 18). После удаления балласта разбили сетку раскопа. Буквенные линии ориентированы по направлению запад—восток, цифровые север—юг.

Рис. 17. Вид стоянки с востока.

В результате раскопок установлено, что кремневые изделия и кости животных концентрируются в основном в верхней части раскопа, и прежде всего по линиям 1—5. Особенно многочисленны находки на квадратах И-5, а-4, Д-3, А-2 и Б-2. Слой с находками тянется с юго-запада на северо-восток; на севере и северо-западе он обрывается у края обнажения, на юге — на квадратах по линии В. Западнее квадрата Б-1, где обнаружен всего один предмет, примерно на три квадрата выявлено восемь кремневых изделий. На этом участке практически кончается сам останец берегового обрыва, разрушенного оврагом. Несмотря на присутствие на квадратах по линии 7 находок, можно уверенно говорить о выклинивании здесь культурного слоя. Следовательно, основная часть культурного слоя уничтожена, и в раскопе мы зафиксировали только его небольшую сохранившуюся часть. В итоге рас-

копками 1967 г. культурный слой стоянки полностью выбран. Правда, возможно предположение, что он простирается дальше к востоку, т. е. на нераскопанный участок. Конечно, характер и локализация культурных напластований могут быть различными. Вполне допустим гнездовой характер культурного слоя. Однако в обнажении обрыва канала прослойка находок обрывается как раз по линии 7.

С

Рис. 18. Топографический план стоянки Кушилиш.

Находки залегают в лессовидном суглинке, который здесь фациально не отличается от остальной его части. Признаков потемнения горизонта или гумусированности не установлено. Наибольшая мощность (10—15 см) культурного слоя выявлена по линиям а, А и Б (рис. 19). К югу слой заметно утончается и исчезает. Слой имеет явное падение в южном направлении: особенно это заметно в южной части разреза (рис. 18). Культурный слой дос-

таточно компактный. Находки исчезают сразу; при контрольной прокопке обнаружен только один предмет.

Накопление над культурным горизонтом трехметровой толщи лессовидного суглинка, безусловно, указывает на древний (в пределах голоцена) возраст памятника. Однако здесь следует учитывать характер и скорость осадконакопления в данном районе. И все же в любом случае раннеголоценовый возраст лессовидного суглинка не вызывает сомнений.

Находки, обнаруженные во время разборки культурного горизонта, немногочисленны. Они представлены кремневыми изделиями и костями животных. Кости животных встречались редко, к тому же они сильно фрагментированы. Определимых костей ма-

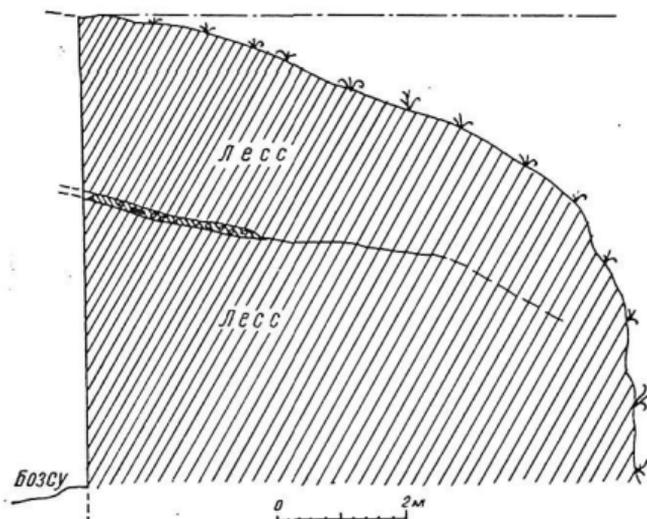

Рис. 19. Разрез стоянки Кушилиш.

ло. Osteологический материал был передан на определение в лабораторию четвертичной геологии Института гидрогеологии и инженерной геологии. Палеозоолог Р. К. Камбаритдинов дал следующее заключение: «...удалось определить следующие кости представителей одного семейства: затылочная часть; второй предпоследний (P_2) и третий нижний коренной (M_3) зубы правой челюсти; ряд обломков трубчатых костей, относящихся к одной и той же особи, притом молодой, домашнему туру (корова)».

Геологический возраст костесодержащих отложений определяется как низы голоцена — абайская терраса — Q-4.

Если присутствие в культурном слое костей быка не вызывало удивления, то наличие кости коровы оказалось неожиданным. Поскольку osteологический материал представлен несколькими

обломками трубчатых костей, то пока мы условно принимаем определение Р. К. Камбаритдинова. Важно получить дополнительный сравнительный материал по мезолиту не только Средней Азии, но и Ближнего Востока. Ни на одном из памятников эпохи мезолита не находили костей коровы, датированных ранним голоценом.

Кости животных в раскопе локализуются главным образом на квадратах по линиям 5 и 7. На квадратах 6—7, а-7, Б-7 и Б-6 находки почти полностью представлены костями животных. В северной же части стоянки, где особенно многочисленны каменные изделия, они отсутствуют. Возможно, это носит не случайный характер.

Среди каменных изделий преобладают отходы производства, отщепы и осколки. Весьма заметно сравнительно большое количество орудий на отщепах, пластин, микропластинок. Среди орудий выделяются скребки, долота, скобели, ножи, резчики-скобели и др. Особый интерес вызывают миниатюрные треугольники, тщательно обработанные отжимной ретушью с трех сторон. Всего найдено два нуклеуса. Кремневые изделия не рассеяны по всей раскопанной площадке, а четко локализованы, причем почти на каждом квадрате зафиксировано совместное присутствие орудий на отщепах, пластинах и отщепов. Показательны в этом отношении квадраты а-5, а-6, А-3, А-2 и Б-2. Так, на квадрате А-3 найдено шесть орудий на отщепах и четыре пластинки, а в квадрате а-4 — семь пластинок. Интересен в этом отношении участок к северу от квадрата Б-1. Здесь вместе с четырьмя отщепами найдено четыре орудия на отщепах. Других находок нет.

Небольшое количество нуклеусов свидетельствует о том, что на стоянке не изготовляли большого количества орудий, вероятно, изготавливались только необходимые в данной ситуации. Следовательно, орудия и, как нам кажется, многие отщепы принесены на стоянку первобытным человеком. На стоянке в основном разделяли туши животных. Судя по количеству находок и небольшой мощности культурного слоя, стоянка была заселена непродолжительное время.

Кремневые изделия. № 1. Конусовидный нуклеус односторонний, одноплощадочный — 1 экз. (рис. 21, 1). Исходное сырье — желтовато-серый кремень. Размер 3,7×5,1×2,9 см. Ударная площадка большая (5,1×2,9 см), неподправленная, с местами сохранившейся желвачной коркой. На боковых и передних сторонах нуклеуса сохранились негативы от отщепов и пластин. Концы негативов сходятся в одной точке, придавая нуклеусу конусовидную форму. Задняя сторона нуклеуса ровная, как бы срезанная, видимо, естественным путем.

№ 2. Конусовидный нуклеус с круговым скалыванием — 1 экз. Исходный материал — желтовато-серый кремень. Размер 2,6×

×1,2×0,8 см. Ударная площадка ровная, подправленная мелкой фасеткой. По всей окружности нуклеуса видны негативы от снятия пластинки и микропластинки. Конец нуклеуса острый, придает ему конусовидную форму (рис. 20, 7).

№ 3. Клиновидный нуклеус с торцовым скалыванием — 1 экз. (рис. 20, 5). Исходное сырье — желтовато-серый кремнь. Размер 3,1×2,8×1,8 см. Ударная площадка яйцевидной формы, размер 2,8×1,8 см, подправлена двумя снятыми отщепами. Площадка ровная. С одного торца снят более крупный (2,7×1,6 см) отщеп, другой торец покрыт негативами от микропластинок. На плоских краях сохранились негативы от пластинок и отщепов. Конец нуклеуса подправлен и подтесан, как клин; видны какие-то забитос-

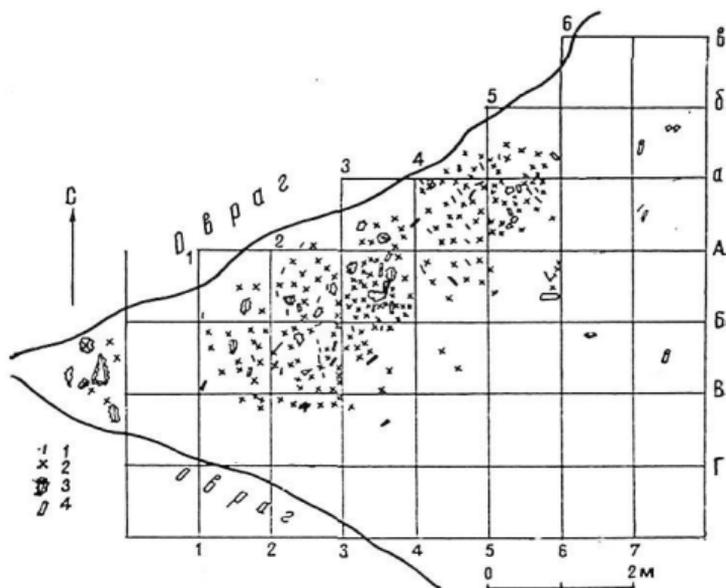

Рис. 20. План расположения находок на стоянке:

1 — пластинки; 2 — отщепы; 3 — скребки; 4 — кости.

ти. Этот тип мы условно назвали клиновидным с торцовым скалыванием. Конец нуклеуса действительно клиновидной формы, однако пластинки сняты не только с торцовой, но и с плоской части. Правда, с торцовой части снято много микропластинок. Видимо, нуклеус готовился первобытным мастером для снятия микропластин с торцовой части.

№ 4. Нуклеус аморфной формы — 1 экз. Исходный материал — желтовато-серый кремнь. Размер 2,7×4,7×2,5 см. Ударная площадка ровная, обработана более крупными фасетками. На

площадке видно три негатива от отщепов; часть ее сохраняет желвачную корку. Противоположный ударной площадке конец является второй площадкой, с которой также снят отщеп размером $3,4 \times 3$ см. Площадка скошена. Вся окружность нуклеуса покрыта негативами от отщепов.

№ 5. Обломок нуклеуса — 1 экз. Исходный материал — желтовато-серый кремнь. Вероятно, это осколок от нуклеуса.

№ 6. Пластина — 1 экз., форма ее неправильная асимметричная. Исходное сырье — желто-серый кремнь. Размер $4 \times 3,1 \times 1,6$ см. Ударная площадка очень маленькая, бугорок и точка удара четко фиксируются. По спинке проходит высокая грань. Один продольный край пластины ровный, другой — чуть вогнутый. Противоположный ударной площадке конец сломан. Оба продольных края не ретушированы (рис. 20, 4).

№ 7. Пластинки — 12 экз., форма их неправильная, асимметричная. Исходный материал — желтовато-серый кремнь. Размер $3,5 \times 1,6 \times 0,8$ см. Ударная площадка неровная, обработана мелкой фасеткой. На спинке есть негатив от пластины. Продольные края пластинки неровные и неретушированные. Противоположный ударной площадке конец сломан (рис. 20, 6). Остальные пластинки также с неправильными продольными необработанными краями.

№ 8. Микропластинка — 1 экз. Форма ее правильная призматическая. Исходный материал — желтовато-серый кремнь. Размер $2 \times 0,5 \times 0,2$ см. Видимых археологических признаков нет. По спинке проходит относительно высокая грань. Продольные края в основном правильной призматической формы. При внимательном рассмотрении заметно, что один продольный край правильный, другой чуть дугообразный. Оба продольных края не ретушированы (рис. 20, 1).

Отщепы и обломки. Отщепы разделяются на крупные, мелкие, чешуйки и обломки кремня.

№ 9. Отщепы крупные — 3 экз. Исходное сырье — желтовато-серый кремнь. Размер $4,7 \times 5,3 \times 1,3$ см. Ударная площадка, бугорок и точка удара отсутствуют; видимо, обломаны. На спинке видно пять негативов от отщепов. Края отщепов острые, но не ретушированные (рис. 21, 17). Два других отщепов таких же размеров, с острыми краями, неретушированные.

№ 10. Отщепы мелкие — 44 экз. Размеры $1,5 \times 1,6 \times 0,2 - 2,8 \times 2,2 \times 0,6$ см. Большинство отщепов обладает ярко выраженными археологическими признаками, т. е. имеют ударную площадку, бугорок и точку удара. Края острые, на отщепках нет ретуши. Возможно, это были заготовки для орудий.

№ 103. Исходный материал — желто-серый кремнь. Размер $2,8 \times 2,2 \times 0,6$ см. Ударная площадка неровная, подправлена мелкой фасеткой. Ударный бугорок и точка удара фиксируются чет-

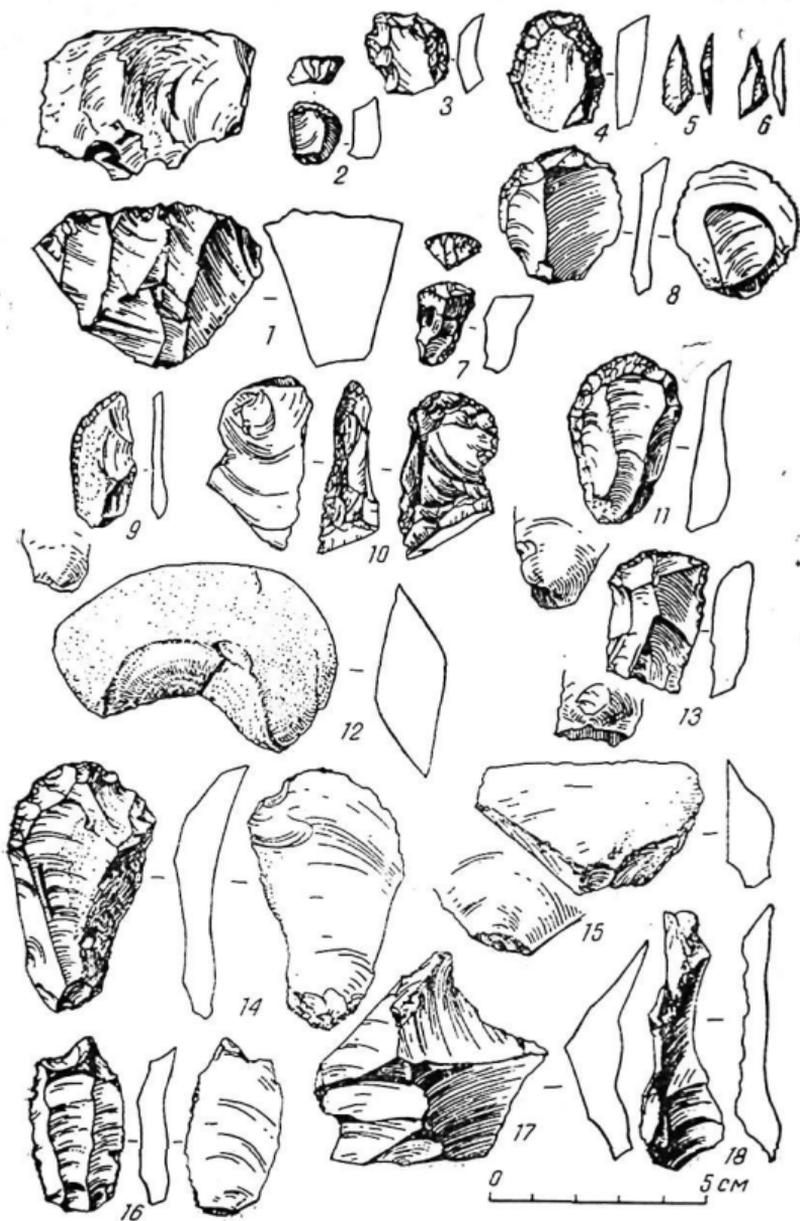

Рис. 21. Каменные орудия со стоянки Кушилиш.

ко. На спинке видно четыре негатива от отщепов. В профиль отщеп сильно прогнут. Края отщепа острые, неретушированные.

№ 11. Чешуйки — 133 экз. Наличие чешуек свидетельствует о том, что первобытные мастера Кушилиша готовили орудия прямо в поселении.

№ 12. Обломки кремня — 5 экз. Реберчатые пластинки — 2 экз. № 29. Исходное сырье — серовато-желтый кремень. Размер $5,8 \times 1,5 \times 0,9$ см. Ударная площадка отсутствует; видимо, снесена ударами при снятии с нуклеуса этой пластинки. Бугорок и точка удара фиксируются четко. По спинке проходит грань. С одной стороны грани виден негатив от пластинки, в конце пластинка покрыта желвачной коркой. С другой стороны заметны следы негативов от мелких беспорядочных ударов. Пластинка снята с площадки нуклеуса, в результате чего получилась реберчатая спинка. Продольные края неровные, с выемками. На выемчатом крае — мелкие фасетки: видимо, это утилизация ретуши. Микроскопические исследования показали, что этим орудием работали как скобелем (рис. 21, 18). Другой экземпляр ($5,3 \times 1,8 \times 0,4$ см) имеет такие же рабочие края, как описанные выше.

№ 13. Острие типа перочинного ножа «шательперрона». Исходный материал — серовато-желтый кремень. Размер $3,1 \times 1,5 \times 0,4$ см. Ударная площадка узкая, скошена к спинке орудия. Бугорок и точка удара фиксируются четко. Половина спинки вдоль покрыта желвачной коркой, на другой половине видно два негатива от отщепа. Один из продольных краев ближе к правильной форме, неретушированный, острый, другой дугообразный, ретушированный по всей дуге мелкой приостряющей ретушью (рис. 21, 9).

№ 14. Треугольники — 2 экз. № 26. Исходное сырье — серовато-желтый кремень. Размер $1,7 \times 0,7 \times 0,2$ см. Изготовлен из микропластинки. Ударный бугорок и площадка отсутствуют. По спинке проходит грань. Средняя часть грани ретуширована, что придает пластинке треугольную форму. На одном продольном крае треугольника мелкие фасетки; видимо, это утилизация ретуши. Верхняя часть продольного края сломана. На другом крае есть выступ, выделенный крутой затупляющей ретушью, подчеркивающей треугольную форму микропластинки.

№ 27. Исходное сырье — серовато-желтый кремень. Размер $1,6 \times 0,7 \times 0,2$ см. Изготовлен из микропластинки без видимых археологических признаков. По спинке проходит грань. Один боковой край прямой, другой подчеркивает треугольную форму выступом, на двух концах микропластинки соединяется с прямым боковым краем и создает треугольную форму. Покрыт крутой притупляющей ретушью. Местами на прямом продольном крае имеет мелкие фасетки, видимо, это утилизация ретуши (рис. 21, 5, 6).

№ 2. Исходное сырье — серовато-желтый кремень. Размер $2,7 \times 2,2 \times 0,7$ см. Изготовлен из отщепа овальной формы без видимых археологических признаков. Спинка скребка покрыта желвачной коркой. Все полукруглые края обработаны мелкой крутой фасеткой приотстривающей ретуши, только на участке 1,5 см по краю скребок не ретуширован. Угол рабочей части 65° (рис. 21, 4).

№ 5. Исходный материал — зеленовато-серый кремень. Размер $1,9 \times 1,2 \times 0,7$ см. Ударная площадка ровная, необработанная. Бугорок и точка удара фиксируются четко. Противоположный ударной площадке конец выпуклой формы, ретуширован, является рабочим скребковым концом. По спинке проходит зигзагообразная высокая грань, с одной стороны частично покрытая желвачной коркой, с другой — со следами негативов от отщепов. Рабочий конец скребка обработан длинными крутыми фасетками. Лезвие скребка сильно заполировалось от долгой работы, поэтому ранее сделанная мелкой фасеткой ретушь едва заметна. На полированном рабочем конце скребка хорошо видны линейные следы, характерные для скребка. Со стороны спинки продольные края обработаны заостряющей ретушью. Угол рабочей части 71° (рис. 21, 7).

Скребки на отщепах. № 15. Концевые скребки — 2 экз. № 4. Исходный материал — серый кремень. Размер $5,7 \times 3,1 \times 1,1$ см. Ударная площадка очень маленькая, очевидно, фасетированная. Бугорок и точка удара фиксируются четко. Противоположный ударной площадке конец выпуклый, дугообразный, является рабочей скребковой частью орудия. Часть спинки покрыта желвачной коркой. Видны негативы от четырех отщепов. На ударной площадке сохранены следы забитости, беспорядочной фасетки и заглаженности. Видимо, эта часть скребка была одновременно ретушером. Рабочая выпуклая часть орудия оформлена более крупными фасетками, лезвие орудия — мелкой фасеткой приотстривающей ретуши. Продольные края острые, неретушированные. Угол рабочей части 76° (рис. 21, 14).

№ 16. Скребки высокие с ретушью почти по всему периметру — 5 экз. № 1. Исходное сырье — серовато-желтый кремень. Размер $2,3 \times 1,8 \times 0,7$ см. Изготовлен из отщепа подчетыреугольной формы без видимых археологических признаков. На спинке видно два негатива от отщепа. Отщеп сломан на месте ударной площадки. Остальные края отщепа оформлены заостряющей ретушью. Угол рабочей части 62° (рис. 21, 3, 11).

№ 17. Скребок с прямым рабочим лезвием — 1 экз. № 15. Исходный материал — серовато-желтый кремень. Размер $1,4 \times 1,6 \times 0,4$ см. Изготовлен из отщепа подчетыреугольной формы. Ударная площадка узкая, прямая. Бугорок и точка удара фиксируются четко. На спинке сохранен негатив от отщепа. Противоположный ударной площадке конец прямой, является рабочим

скребковым концом отщепа. Рабочий край оформлен мелкой крутой фасеткой заостряющей ретуши. Один продольный край тупой, срезанный в виде резцового скола, другой — чуть выпуклый, обработанный приостряющей ретушью. Грани обоих краев выступают, как бы подчеркивая прямолинейность рабочего края скребка. Часть спинки сохранила галечную корку. Угол рабочей части 60° (рис. 21, 2).

№ 18. Скребки плоские с выпуклым рабочим концом — 6 экз.
№ 11. Исходное сырье — серовато-желтый кремль. Размер $2 \times 2,3 \times 0,7$ см. Изготовлен из отщепа подтреугольной формы без видимых археологических признаков. Спинка скребка покрыта желвачной коркой. Выпуклый рабочий край обработан на расстоянии 1,9 см мелкой крутой фасеткой приостряющей ретуши. Продольные края не ретушированы (рис. 20, 2, 3; 21, 8, 10).

№ 10. Исходный материал — серовато-желтый кремль. Размер $2,3 \times 1,3 \times 0,4$ см. Изготовлен из отщепа листовидной формы с видимыми археологическими признаками. На спинке отщепа виден негатив от отщепа. Скребковым рабочим концом является не конец отщепа, а один из продольных краев дугообразной формы. Один край по всей длине обработан крутой заостряющей ретушью, другой — острый, неретушированный. На этом скребке, как и на всех в коллекции, заметны линейные следы, характерные для скребка.

№ 19. Обломки гальки с полировкой — 2 экз. Обе являются обломками. Часть их заполирована, но с какой целью — неизвестно.

Типы каменных орудий, выделенные по трасологии. Скребло — 1 экз. По типологии это крупный отщеп из гальки (№ 25), размер $3,1 \times 6,3 \times 1,5$ см. Форма полуовальная. Острые полуовальные края использованы в качестве скребла. Края не обработанные, но имеют линейные следы, характерные для скребла (рис. 21, 12).

Боковые скребки — 3 экз. Типологически это пластинки без ретуши, на продольных краях видны линейные следы, характерные для скребка.

№ 17. Исходное сырье — серовато-желтый кремль. Размер $2,1 \times 1,4 \times 0,3$ см. Ударный бугорок площадки и точка удара отсутствуют, видимо, сломаны. Сломан и противоположный конец отщепа. Один продольный конец правильной формы, другой дугообразный, чуть выпуклый, обработанный крутой приостряющей ретушью. Здесь же видны линейные следы, характерные для скребка. Остальные края острые, неретушированные.

№ 36. Исходный материал — серовато-желтый кремль. Размер $3,1 \times 5 \times 1$ см. Ударная площадка бугристая, подправленная мелкой фасеткой. Бугорок и точка удара прослеживаются четко. Противоположный ударной площадке конец широкий и прямой,

является рабочим скребковым концом орудия. Неретушированная, но с четкими линейными следами, характерными для скребка.

№ 38. Исходное сырье — серовато-желтый кремнь. Размер 3,3×2,1×0,6 см. Ударная площадка скошенная, необработанная. Бугорок и точка удара фиксируется четко. Пластинка правильной призматической формы. Противоположный ударной площадке конец сломан. Один продольный край прямой, с линейными следами, характерными для скребка. Два остальных экземпляра также с линейными следами на продольных краях.

Скребки на отщепе — 10 экз. Типологически это отщепы без ретуши (8 экз.) и с ретушью (2 экз.). На острых краях видны линейные следы, характерные для скребка (рис. 21, 15).

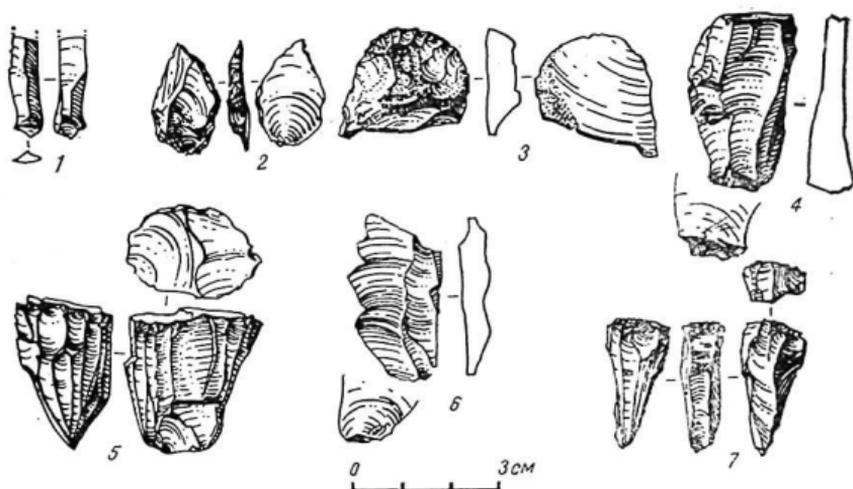

Рис. 22. Каменные орудия стоянки.

Тип-лист индустрии Кушилиш можно представить таким образом.

- I. Конусовидные нуклеусы.
  1. Односторонние, одноплощадочные: для отделения микропластинки.
  2. С круговым скальванием: для отделения микропластинки.
- II. Клиновидные нуклеусы.
  3. С торцовым скальванием: для отделения пластинки.
- III. Нуклеусы других форм (рис. 22).

4. Нуклеусы аморфной формы:
для отделения отщепов.
5. Обломки нуклеусов.
- IV. Пластины (без ретуши).
6. Неправильных асимметричных очертаний.
- V. Пластинки (без ретуши).
7. Правильных асимметричных очертаний.
- VI. Микропластинки (без ретуши).
8. Правильной призматической формы.
9. Отщепы крупные.
10. Отщепы мелкие.
11. Обломки кремня.
12. Чешуйки.
- VII. Скребки из отщепов.
13. Высокие с овальным рабочим краем.
14. Плоские с овальным рабочим краем.
15. Высокие с ретушью по всему периметру.
16. Высокие с прямым рабочим краем.
- VIII. Другие различные орудия.
17. Треугольники.
18. Перочинный нож.
19. Шлифованные изделия.

Этот тип объединяет четыре класса, восемь групп и девятнадцать типов.

Д а т и р о в к а. В определении возраста Кушилиша немало важное значение имеют данные геологии. По мнению геологов, осмотревших стоянку, культурный слой ее залегает в отложениях абайской ранне-голоценовой террасы. Тем не менее общее сходство орудий перечисленных выше памятников можно наблюдать в отдельных типах орудий, их отделке, типах нуклеусов и т. д. Конусовидные односторонние одноплощадочные нуклеусы и с круговым скалыванием на стоянке Кушилиш составляют по 50% из числа нуклеусов. Они известны в Обишире I и V, в Мачае и на всех памятниках Центральной Ферганы. Клиновидные нуклеусы с торцовым скалыванием, характерные для стоянки Кушилиш, известны в Обишире I и V, в центральноферганских стоянках и Мачае. Скребки на отщепах высокой формы с овальным рабочим краем, плоские с овальным рабочим концом находят самые близкие аналоги в материалах Обишира I и V, центральноферганских памятниках Ашикуль (пункты II и III), Тайпак I и пещере Мачай. Однако в Кушилише эти типы изделий более архаичны.

В индустрии Кушилиша есть тем не менее и отличительные от индустрий Обишира, Мачая и Центральной Ферганы черты. Прежде всего надо отметить наличие в Кушилише геометрических форм орудий. Так, ни в одном из перечисленных памятни-

ков треугольники не встречены. Исключительно редки в них острия типа перочинного ножа и скребки высокой формы по всему периметру. Характерно отсутствие ножевидных пластин. Отмеченные в коллекции пластины довольно грубы. Невыработанную форму имеют и отщепы. Нехарактерны для Кушилиша и микропластинки. Таким образом, с технико-типологической точки зрения изделия приташкентской стоянки гораздо архаичнее инвентаря ферганских стоянок и Мачая.

Трудно сопоставимы индустрии Кушилиша с инвентарем стоянок Прикаспия. Треугольники Кушилиша в чем-то напоминают аналогичные орудия из 5-го слоя Дам-Дам-Чешме II, однако последние совершеннее и вместе с остальными типами орудий датируются поздним, по сравнению с Кушилишем, временем. Хотя сопоставление по единичным типам орудий неправомерно, нельзя не отметить поразительного сходства треугольников, происходящих из слоя в Шанидаре⁶⁹ и Палегавры⁷⁰ с треугольниками Кушилиша (рис. 23).

Подведем некоторые итоги. Несмотря на культурное своеобразие, индустрия Кушилиша тяготеет к раннемезолитическим индустриям Передней Азии. Так, треугольники Кушилиша находят аналогии в инвентаре Шанидара, Палегавры и нижних горизонтов Гари-Камарбанда. Острия типа перочинного ножа и массивные скребки с дугообразным широким краем напоминают подобные орудия из Натикийской стоянки Эль-Амар. Изделия последнего типа выявлены и в индустрии Самаркандской верхнепалеолитической стоянки. Основная масса орудий Кушилиша изготовлена на отщепах. Процент пластинок и микропластинок от общего числа изделий очень невелик. По-видимому, микролитическая техника здесь только зарождалась. Принимая во внимание радиоуглеродные даты для переднеазиатских памятников Кушилиш можно отнести примерно к X—IX тысячелетиям до н. э. Этот возраст подтверждают и геологические данные стоянки.

Для изучения хозяйственной деятельности мезолитических племен Кушилиша мы воспользовались сведениями о природной среде исследуемого района, видовом и количественном составе фауны, характере ее распределения в слое, функциональном назначении орудий и др. На основании этих данных установили, что мезолитические племена Кушилиша в основном занимались охотой и собирательством. Восемьдесят процентов орудий труда связано с охотничьей жизнью и обработкой кожи животных. Это различной формы скребки, ножи, рубящие орудия и т. д. Ското-

⁶⁹ Solecki R. I. Shanidar Cave a Paleolithic site in Northern Iraq. Smithsonian Institution, annual Report, Publ. 4190, Washington, p. 406, 1955.

⁷⁰ Braidwood R. I., How B. Prehistoric investigations in Iraq. Kurdistan, Chicago, 1960.

водство в их хозяйстве еще не играло решающей роли. Однако, вероятно, в эпоху мезолита люди уже начали приручать мелкий

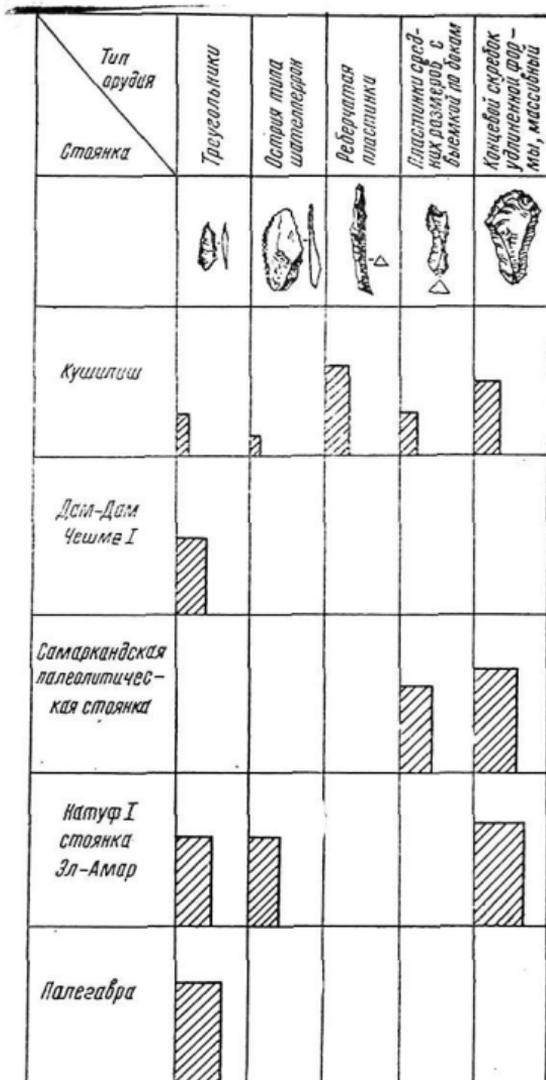

Рис. 23. Гистограмма процентного соотношения каменных орудий.

и крупный рогатый скот. Так, на Ташкентской стойке Кушилиш были обнаружены кости быка и молодой коровы.

Вызывает удивление наличие костей домашней коровы. Надо сказать, что наиболее древние находки одомашненной овцы отмечены в Передней Азии, в частности в слоях, относящихся к X—IX тысячелетиям до н. э., в поселении Зави-Чами Шанидар⁷¹. Однако ни в одном из памятников эпохи мезолита не находили костей коровы, датируемых ранним голоценом. Поэтому мы пока воздержимся от предполагаемых выводов, хотя не исключена возможность появления в эпоху мезолита производящего хозяйства на территории Узбекистана.

Рассмотрим вопрос о генезисе и судьбе мезолитических племен из Кушилиша, более сложный, чем о генезисе Обишира или Мачая. Как известно, кроме Самаркандской, мы не располагаем верхнепалеолитической стоянкой, которую можно было бы принять за основу для генетики мезолита Средней Азии. Имеющиеся верхнепалеолитические памятники в Ташкентском оазисе коренным образом отличаются от стоянки Кушилиш. Так, верхние слои стоянки Кульбулак имеют некоторые параллели в типах заготовок. Некоторые нуклеусы конусовидной и призматической формы⁷² напоминают нуклеусы из Кушилиша. Однако в верхнем слое Кульбулака нет геометрических форм орудий. Здесь в таких верхнепалеолитических признаках, как призматические нуклеусы, пластины правильных призматических форм, сильно чувствуется мустьерское влияние. Это доказывают дисковидные нуклеусы и остроконечники коллекции. Кроме того, встречаются зубчато-выемчатые орудия, характерные для нижних мустьерских слоев Кульбулака. Следовательно, кульбулакский верхний палеолит, вероятно, ближе к мустье, чем к мезолиту. Более весомые параллели привести очень трудно. Самаркандская стоянка и стоянка Ходжа-Гор также имеют больше отличий, чем сходств.

Среди типов орудий Самаркандской стоянки и Кушилиша обнаружено сходство среди скребков концевых на удлинённых пластинчатых отщепках с выпуклым рабочим краем, пластинок с выемкой и орудий из гальки в виде скребла. Общий облик Кушилиша резко отличается от Самаркандской стоянки. Нуклеусы призматической формы и скребки на сломанной пластинке с выпуклым рабочим краем Ходжа-Гора находят аналогии среди таких же орудий Кушилиша. В остальном эти памятники различны и по технике обработки каменных орудий, и по их типу.

Материалы стоянки Кушилиш больше тяготеют к кругу культуры с микролитической техникой и геометрическими орудиями.

---

⁷¹ Perkins D. The Tinal Remains of Shanidar Cave and Zawi Chami Shanidar, Sumer, V. XVI, N 1—2, 1960.

⁷² К а с ы м о в М. Р. Многослойная палеолитическая стоянка Кульбулак в Узбекистане, с. 111—120, рис. 4, 7, 11, 17.

Это Дам-Дам-Чешме I—II⁷³, Гари-Камарбанд⁷⁴, Шанидар (слой В)⁷⁵, Палигавра⁷⁶, Али-Теппех⁷⁷ и т. д.

Генезис племен стоянки Кушилиш можно представить следующим образом. Эти племена происходят от носителей местных леваллуа-мустьерских и верхнепалеолитических культур, общавшихся с более развитыми и прогрессивными племенами Передней Азии, тогда как на территории Ташкентского оазиса ряд мустьерских стоянок входил в круг леваллуа-мустьерских культур Передней Азии. Это Ходжакентская, Обирахматская, Кульбулакская и, наконец, Бозсу 2, исследованная А. П. Окладниковым и О. И. Исламовым⁷⁸. Стоянка Бозсу 2 расположена на берегу древнего канала Бозсу, как и стоянка Кушилиш, с тем лишь различием, что Кушилиш расположен на среднем течении канала, а Бозсу 2 — в низовьях канала, примерно на 20—25 км ниже стоянки Кушилиш. В 1954 г. на 8—10-м километре от Кушилиша вниз по течению Г. В. Парфенов открыл стоянку эпохи позднего палеолита, названную Бозсу 1 или Шоимкуприк. Стоянка располагалась на берегу древнего канала, вблизи местности Шоимкуприк. Из сказанного следует, что в Ташкентском оазисе, на берегу древнего канала Бозсу, люди жили со времен эпохи мустье, которое А. П. Окладников относит к леваллуа-мустье⁷⁹. Поэтому мы вправе предположить, что мезолитические племена из Кушилиша образовались от носителей местных мустьерских и верхнепалеолитических культур, стоявших ближе к кругу культур леваллуа-мустье и мезолитических культур с микролитической техникой и геометрическими орудиями Передней Азии. В эпоху мезолита племена развивали микролитическую технику с геометрическими орудиями. На данном этапе исследования вопрос о судьбе племен из Кушилиша остался не ясным.

---

⁷³ Марков Г. Е. Грот Дам-Дам-Чешме в Восточном Прикаспии.— СА, 1966, № 2.

⁷⁴ Сооп С. S. Excavations in Hotu Cave. *Prac. of amer. Philosoph sos*, v. 96, N 3, 1952.

⁷⁵ Solecki R. I. *Op. sit*, p. 406.

⁷⁶ Braidwood B. I. *Op. sit*.

⁷⁷ Mc Burney C. V. M. *The cave of Ali Tappeh and the Upperpaleolithic in N. E. Iran*. London, 1969.

⁷⁸ Окладников А. П., Исламов О. И. Палеолитические находки в урочище Шуралисай (Бозсу 2). М. К. Қасымов (исследователь Кульбулакской стоянки) выделяет ее в самостоятельную культуру палеолита Узбекистана.

⁷⁹ Окладников А. П., Исламов О. И. Палеолитические находки в урочище Шуралисай (Бозсу 2).

ШАШТЕПА — ДРЕВНЕЙШЕЕ ПОСЕЛЕНИЕ ОСЕДЛЫХ ЗЕМЛЕДЕЛЬЦЕВ НА ТЕРРИТОРИИ ТАШКЕНТА

В результате широких археологических исследований последних лет на территории Ташкентского оазиса установлено, что он является крайним северным регионом распространения очагов древнеземледельческих культур, формировавшихся спорадически в эпоху поздней бронзы в средних и южных районах Средней Азии на локальных территориях, удобных для примитивного каирного и лиманного земледелия. Один из очагов этих культур, именуемых культурами расписной керамики, формировавшаяся в Ташкентском оазисе на протоке Бургулюк, давшем название самой культуре, памятники которой отмечались по трассе Ташкентского канала¹, в районе Туябугузского водохранилища² и Янгиюля³, однако до недавнего времени на территории Ташкента не обнаруживались. Только в результате изучения городища Шаштепа в ареал распространения этой культуры удалось включить и часть территории «Большого Ташкента».

Городище расположено в южной части современного Ташкента на берегах протока Джун — крупного канала, вытекающего из Салара недалеко от места слияния с ним Бурджара и впадающего в Бозсу. Городище состоит из холма цитадели высотой 18—19 м и двух поселений, в настоящее время прослеживаемых западнее его (рис. 24). Первое поселение, мощность слоев которого почти равна высоте цитадели, отделяется от нее неглубокой ложбиной и отличается крутыми обрывистыми склонами. Канал Джун разделяет первое поселение с цитаделью и второе внешнее, отличающееся более пониженным рельефом.

¹ Тереножкин А. И. Памятники материальной культуры на Ташкентском канале.

² Дуке Х. Бургулюкская культура.— В кн.: Древности Туябугуза.

³ Буряков Ю. Ф., Дадабаев Г. Памятники античного времени в Ташкентском оазисе.— ИМКУ, вып. 10, 1973, с. 40, и сл.

Территория внешнего поселения на правом берегу Джунга интенсивно осваивалась под современную застройку, частично скрыта кирпичным заводом, местами занята домами, так что свободными остались лишь незначительные по площади останцы, на которых сохранились преимущественно нижние культурные отложения. Общая площадь оставшейся части городища приблизительно 300×150 м.

Рис. 24. Общий вид цитадели Шаштепа с раскопом.

Впервые памятник привлек внимание исследователей еще в конце прошлого столетия: Туркестанский кружок любителей археологии в 1896 г. провел там раскопки⁴. Н. П. Остроумов, проводивший исследование, прорезал траншеей цитадель городища и вскрыл три минные галереи. Траншея прорезала какие-то кладки и обнаружила стрельчатую арку. Найдены обломки керамики, два изображения барана, куски железа, стекла, грузила, кости животных. Исследователи не дали датировки памятника, но определили его как сторожевой пост с подземным зданием.

В 1934 г. памятник обследовал Г. В. Григорьев, отнесший его к типу архаических городищ с вышками на мысах террасы Чирчика, вынесенных к водному потоку⁵. Не проводя на памятнике раскопок, Г. В. Григорьев предположил на нем выделенную им в качестве закономерной для таких городищ схему стратиграфии: пещерное поселение, землянки, слой мощной золы и пе-

⁴ Протокол заседания ТКЛА от 26 августа 1896 г.— ПТКЛА, 1, Ташкент, с. 23—26.

⁵ Григорьев Г. В. Отчет об археологической разведке в Янгиюльском районе УзССР в 1934 г. Ташкент, 1955, с. 22, 43.

регорелого навоза с культурными остатками, которые выше должны переслаиваться лессовыми прослойками и кладками сырцового кирпича, перекрытого пахсой⁶. Небольшие зачистки обреза траншеи в 1896 г. выявили сплошной культурный слой и огромное строение, представляющее ряд параллельно идущих галерей со сводами, которые, видимо, и образовали основной массив вышки — цитадели. Г. В. Григорьев, ссылаясь на анализ письменных сведений, интерпретировал здание как подземный храм саков и весь памятник датировал сакским временем⁷.

В 1956 г. археологические наблюдения на Шаштепа провела Н. И. Крашенинникова⁸. Специальных раскопок не проводилось, а собранный из разрушенного культурного слоя материал в виде керамики, каменных изделий, очажных подставок в форме бычьих голов, костей и др. сведен в общую таблицу и вместе с предметами, добытыми из обреза холма-цитадели, датирован III—V вв. н. э.; цитадель отнесена к преарабскому времени⁹. Как отмечает автор публикации, метод выемки земли при помощи экскаватора не способствовал изучению стратиграфии и расчленению датировки памятника. Лишь в 1970 г. была предпринята попытка стратиграфического изучения городища, когда на южном склоне цитадели Г. Дадабаевым был заложен шурф, доведенный до глубины 8 м¹⁰. Тогда был выявлен комплекс материала нижнего слоя, который авторы отнесли к бургулюкской культуре и датировали II—I вв. до н. э.¹¹

Исследование городища Шаштепа носило в основном характер наблюдений и разведок, что явилось одной из причин разнобоя в определении его хронологии. Однако уже первые результаты разведочных раскопок и материалы из нижнего горизонта свидетельствовали о большом научном значении памятника для изучения наиболее ранних этапов развития культуры на территории Ташкента.

Раскопки Ташкентской экспедиции 1978—1979 гг. в юго-восточной части цитадели Шаштепа сначала в виде траншеи 8×4 м², развернутой затем в раскоп площадью 84 м², дали картину стратиграфической последовательности накопления 12-метровых культурных отложений, считая от лессового материка. Это позволило выявить сложение, развитие и смену четырех хронологически последовательных культурных комплексов, характеризующих основной период жизни памятника¹².

⁶ Григорьев Г. В. Указ. соч., с. 21.

⁷ Там же, с. 35.

⁸ Крашенинникова Н. И. Археологические наблюдения на Чаштепе. Труды ТашГУ им. В. И. Ленина, вып. 172, 1960, с. 150.

⁹ Там же, с. 158, 162.

¹⁰ Буряков Ю. Ф., Дадабаев Г. Указ. соч., с. 40.

¹¹ Там же.

¹² Полевые работы провел В. И. Спришевский.

Самый ранний культурный горизонт, залегающий непосредственно на материковом лессовом грунте обреза третьей Чирчикской (Голодностепская) террасы, довольно четко выделен стратиграфически и по составу археологического материала. Он полностью принадлежит бургулюкскому культурному комплексу, занимающему полутораметровое отложение 21—23-го ярусов. Культурный слой состоит из характерных наслоений зольно-органического характера с лессовыми прослойками (рис. 25). На всей вскрытой площади расчищены остатки трех наслаивающихся друг на друга в течение долгого времени и потому плохо сохранившихся земляночных жилищ, характерный набор керамики и изделий из камня.

Наиболее четко прослеживаются контуры одной землянки неправильного полуовального очертания размером 3,15×3,8 м. Сама яма вырыта в органическом слое, дно ее неровное, с понижением к центру, покрыто тонким слоем растительного перегноя. В северной части у стенки обнаружены остатки разрушенного очага или кострища. Землянка частично сnivelирована верхними отложениями и заполнена золстым грунтом. В 21-м ярусе зафиксированы остатки еще двух землянок. Одна из них, обнаруженная на самом обрыве холма, вырыта в материковом лессе, имеет более четкий контур отвесных стенок ямы, прослеженных в высоту на 1,2 м. Сохранилась она на высоту 1,6 м при ширине 1,7 м (южная часть землянки утрачена на склоне), заполнена лессовым грунтом с включением отдельных фрагментов керамики. Пол ямы ровный, покрыт тонким слоем светло-серого растительного тлена, оставшегося, возможно, от соломенного покрытия. Яма этой землянки прорезала некоторое подобие лессового вала, обнаруженного вблизи обрыва холма. Трудно сказать, естественного он происхождения или, возможно, был когда-то искусственным сооружением, окружавшим на ранних этапах жизни земляночное поселение, затем утратил свое значение и был сnivelирован разросшимся поселком.

Вторая яма, зафиксированная в срезе стратиграфической траншеи, не расчищена, как и еще одна крупная впадина, заполненная органическим слоем и золой, уходящая под северную стенку этой траншеи. Кроме полуземляночных жилищ, выявлены ямы, возможно, хозяйственного назначения, отличающиеся меньшим (1,1—1,2 м) диаметром и заполненные серо-золстыми и зеленоватыми органическими отложениями с керамикой, предметами из камня и костями животных. Остатки землянок, ямы и сам лессовый вал нижнего горизонта перекрыты слоем темной золы и культурным отложением золисто-органического характера. Как выяснилось, в этот слой врезается дно вышележащей землянки с очагом, относящейся ко второму культурному горизонту (20—18 ярусы). Характерная структура этого культурного

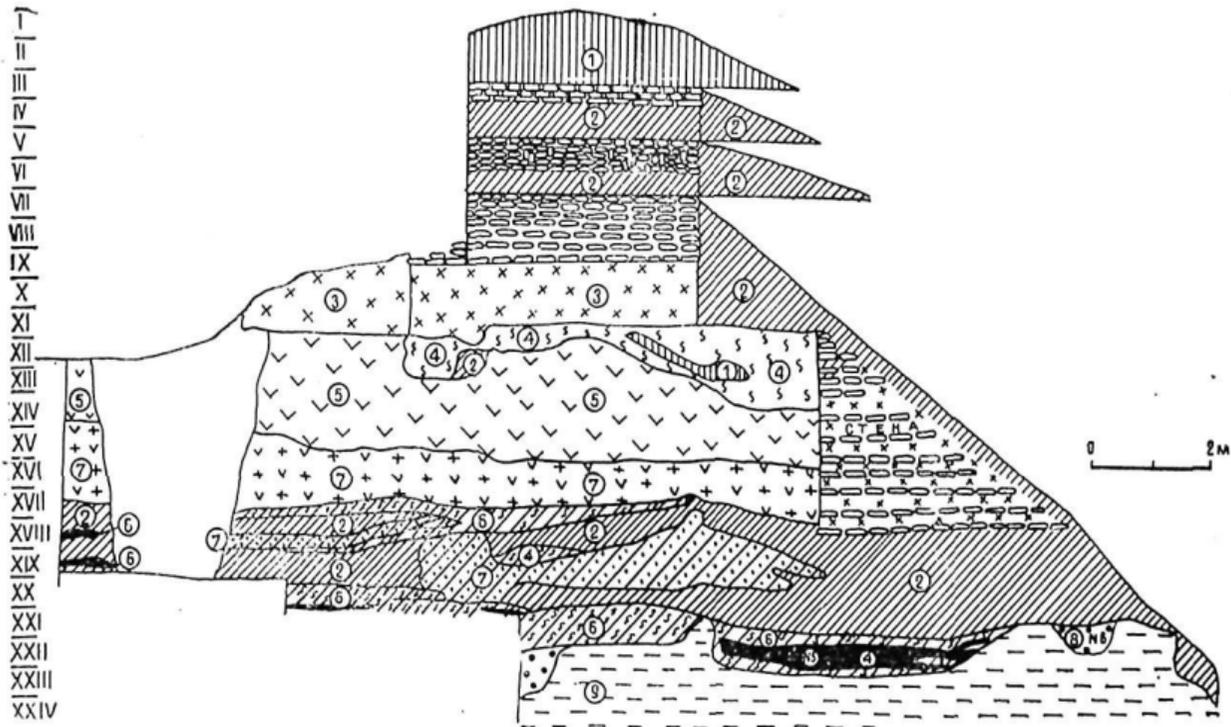

Рис. 25. Развертка двух стенок стратиграфического раскопа:

1 — оплыв; 2 — органический культурный слой; 3 — пахсовая стена; 4 — зсльник; 5 — засыпка; 6 — золистый культурный слой; 7 — лессовый слой с находками; 8 — яма в вале; 9 — материк.

слоя — чередование лессовых прослоев и органических массивов с вклинившимися в них зольными линзами. Отличается этот горизонт от нижнего и керамическим набором, в который входит ряд компонентов, позволяющих считать весь комплекс переходным от бургулюкской культуры к раннему Каунчи.

Несмотря на плохую сохранность, расчищенные в обоих горизонтах полуземляночные жилища сопоставимы по очертаниям, размерам, глубине подземной части, наличию остатков очагов с раскопанными на поселениях вдоль обоих берегов р. Ахангаран¹³. Стерильность поселений позволила раскрыть здесь несколько десятков землянок и хозяйственных ям, которые дают представление о характере жилища и хозяйственной деятельности населения Чача и могут служить надежным материалом для сравнения. По последним результатам исследований они датируются IX—VII вв. до н. э.¹⁴ Сопоставимость открытых на Шаштепа землянок с поселениями по Ахангарану составляет первый главный признак бургулюкского комплекса Шаштепа.

Возвращаясь к описанию стратиграфии памятника, следует отметить еще один существенный признак. Конец 18-го яруса является стратиграфическим разделителем нижних горизонтов от последующих, так как с этого уровня фиксируется подошва мощной стены, которую, как показали ее дальнейшие расчистки, можно отнести к типу обводного оборонительного укрепления поселения. Стена возведена на нижнем зольно-органическом культурном слое и сохранилась в высоту на 4 м (до 10-го яруса), а в ширину по подошве на 4,8 м. Полностью толщина стены не устанавливается, так как выклинивается на крутом склоне.

Основной массив стены выведен в единый этап из чередующихся рядов сырцового кирпича и пахсы (рис. 26). В кладке употреблен кирпич неустоявшихся размеров $40 \times 30 \times 9$; $50 \times 30 \times 12$; $48 \times 39 \times 10$; $45 \times 30 \times 8$; $44 \times 25 \times 9$; $46 \times 30 \times 9,5$; $50 \times 30 \times 9$; $45 \times 26 \times 8,5$ см³, переслоенный пластинами пахсы толщиной 4—10—15—20 см. Стена прослежена на 29 м в северо-восточном направлении. Судя по вскрытому участку, она кольцом охватывала поселение, занимавшее площадь центрального бугра городища и придавала ему, видимо, очертание прямоугольника с заоваленными углами (рис. 27).

На всем расчищенном отрезке отмечаются следы ремонта и пристройки. В одном месте открыт проем шириной 1,05 м с арочным перекрытием, выводивший, возможно, во внутреннее помещение или форт, значительная часть которого ныне утрачена. У прохода заметно утолщение стены за счет пристройки.

¹³ Дуке Х. Указ. соч., с. 48 и сл.; Он же. Бургулюкские объекты в долине Ахангарана.— В кн.: Древняя и средневековая культура Чача. Ташкент, 1979, с. 41 и сл.

¹⁴ Там же, с. 48.

От уровня подошвы стены в начале 18-го яруса до середины 15-го зафиксировано накопление довольно плотного слоя лессового цвета с небольшим количеством находок, под ним на полу залегал зольник толщиной 0,3 м.

Примечательно, что по характеру и составу керамической материи из этих отложений, как и из тела самой стены, примыкает к нижележащему так называемому переходному слою. Таким образом, по стратиграфическим данным, возведение обводной кольцевой стены не следует слишком отдалять от времени накопления подстилающего ее слоя.

Рис. 26. Расчистка внешней оборонительной стены Шаштепа.

Выше середины 15-го яруса до середины 11-го прослеживается лессовая забутовка средней плотности с органической прослойкой сверху. Причем оба слоя примыкают к верхушке обводной стены, подчеркивая тем, что внешняя стена функционировала длительное время и использовалась по назначению, видимо, и в пору Каунчи. Начиная с середины 11-го яруса параллельно ей была возведена пахсовая стена, сохранившаяся в высоту на

1,25 м, в результате чего вдоль внешнего фаса цитадели образовался коридор шириной 1,9 м. В последующее время и пахсовая стена, и гребень обводной были сnivelированы кладкой из сырцового кирпича размером $50 \times 30 \times 8-9$ см³, а выше нее, чередуясь, залегали две прослойки с культурными остатками и два слоя кирпичной сырцовой кладки из кирпича размером $36 \times 24 \times 10$ см, перекрытые слоем лесса почти без материала. Из-за особенностей первоначального рельефа верхние горизонты

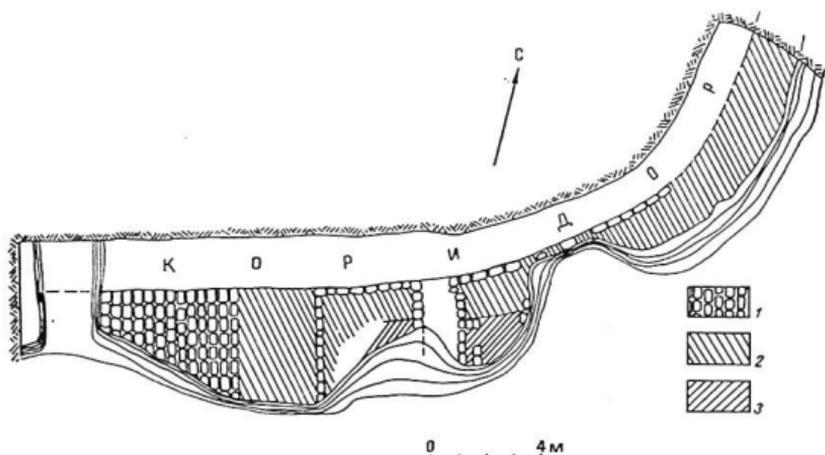

Рис. 27. План участка внешней стены древнего поселения Шаштепа:

1 — расчищенная кирпичная кладка; 2 — нерасчищенная кладка первого этапа; 3 — нерасчищенная кладка второго этапа.

вскрыты лишь на небольшом участке в северной части раскопа и частично; из-за большой насыщенности архитектурно-строительными остатками они дали незначительное количество археологического материала, судя по которому верхние горизонты и кладки можно отнести к V—VIII вв. н. э. Неизмеримо больший исторический интерес представляет изучение стратиграфии и содержимого трех глубинных горизонтов, включая первую обводную оборонительную стену поселения.

Самый распространенный материал этих горизонтов — керамика. Основную массу фрагментов составляет керамика бургулюкского типа. Она представлена чистым комплексом нижнего горизонта, господствует в среднем и преобладает в отложениях, связанных с обводной стеной и в теле самой стены (табл. 7). Вся керамика вылеплена от руки на матерчатом шаблоне ленточным способом с последующим заглаживанием. На внутренней поверхности сосудов проступают отчетливые отпечатки ткани. Посуда двух типов: грубо лепная и более тонко выделанная. Преобладают сосуды розового черепка разных оттенков с умерен-

ным добавлением белых гипсовых частиц или крупинки кварца, иногда встречается без примесей. Черепок разной степени пористости, есть и плотный. Неравномерность в степени выделки не зависит от форм и назначения. Внутри каждого типа сосудов могут быть и огрубленные с пористым тестом и выделанные более тонко. Обжиг неплохой, но неравномерный, у сосудов с более толстыми стенками в изломе двухцветный черепок. Встречены фрагменты с темно-серым или темно-коричневым в изломе

Таблица 7

Количественное соотношение типов керамики по культурным горизонтам Шаштепа

Ярус	Бургулюкская керамика					
	расписная		крашенная		без красного ангоба	
	абс.	%	абс.	%	абс.	%
XXIII—XXI	5	0,4	249	19	1077	81
XX—XVIII	3	0,2	400	24	1056	66
XVII—XV	—	—	9	4	97	58
Обводная стена	—	—	19	15	78	70,

Ярус	Серо-черная		Серо-черная с лощением		Каунчи I		Импорт	
	абс.	%	абс.	%	абс.	%	красно-лощенная с круга	с круга
XXIII—XXI	—	—	—	—	—	—	—	—
XX—XVIII	28	1,7	167	98	39	2,3	1	2
XVII—XV	5	2	16	9	51	28	3	—
Обводная стена	5	4	6	5	7	6	—	—

черепком. Обычно распространено ангобное покрытие: светло-кремовое или розовато-кремовое. Поверхность заглажена, в отдельных случаях залощена, однако чаще всего заглаживание почти не ощущается. Примерно треть сосудов, чаще всего открытых форм, составляет группа с ярко-красным покрытием, переходящим в марганец, окрашенных снаружи и изнутри. Крашенные сосуды чаще залощены до блеска.

Преобладающее количество сосудов круглодонны, формы с плоским дном единичны (рис. 28). Из всей массы керамики выделено восемь фрагментов со следами росписи или красной полосой по венчику. Роспись в виде полос, косой штриховки и, видимо, треугольников нанесена на светло-красный или кремовый

ангоб кроваво-красной краской. Некоторое дополнение к расписным фрагментам дают черепки, полученные при раскопках 1970 г.¹⁵

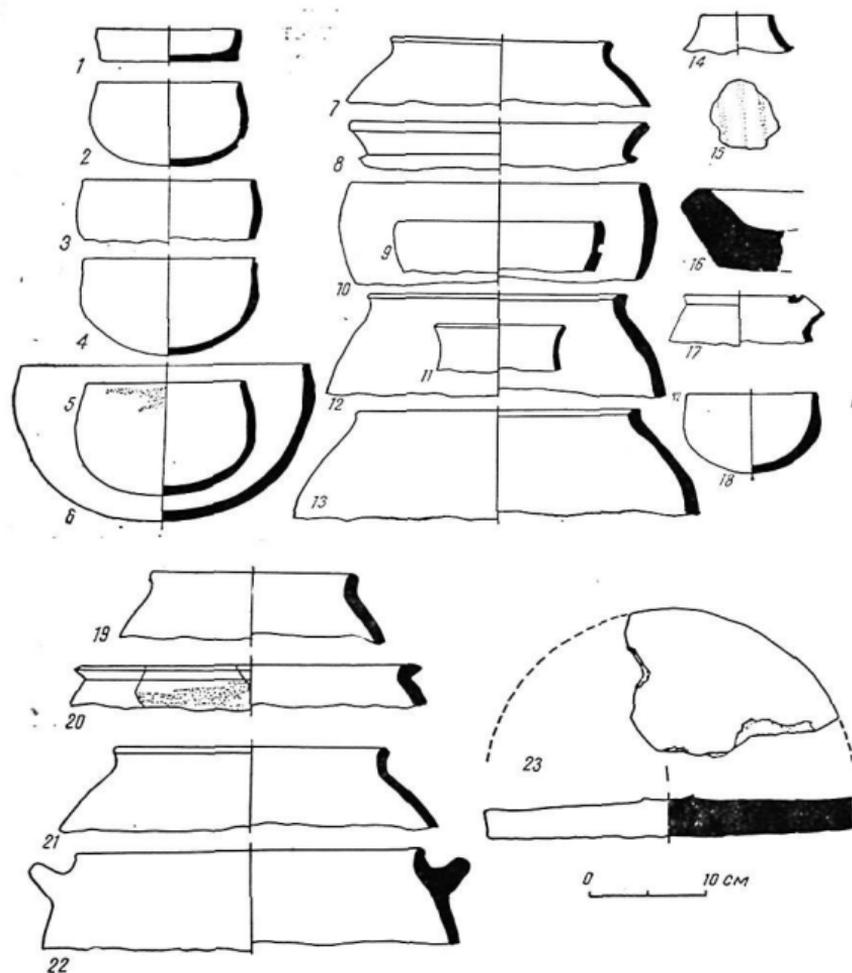

Рис. 28. Шаштепа. Керамика нижнего культурного горизонта.

На многих сосудах видны следы копоти, полученной в процессе использования. В комплексе керамики выделены следующие основные формы: крупные — корчаги, горшки, жаровни, крышки; мелкие — горшки, котлы, миски, чаши.

¹⁵ Буряков Ю. Ф., Дадабаев Г. Указ. соч., рис. 4.

Корчаги и грубые горшки сферической формы с несколько суживающимся по сравнению с объемом тулова устьем (до 20—

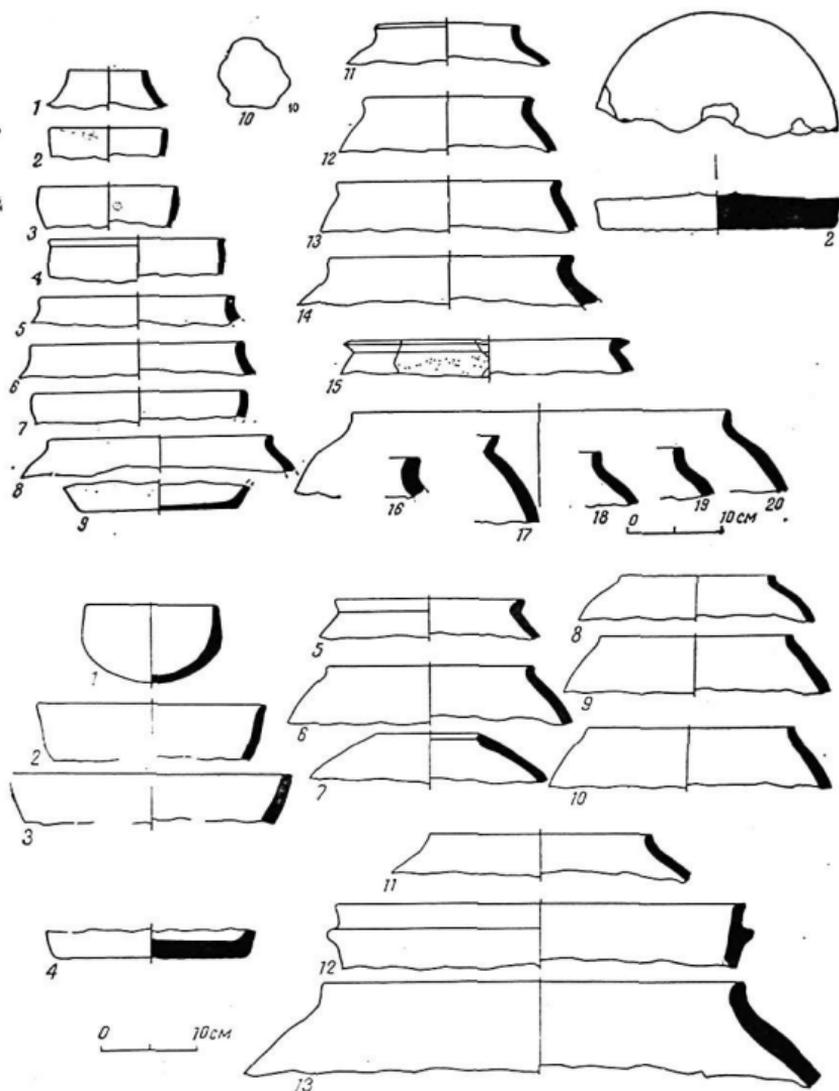

Рис. 29. Шаштепа. Керамика нижнего культурного горизонта.

35 см) обычно слабо варьируют в профилях венчиков. У них огрубленная, слегка отогнутая наружу простая закраина. Отмечены и более тонкие формы с заостренной вверх закраиной.

Котлы с диаметром устья 26—35 см более открытые, чем горшки, со слегка отогнутой закраиной и двумя небольшими

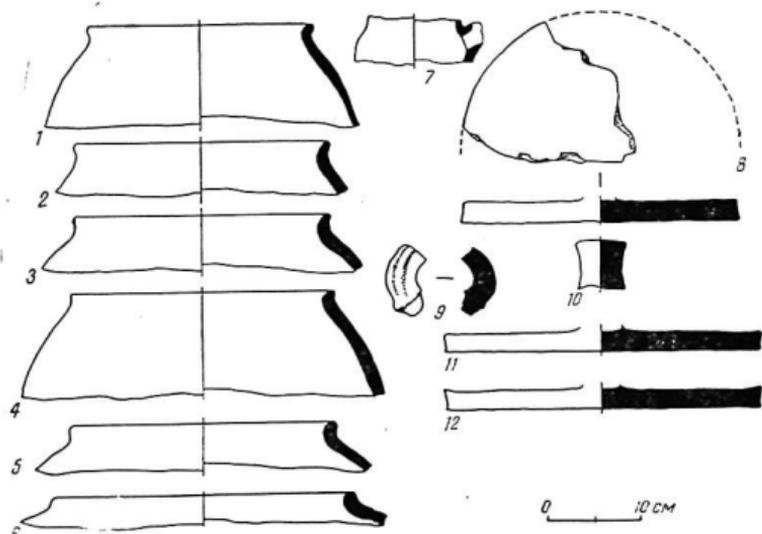
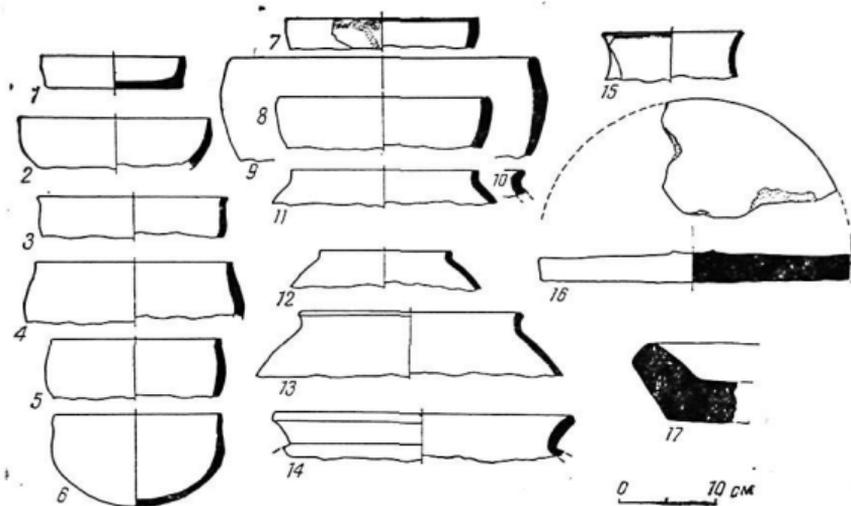

Рис. 30. Шаштепа. Керамика нижнего культурного горизонта.

ручками в виде горизонтальных коротких валиков. Выделена группа котелков с устьем 15—27 см более тонкой выделки, крашенных красной краской снаружи с переходом ее на верхнюю

часть внутренней поверхности. Под венчиком часто помещен довольно широкий слив.

Распространенным типом являются и открытые котлы или горшки с прямыми, слегка выгнутыми или расходящимися стен-

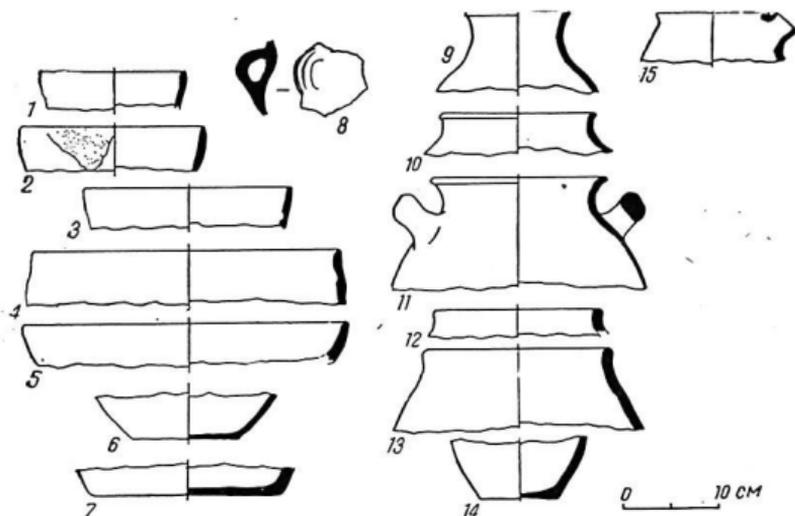

Рис. 31. Шаштепа. Керамика второго культурного горизонта.

ками. Другая характерная форма — миски и чашки 22—10 см в диаметре, с округлым очертанием стенок, плавно переходящих

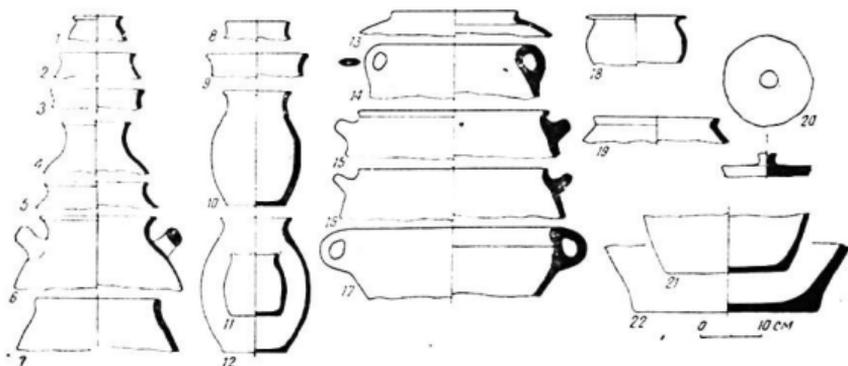

Рис. 32. Керамика переходного периода.

в закругленную или заостренную закраину. Они обычно окрашены снаружи и изнутри ярко-красной краской, заглажены или заложены (рис. 29—32).

Характерный компонент керамического комплекса — круглые

плоские крышки толщиной 1,5—2 см (диаметр 15—29 см) с заглаженной верхней поверхностью и цилиндрической формы ручками, помещенными в центре (диаметр 3—6 см).

Среди керамики отмечено несколько отбитых, круглых в сечении, изогнутых ручек (рис. 30, 9).

Как уже отмечалось, в комплексе встречено несколько фрагментов плоских донеч. Примечательны два фрагмента, возможно, от одного кувшиноподобного сосуда. Венчик от широкой, слегка расходящейся горловины темно-красного очень плотного черепка с кремово-розовым внешним покрытием, следами подправки стенок ножом, с темно-красной полосой вдоль обреза венчика и, судя по фактуре черепка, к нему относится фрагмент плоского донца со следами такой же красной штриховки (рис. 28). Оба фрагмента единичны и как-то не соответствуют характеру комплекса.

Единичны еще несколько фрагментов, найденные в комплексе нижнего горизонта. Первый — верхняя часть грубой грязно-желтой миски с резко подчеркнутым валиком под венчиком (рис. 29 б, 12). Второй — часть венчика горшочка желтоватого цвета с блестящим ангобом, клювообразно свисающим наружу венчиком и ярко-красной лощеной полосой под ним (рис. 29 а, 15). Третий — фрагмент светло-кремовой чаши с перехватом стенки (рис. 30 а, 14).

Кроме хозяйственной посуды, в комплексе нижнего горизонта отмечены и плоские жаровни из светлой глины с добавкой крупных кварцевых частиц, неглубокие, с заостренным краем. Эти изделия овального или близкого к нему очертания. От подобных предметов каунчинской поры они отличаются большой громоздкостью и массивностью. Встречен и миниатюрный сосуд — жаровня диаметром 15 см.

Помимо розовой и красной керамики, в нижнем комплексе встречено восемь невыразительных фрагментов сероглиной, причем на стенке одного круглого сосуда четко видны следы ленточного способа изготовления.

Как уже отмечалось, керамический комплекс второго культурного горизонта и третьего, связанного с ранним этапом функционирования обводной стены, состоит главным образом из сосудов, описанных выше (1056 фрагментов); однако вверх от яруса к ярусу он насыщается новыми формами как бы по принципу диффузии. Некоторые из этих форм, хоть и нарастают количественно, в пределах рассматриваемых горизонтов не становятся еще господствующими, другие же присутствуют в слое, не получив дальнейшего развития, но указывая на ряд важных событий, сопутствующих накоплению этого культурного отложения. Учитывая эти моменты, комплекс второго культурного горизонта определен как переходный.

Одной из новых форм, появившихся в 20-м ярусе, следует признать сосуды серо-черного довольно плотного черепка с мелкими белыми частицами и неровной пятнистой поверхностью: светло-коричневые, сургучного цвета пятна проступают на общей черной поверхности, заглаженной и залощенной иногда до блеска. Фрагментов этих форм во втором горизонте больше, чем каких-либо других новых (167 шт.). Они принадлежат горшкам и котлам с намеченной горловиной, простым валикообразным слегка отогнутым венчиком и плоским дном.

Фрагменты от трех таких форм обнаружены в земляночном жилище, впущенном сверху в 21-й ярус в разровненном очаге. Одна форма собралась полностью в шаровидный горшок с плоским дном и двумя горизонтальными ручками овального сечения, посаженными горизонтально под горловиной на плечики (рис. 31, 11). Сосуды этого типа обычно приземисты, с широким (19—24 см) устьем и диаметром дна 12—21 см. Часть сосудов более вытянутой формы обычно без ручек (рис. 31, 9).

В культурном отложении 20-го яруса впервые встречен другой тип серо-черной керамики, насчитывающей во всем горизонте 28 фрагментов и три археологически целых сосуда. В изломе они темно-серые, почти черные, черепок пористый с большой добавкой мелких белых крупинок типа талька. Обжиг неровный костровый, отчего поверхность покрыта желтовато-коричневыми и черными пятнами, без лощения.

Яйцевидной формы горшок и почти цилиндрическая с простым венчиком кружечка представлены целыми (рис. 33, 8, 9). У горшков обычно простая отогнутая слегка закраина, плоское дно. Возможно, у некоторых были ручки, прикреплявшиеся, судя по одному фрагменту, на плечике. Диаметры горловины и донец примерно равны. Следует отметить, что среди бургулюкской керамики эти сосуды невыгодно отличаются от нее худшим качеством выделки и обжига.

К числу новых форм горизонта относится кувшин — широкогорлый из розового теста, хорошего качества выделки от руки, с плотным черепком без примесей, ровного обжига, снаружи покрытый серовато-кремовым ангобом с бурыми потеками. Встречены фрагменты трех подобных сосудов и несколько венчиков. Горловина у них невысокая, с округлым отогнутым в виде валика венчиком и плоским дном. В третьем горизонте форма продолжает развитие с изменением профилей венчиков: более заостренный, отогнутый наружу, с подквадратным сечением, с выступом как бы для крышки. В более верхних слоях появляется профилировка венчика подчеркнутым снаружи ребром (рис. 39). Один фрагмент стенки с ручкой указывает на вхождение этого элемента. Отмечен кувшин без потеков, с розово-лиловой внутренней поверхностью, с серым наружным ангобом

и процарапанным орнаментом в виде прямых борозд, перемежающихся волнистой линией (рис. 35, 5).

В комплексе зафиксировано и появление чаш, резко отличающихся от бургулюкских. Они розового плотного черепка без добавок с кремевым внешним ангобом. Характерный признак их силуэта — перегиб стенки, либо четко обозначенный ребрышком, либо слегка намеченный и подчеркнутый двумя или тремя бороздками (рис. 39). Края простые, слегка округленные. При отсутствии нижней части можно лишь предположить плоское дно, тем более, что чаши сделаны на круге.

Определенную группу составляют сосуды типа глубоких мисок розового черепка и светлого серовато-желтого ангоба со слег-

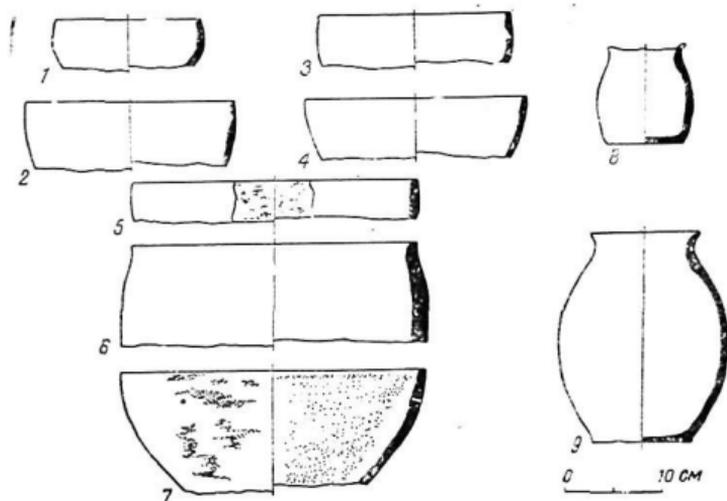

Рис. 33. Керамика второго культурного горизонта.

ка вогнутыми внутрь заостренными краями и плавным перегибом стенки. Встречен один фрагмент миски с прямыми стенками и плоским краем. Появилась форма хумчи с плавно отогнутым слегка овальным венчиком (рис. 34).

В 19-м ярусе второго горизонта обнаружен горшок с дресвой в пористом черепке сероватого покрытия с вертикальной ручкой — проушиной, захватывающей венчик. Верх сосуда закопчен. На верху ручки отсутствует характерная для Каунчи вмятина (рис. 36, 7).

В 17-м ярусе (третий культурный горизонт) впервые появилась крупная миска (диаметр до 30 см) серовато-желтого цвета с перегибом стенки и двумя кольцевыми уплощенными в сечении ручками, прикрепленными от верха венчика (рис. 37, 5). В этом же ярусе зафиксирован тонкостенный горшочек, изготовленный на

круге, темно-красного черепка с кремовым ангобом, изящно выгнутой стенкой и отогнутым широким венчиком (рис. 35, б). Здесь

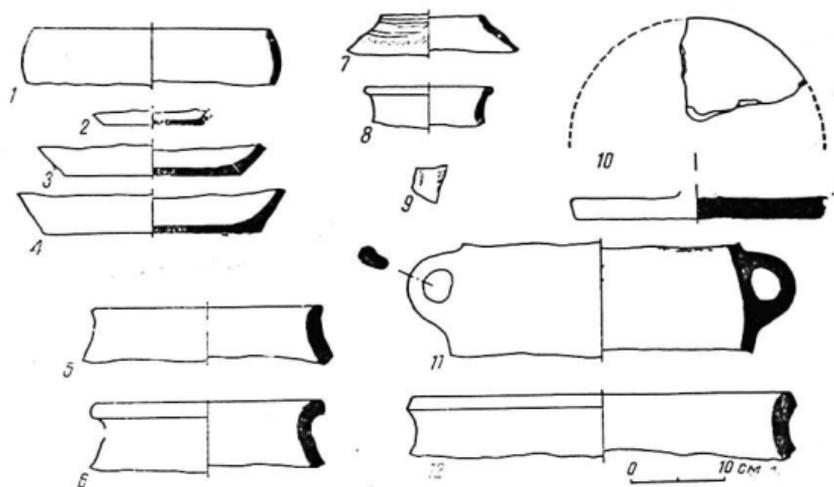

Рис. 34. Керамика второго горизонта.

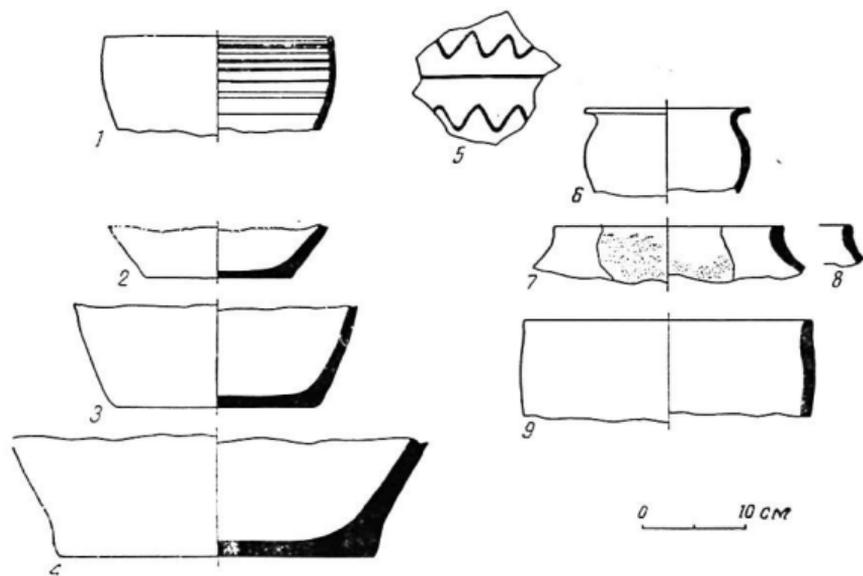

Рис. 35. Керамика второго горизонта.

же найдены фрагменты плоских донцов массивных хумов с отпечатками ткани на внешней стороне (рис. 35, 4).

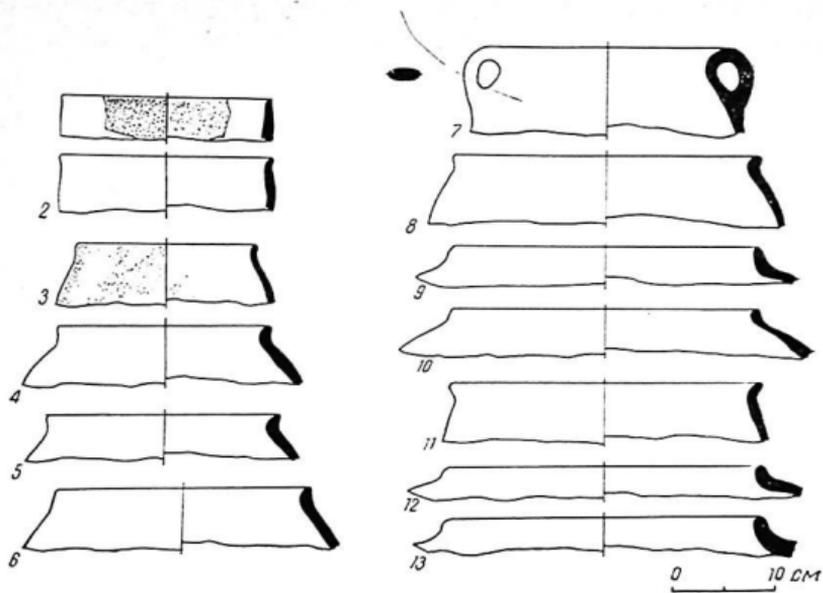

Рис. 36. Керамика второго горизонта.

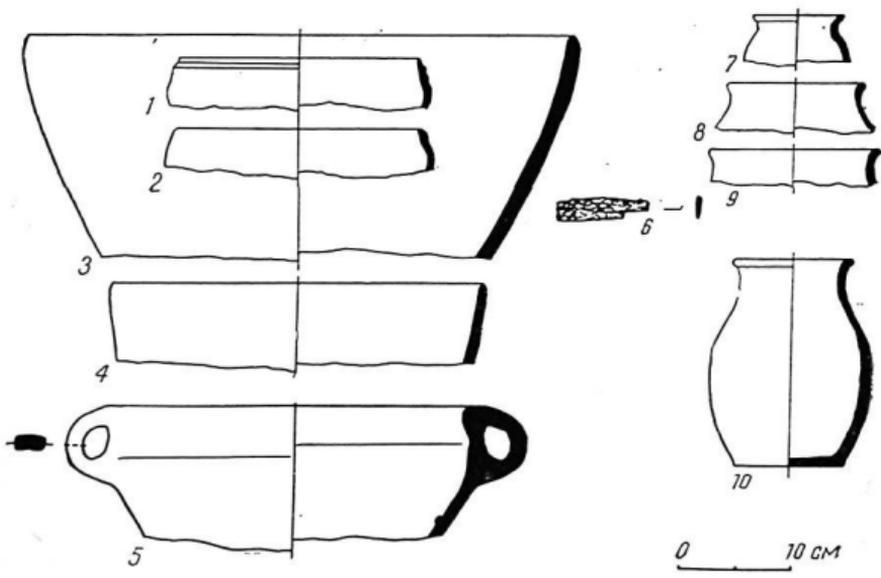

Рис. 37. Керамика третьего культурного горизонта.

Во 2-м горизонте продолжали встречаться сковороды, жаровни с беловатым ангобом, приобретшие круглую форму и не столь тяжеловесные, как бургулюкские (рис. 39, 16). Здесь же впервые встречен пятнисто обожженный трапецевидный кирпич (размером $15 \times 11 \times 7,5$ см³), относящийся к так называемым очажным подставкам. Кроме отмеченных форм, в переходном комплексе зафиксированы единичные фрагменты сосудов, которые можно считать привозными, поскольку в последующих слоях они не получили развития. Это фрагмент стенки кувшина со светло-серым ангобом и процарапанной волнистой линией, изготовленного на круге (19-й ярус). Сюда же относятся три фрагмента стенки кубка или чаши очень хорошей выделки на круге, покрытого красным ровным ангобом с лощением. Сосуд использовался вторично, так как рваная кромка заточена под бортик. Второй фрагмент красноангобированного сосуда с круга принадлежит форме чашевидного кубка (19-й ярус).

Следует отметить и фрагмент стенки сосуда с серовато-желтым ангобом, сформованного на круге (18-й ярус). В тесте видна мелкая белая примесь, в изломе черепок двухцветный из-за недообжига. Последнее обстоятельство, возможно, указывает на местное изготовление сосуда. Внутри сосуда заметна копоть; форму восстановить трудно; предположительное назначение его — курильница.

В переходном комплексе (18-й ярус) встречен фрагмент стенки сосуда пористого «бургулюкского» черепка, покрытого ровной красной краской, с ручкой со шпеньком, как бы прообразом зооморфного налеха. Особняком стоит и фрагмент лепного сосуда розового плотного черепка с орнаментом в виде широкой полосы, оставленной гребенчатым штампом, и линии мелких вдавленных точек под ней (как бы сделанных чакычем) (рис. 34, 7).

Кроме керамики, второй характерный признак всех выделенных горизонтов — многочисленные изделия из камня. Это прежде всего большое количество ладьевидных зернотерок из крупнозернистого камня, набор продолговатых форм пестов и терок, крупных терочников с сильно сношенными рабочими краями (рис. 38). Все изделия использовались в хозяйстве в качестве орудий труда. Обнаружен и культовый объект, выточенный из камня, — изображение фаллоса (рис. 38, 4). Изделий из металла очень мало. Кроме невыразительных обломков бронзовых изделий (уплощенные и круглые стерженьки), попадалось и железо. В 20-м ярусе найдена железная пластинка длиной 6 см, в 17-м ярусе — железный ножичек с коротким черешком, треугольным сечением лезвия и горбатой спинкой (рис. 37, 6).

Мы специально подробно останавливались на характеристике керамики второго горизонта из-за переходного характера его изделий, так как каждый учтенный признак проливает свет на осо-

бенности формирования как последующего комплекса, так и культуры Каунчи в целом. Отметив последовательность стратиграфического залегания всех культурных горизонтов и отсутствие какого-либо резкого отграничения их друг от друга или периода запустения, позволяющего предположить хронологические разрывы между комплексами, перейдем к их рассмотрению и анализу.

Выше отмечено единство и целостность керамического комплекса нижнего культурного горизонта. По всем морфологическим признакам весь характерный набор форм, включая сероглиняные и отдельные фрагменты плоскодонных сосудов, относится к бургулюкскому типу. Однако здесь следует подробнее рассмотреть вопрос хронологии и периодизации бургулюкской

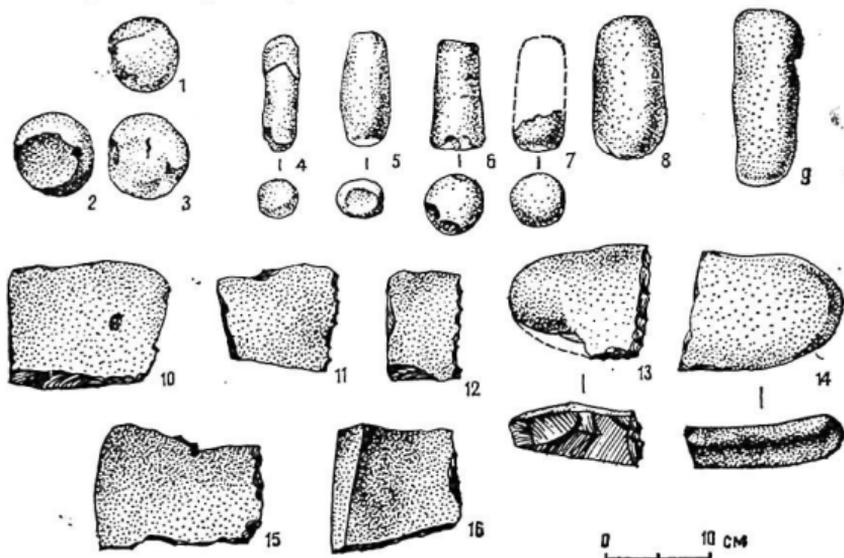

Рис. 38. Шаштепа. Камень.

культуры. Она была открыта А. И. Тереножкиным на трассе Ташкентского канала, в протоке Бургулюк, в форме земляночных жилищ, керамики и отдельных предметов¹⁶. Изучить памятники этой культуры стратиграфически первооткрыватель не мог, тем не менее он разделил ее на два этапа. К первому он отнес лишь отдельные случайные бронзовые изделия, ко второму — основной комплекс с лепной круглодонной керамикой, землянками, хозяйственными каменными изделиями и датировал всю культуру VI—IV вв. до н. э.¹⁷

¹⁶ Тереножкин А. И. Указ. соч.

¹⁷ Тереножкин А. И. Согд и Чач.— КСИИМК, XXXIII, 1950, с. 153—155.

Основываясь на несомненных аналогиях, мы могли бы сопоставить комплекс нижнего горизонта Шаштепа со вторым этапом бургулюкской культуры по А. И. Тереножкину, однако исследователи ее отмечают как характерный признак отсутствие железных изделий¹⁸. Опираясь на этот признак и другие данные, Х. Дуке передатировал культуру, выявив ее несомненное генетическое родство с другими культурами расписной керамики эпохи поздней бронзы Средней Азии и отнес ее к IX—VII вв. до н. э.

На Шаштепа, хотя и в невыразительных фрагментах, присутствие железа в нижнем комплексе установлено. При определении хронологии этого комплекса следует учитывать, что Шаштепа — первый многослойный памятник с четкой стратиграфией, дающей картину непрерывного перерастания бургулюкского комплекса в последующий.

Кроме того, специалисты по культурам бронзы, видимо, найдут некоторые мелкие морфологические признаки отличия керамики нижнего комплекса от классического бургулюкского. Мы отметим лишь ряд указанных выше, выпадающих из него фрагментов. Ближайшие аналогии они находят в керамике Ферганы, городища Шурабашат, датированного V—I вв. до н. э.¹⁹ Распространенную черту росписи этой керамики — полосчатую штриховку и оттяжку красной полосой края горловин — мы находим в описанном выше венчике кувшина, раструбообразным очертанием профиля также схожего с шурабашатским, и стенке с росписью²⁰. Аналогии в Шурабашате находят также чаша с перегибом стенки и вертикальные круглого сечения ручки²¹. Указанные отличия уже позволяют отнести нижний горизонт Шаштепа не к классическому комплексу Бургулюка — первому этапу, а к завершающей стадии развития культуры.

Таким образом, стратиграфия Шаштепа, по нашему мнению, дает возможность разделить всю культуру по крайней мере на два этапа; подтверждая возможную датировку первого — IX—VII вв. до н. э., она становится основой для выделения второго этапа и фиксирует верхнюю временную границу бытования всей бургулюкской культуры. По материалам Шаштепа этот завершающий ее этап можно датировать VI—IV вв. до н. э. Заканчивая характеристику нижнего культурного комплекса и завершающего этапа бургулюкской культуры на Шаштепа, нельзя не отметить еще один факт. Примечательно нахождение непосред-

¹⁸ Дуке Х. Бургулюкская культура, с. 87.

¹⁹ Заднепровский Ю. А. Древнеземледельческая культура Ферганы. М.—Л., 1962, с. 169.

²⁰ Там же, табл. XLVII, 21, 22.

²¹ Там же, табл. L, LXIII, 18, 21; Он же. Археологические памятники южных районов Ошской области. Фрунзе, 1960, рис. 8, 2, 3.

ственно на материке, на поверхности лессового вала, трех фрагментов сосудов, резко отличающихся от бургулюкской керамики, среди которой они обнаружены. Все они принадлежат трем разным сосудам, вылепленным от руки. Первый в изломе черного цвета с небольшим количеством светлых добавок, довольно плотного черепка, снаружи был, видимо, серовато-розовый с темно-серыми и черными пятнами. На внешнюю поверхность очень мелким гребенчатым штампом нанесен врезанный орнамент. Трудно выявить характер узоров, можно говорить лишь об интенсивности заполнения орнаментом стенки сосуда. Угадываются зигзаги и косые насечки. Поверх орнамента стенка слегка местами залощена. Второй фрагмент принадлежал сосуду грязно-желтого цвета, равномерного в изломе и по поверхности. В тесте также присутствует незначительное количество белых включений. Орнамент в виде равномерно расположенных ногтевых вдавлений. Третий фрагмент красно-кирпичного цвета со слегка залощенной поверхностью и следами орнамента, выдавленного плоско-линейным штампом.

Все фрагменты принадлежат сосудам культуры степной бронзы. Памятники андроновско-тазабагыябского круга этой культуры выявлены в разное время и на территории Ташкентского оазиса, и самого города Ташкента в виде стоянок, могильников и отдельных находок на территории области. Это целый ряд пунктов обнаружения бронзовых, керамических изделий и небольших комплексов по трассе Ташкентского канала²², стоянка в зоне Туябугузского водохранилища²³, находки керамики в погребениях на берегах р. Чирчик, Ахангаран и близ Тойтепа²⁴.

На территории собственно города Ташкента первая находка плоскодонного горшка, украшенного зубчатым штампованным орнаментом, отмечена на курганном могильнике «никифоровских земель»²⁵. Затем на могильнике Чильдухтарантепа расчищено три погребения в грунтовых ямах, в которых нашли неорнаментированную плоскодонную керамику, бусы и бронзовые украшения.

Кратковременная развеянная стоянка скотоводов обнаружена близ протока Каракамыш. На ней собрана керамика, сформованная от руки, плоскодонная, орнаментированная крупным зубча-

---

²² Тереножкин А. И. Древнейшие земледельцы Ташкентского оазиса.— В кн.: Древняя и средневековая культура Чача. Ташкент, 1979, с. 10—16.

²³ Дуке Х. Новая стоянка эпохи бронзы в Ташкентской области.— ИМКУ, вып. 15, 1979, с. 44.

²⁴ Оболдуева Т. Г. Погребальные курганы эпохи бронзы в Ташкентской области.— КСИИМК, ХХІХ. 1955; Алимов К., Бурыков Ю., Дуке Х. Археологические открытия в СССР 1975 г., 1976, с. 524.

²⁵ Збруева А. В. Древние культурные связи Средней Азии и Приуралья.— ВДИ, 1946, № 3, с. 186.

тым штампом²⁶. Все эти материалы датируются серединой и второй половиной II тысячелетия до н. э. и свидетельствуют о том, что в эпоху поздней бронзы территорию Ташкента часто посещали кочевники, которые устраивали здесь стоянки и могильники.

Единичные фрагменты керамики из нижнего слоя Шаштепа заметно отличаются от выявленных на территории Ташкента и области материалов тазабэгьябско-андроновской культуры, прежде всего типом орнаментации. И в материалах каракамышской стоянки, и в курганном могильнике «никифоровских земель», и в Ахангаранских стоянках и находках, относящихся к эпохе поздней бронзы, преобладает керамика, орнаментированная гладким (редко) и крупнозубчатым (часто) штампами; для нее не характерен орнамент в виде ногтевых вдавлений. Фрагменты же из Шаштепа демонстрируют эту технику и применение мелкозубчатого штампа. Очевидно, эти фрагменты относятся к иному хронологическому периоду культур андроновского круга и не могли попасть сюда из известных памятников на территории Ташкента.

При ближайшем рассмотрении фрагментов с Шаштепа выявляется близкая аналогия им в материалах бегазы-дандыбаевской культуры Казахстана, относящейся к завершающему этапу андроновской культуры и датированной большинством исследователей XIII—X вв. до н. э.²⁷ Применение мелкогребенчатого и гладкого штампа в сочетании с ногтевыми вдавлениями — характерная черта орнаментики сосудов этой культуры, как и лощение поверх орнамента²⁸. Сходство прослеживается не только в технике нанесения орнамента, но и в способе выделки, характере черепка с примесью белых включений и неравномерном обжиге, в результате чего поверхность сосудов зачастую покрыта желтовато-оранжевыми и черно-серыми пятнами²⁹. Большинство исследователей признает местное сложение бегазы-дандыбаевской культуры в Казахстане как результат развития здесь андроновской культуры и относит ее к пастушеско-скотоводческому типу, включающему, возможно, и занятия ее носителей земледелием.

Небольшое количество находок с Шаштепа не позволяет делать далеко идущих выводов, однако является несомненным и впервые обнаруженным признаком присутствия на территории Ташкентского региона культуры типа Бегазы-дандыбая. Можно

---

²⁶ Рахимов С. Стоянка эпохи бронзы Серкали.— ОНУ, 1970, № 6, с. 41—42.

²⁷ Маргулан А. Х. Бегазы-дандыбаевская культура.— В кн.: Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1966, с. 163.

²⁸ Грязнов М. П. Памятники карасукского этапа в Центральном Казахстане.— СА, XVI, 1952, с. 151.

²⁹ Там же, с. 136—139, 150, рис. 5, 12, 18.

предположить, что здесь она не только сосуществовала с бургулюкской культурой, но и была в какой-то мере ее непосредственной предшественницей, а возможно, и субстратом формирования. Последнее вполне вероятно, если учесть пастушеско-земледельческий характер культуры Бегазы-дандыбая, в могильниках которой в остатках заупокойной пищи встречены кости овцы и лошади, а в стаде бургулюкцев Шаштепа при наличии крупного рогатого скота все еще преобладали овцы.

Присутствие описанных выше фрагментов керамики в бургулюкском комплексе Шаштепа, возможно, свидетельствует о наличии где-то в ближайших окрестностях стоянки типа Бегазы-дандыбаевской культуры. Единичность находок, кроме других стратиграфических признаков, заставляет пока воздерживаться от углубления нижней границы бургулюкского комплекса Шаштепа, хотя с повестки дня этот вопрос не снимается.

Рассмотрим материалы второго культурного горизонта Шаштепа. Преобладающая в слое бургулюкская керамика почти ничем не отличается от нижнего горизонта, кроме появления отдельных сосудов нового типа.

Первые из нового типа — серо-черные котлы с ручками и приземистые горшки с лошеной поверхностью. Трудно сказать, находили ли их на других памятниках Ташкентского оазиса, так как в публикациях материалов они не указаны. Несколько фрагментов этого типа и один археологически целый сосуд из раскопок Г. В. Григорьева на Каунчитепа переданы в коллекцию керамики Самаркандского музея. Однако неизвестно, в каких слоях она обнаружена. Видимо, об этом же типе керамики пишет Л. М. Левина, ссылаясь на материалы Г. В. Григорьева с городища Каунчитепа, найденной на полу одной из землянок. Аналогичная керамика обнаружена на городище Актобе 2 в обоих строительных периодах, правда в незначительном количестве³⁰.

Поскольку на городище Каунчитепа отмечен слой с материалом бургулюкского типа, не исключено, что часть черно-серой керамики с белыми включениями (толченые раковины) в тесте, хранящаяся сейчас в фондах Самаркандского музея, была обнаружена вместе с ней в слое переходного типа. О наличии подобного слоя на городище пишут последующие исследователи³¹. Это тем более вероятно, что на внутренней части двух фрагментов стенок керамики из музея видны отпечатки ткани, свидетельствующие о сходной с бургулюкской технике выработки посуды.

Наличие этих сосудов в одном слое с бургулюкскими на Каунчитепа как будто подтверждается обнаружением единичных

³⁰ Левина Л. М. Керамика нижней и средней Сырдарьи в I тысячелетии н. э. М., 1971, с. 96.

³¹ Бурыков Ю. Ф., Дадабаев Г. Указ. соч., с. 48.

фрагментов в шурфе цитадели в 1979 г.³² На данном этапе исследования трудно определить происхождение этой черно-серой керамики с лощением, поскольку она не находит аналогий в других синхронных или более ранних памятниках Средней Азии. Некоторое отдаленное сходство прослеживается с типом так называемой чернолощеной керамики из памятников шурабашатского типа Ферганы, правда, последняя часто бывает украшена процарапанным орнаментом³³. Хотя мы не установили происхождение этой керамики, тем не менее, можем по ташкентским материалам проследить ее дальнейшее развитие и эволюцию форм в комплексе Каунчи. Она присутствует во всех ярусах переходного слоя Шаштепа и в перекрывающих его отложениях, в которых котлы несколько трансформировались: при сохранившейся выраженности горловины и простом венчике ручки стали более уплощенными в сечении и приобрели очертания мыска (рис. 39, 9, 11—13). У вытянутых горшков большую профилировку приобрела отогнутая закраина. Возможно, форма имеет местное происхождение.

Другая разновидность серо-черной керамики — горшки с белыми примесями в более пористой черепке плохого кострового обжига, с заглаженной поверхностью, присутствующие в переходном комплексе, — проявляет близкое сходство в формах и технологии с подобными формами из захоронений могильника, принадлежащего особо выделенной культуре в долине протока Жанадарьи (Сырдарьинская дельта), датированной IV—II вв. до н. э.³⁴, определенными формами керамики Чирик-рабада в Хорезме IV—III вв. до н. э.³⁵, которые сами исследователи сопоставляют с сарматскими. Некоторое сходство в формах наблюдается в керамике Тасмолинской культуры Центрального Казахстана V—III вв. до н. э.³⁶ Явные параллели можно провести с сосудами из могильников Прохоровской культуры сармат Приуралья³⁷ и Поволжья³⁸ IV—II вв. до н. э.

Керамика захоронений Увакского и Мечетсайского могильников схожа по целому ряду признаков: яйцевидная форма со слегка оттянутой горловиной; рыхловатое тесто с примесью шамота и дресвы и особенно талька, мергеля или ракушек; костровый обжиг, придавший поверхности светло-коричневую или серую

³² Материалы получены Е. Усовой.

³³ Заднепровский Ю. А. Указ. соч., рис. 28.

³⁴ По устному сообщению Л. М. Левиной и Б. И. Вайнберг.

³⁵ Толстов С. П. По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962, с. 152.

³⁶ Маргулан А. Х., Анишев К. А. и др. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1966, рис. 61.

³⁷ Смирнов К. Ф. Сарматы на Илеке. М., 1975, рис. 23, 11, 28, 7, 33, 6.

³⁸ Мошкова М. Г. Памятники Прохоровской культуры. — САИД, 1—10, 1963, табл. 7.

окраску с черными пятнами; черный излом черепка; заглаженность поверхности, иногда с лощением. Следует также упомя-

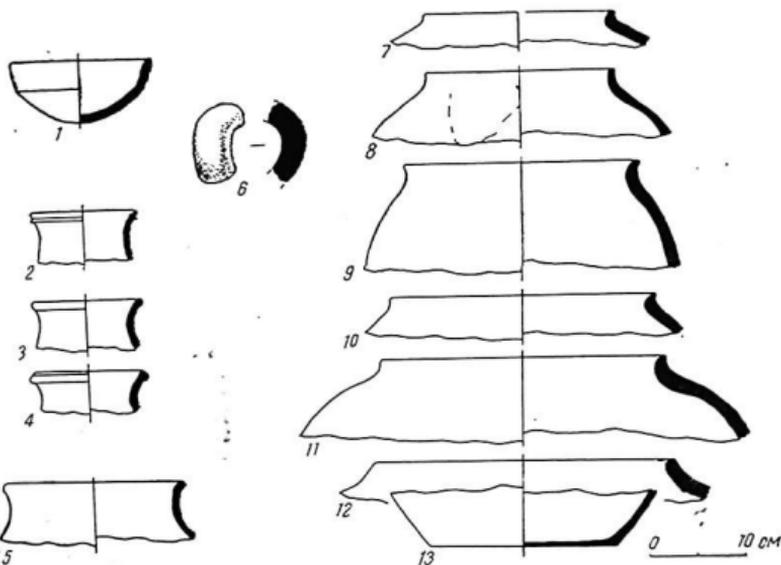
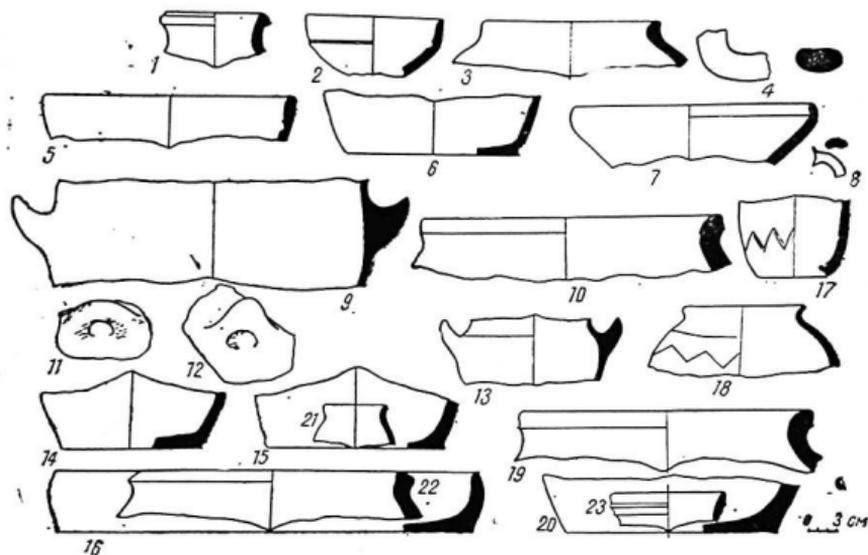

Рис. 39. Керамика третьего культурного горизонта.

нуть распространенную форму железного ножа с горбатой спинкой, идентичного шаштепинскому, являющегося одним из ранних

примеров находки ножей такого типа в Средней Азии и распространенного здесь в более позднее время³⁹.

Как отмечалось, в комплексе присутствуют фрагменты импортной керамики. Красноангобированная лощеная прекрасной выделки посуда с круга быстрого вращения, обломки которой нашли здесь, могла быть привезена из раннеантичного Согда⁴⁰. Обломок стенки круговой красноангобированной чаши с загнутым внутрь бортиком (со стершимся ангобом) может происходить из Ферганы, где эта форма была распространена в первых веках до нашей эры⁴¹. Того же происхождения и времени может быть фрагмент стенки крашеного сосуда с увенчанной шпилькой ручкой⁴². Подобное завершение ручки известно и в джеты-асарской культуре южной Сырдарьи, где характерным цветом покрытия сосудов тоже был красный⁴³.

Таким образом, учитывая количественное соотношение бургулюкской керамики в слое (1056 фрагментов) и форм предкаунчи (39 фрагментов), все перечисленные признаки и аналогии, а также стратиграфию залегания, переходный комплекс Шаштепа можно датировать III — началом II в. до н. э. Смешанный характер комплекса свидетельствует, во-первых, о несомненных культурных проникновениях в Ташкентский оазис в довольно бурный в политическом отношении период, основным содержанием которого стало начало больших передвижений и миграций племен через районы нижней и средней Сырдарьи на юг, в глубинные оазисы Средней Азии. Несомненно, на противоречивом на первый взгляд составе комплекса сказалось столкновение нескольких культурных влияний. Во-вторых, это явление, видимо, фиксирует обстоятельства и самый начальный этап формирования новой культуры, которая на основе местной автохтонной бургулюкской, но с участием некоторых привнесенных компонентов оформилась в итоге в качественно новое явление — каунчинский культурный комплекс.

Основные факторы влияния — связи с Ферганой, нижней Сырдарьей, культурой усуней, культурой сарматского круга и еще один компонент неустановленного происхождения, возможно, уже местного.

Особо примечательным нам кажется присутствие в комплексе сосудов сарматоидного типа, видимо, отражающее не столько культурные связи и проникновение элементов культуры сарматов, сколько прямое присутствие этнических групп, носителей этой

³⁹ Смирнов К. Ф. Указ. соч., с. 65, 89, 165.

⁴⁰ Шишкина Г. В. Керамика конца IV—II вв. до н. э. (Афрасиаб).— В сб.: Афрасиаб, вып. III. Ташкент, 1974, с. 44.

⁴¹ Заднепровский Ю. А. Указ. соч., табл. L.

⁴² Там же, табл. LIX, 9—11.

⁴³ Левина Л. М. Указ. соч., с. 16, рис. 3, 27.

культуры в Ташкентском оазисе. Оно, может быть, было не определяющим, но равноправным фактором в формировании в нем каунчинского комплекса. Субстратом его формирования, по нашему мнению, стали все-таки местные сакские культуры, прежде всего оседлая бургулюкская, испытавшие подобные влияния. Устремление сармат в Среднюю Азию, пришедшее на смену отношениям торговли и обмена, отмечает на материалах культур Южного Урала К. Ф. Смирнов со II в. до н. э.⁴⁴ Влияние сарматского элемента на формирование среднеазиатских культур каунчинского круга по набору признаков устанавливает Б. А. Литвинский для времени с начала нашей эры и позднее⁴⁵, причем ретранслятором его он считает государство Кангюй, объединившее под одной сильной политической властью пестрый конгломерат племен и кочевников и жителей контактных со степью оседлых районов.

Ташкентский оазис является таким контактным регионом, но по материалам Шаштепа можно говорить о начале проникновения сюда кочевых элементов, в частности носителей культур сарматского круга несколько раньше II в. до н. э., очевидно, уже с начала III в. до н. э. И это не случайно, так как передвижение народов, в которое были втянуты многие племена, началось задолго до II в. до н. э. Вторжения в Скифию сарматы начали в III в. до н. э.⁴⁶ В массовом масштабе их передвижения отмечались по западную сторону Каспийского моря. Они переходили к оседлому образу жизни в благоприятных для этого условиях и там, где поселения местных племен уже существовали.

Видимо, нечто подобное имело место и в юго-восточном направлении. Часть пришельцев осела в Ташкентском оазисе, постепенно приспособившись к местному земледельческому населению бургулюкцев, чья культура была выше. В последующих отложениях Шаштепа полностью изживаются описанные выше формы черно-серой керамики, зато все более увеличивается набор признаков будущей каунчинской культуры.

Комплект основных форм керамики, которые при дальнейшем развитии стали определяющим характерным признаком культуры Каунчи, можно назвать уже по материалам второго и третьего культурного горизонта Шаштепа. Это керамика розового и красноватого плотного черепка с беловато-кремовым и сероватым ангобом, в основном вылепленная от руки, но с небольшим процентом круговой. Из разнообразя обломков кувшинов в слое можно выделить форму широкогорлого кувшина с невысокой шейкой, вариантами простого отогнутого венчика, с ручкой в верхней час-

⁴⁴ Смирнов К. Ф. Савроматы. М., 1964, с. 288.

⁴⁵ Литвинский Б. А. Сармато-кангюйский фарн. Душанбе, 1968, с. 64.

⁴⁶ Смирнов К. Ф. О начале проникновения сарматов в Скифию. Проблемы скифской археологии. М., 1971, с. 196.

ти плечика, с непропорционально широким по сравнению с горлом устойчивым дном, украшенным потеками красновато-бурой краски и процарапанным орнаментом в виде прямых и волнистых полос.

Другим определившим в будущем комплекс типом сосудов следует назвать чаши с наметившимся перегибом стенок и округлым вертикальным венчиком, чаши с загнутым внутрь венчиком и крупные миски с перегибом стенки и кольцевой ручкой под венчиком. Следующая форма — груболепной с шамотом в тесте горшок с ручкой-проушиной, в которую переходит закраина, черно-серый котел с двумя горизонтальными ручками на плечах. В этой же керамике выделяется форма хумчи из светло-розовой глины с вариантами простого отогнутого венчика и хума на плоском дне со следами подкладки из ткани, сковорода-жаровня, появляется плоская крышка с петельной ручкой, украшенная вдавлениями (рис. 40).

Примечательно, что многие переходные формы, некоторые из которых сопоставимы с шаштепинскими, выделены в двух шурфах на Каунчитепа из слоя, также трактованного как переходный, но датированного иначе⁴⁷: это одноручный кувшин с потеками, фрагмент фляги и др.

Из форм, дополняющих каунчинский комплекс, в переходном слое Шаштепа отсутствуют кружки и очажная подставка зооморфного типа⁴⁸. Отсутствие не только сосудов с зооморфными налестками, но и кружек и характерных бараньих подставок примечательно и составляет существенное качественное отличие третьего культурного горизонта Шаштепа от Каунчи. Мы не случайно подчеркиваем качественное, ибо как показывает наблюдение и исследование каунчинских материалов, предложенное Г. В. Григорьевым разделение Каунчи на две ступени предполагает именно такое отличие. Возможно, прав А. И. Тереножкин, предполагающий, что стадии Каунчи I как части классического каунчинского комплекса не существует вообще, но была ступень, которую можно назвать Каунчи I, определявшаяся качественным своеобразием, долгое время не ясным⁴⁹. По нашему мнению, материалы Шаштепа и из шурфов Каунчитепа в какой-то степени наполняют вещественным содержанием ступень, предшествующую классическому Каунчи, с определением времени формирования которого (начало нашей эры), сделанным некоторыми исследователями, в частности А. И. Тереножкиным и Б. А. Литвинским, можно согласиться⁵⁰.

⁴⁷ Буряков Ю. Ф., Дадабаев Г. Указ. соч., с. 48, 49.

⁴⁸ Набор керамики ступени Каунчи I. См.: Левина Л. М. Указ. соч., рис. 59.

⁴⁹ Тереножкин А. И. Материалы бургулюкской и каунчинской культур в зоне Ташкентского канала.— В кн.: Древняя и средневековая культура Чача, с. 24.

⁵⁰ Литвинский Б. А. Сармато-кангуйский фарн, с. 71.

Стадию Каунчи I, которую частично характеризует комплекс третьего культурного горизонта Шаштепа, следует считать завершающим этапом переходного периода от бургулюкского комплекса к культуре Каунчи и датировать II—I вв. до н. э. Безусловно, такая интерпретация периодизации Каунчи далека от пол-

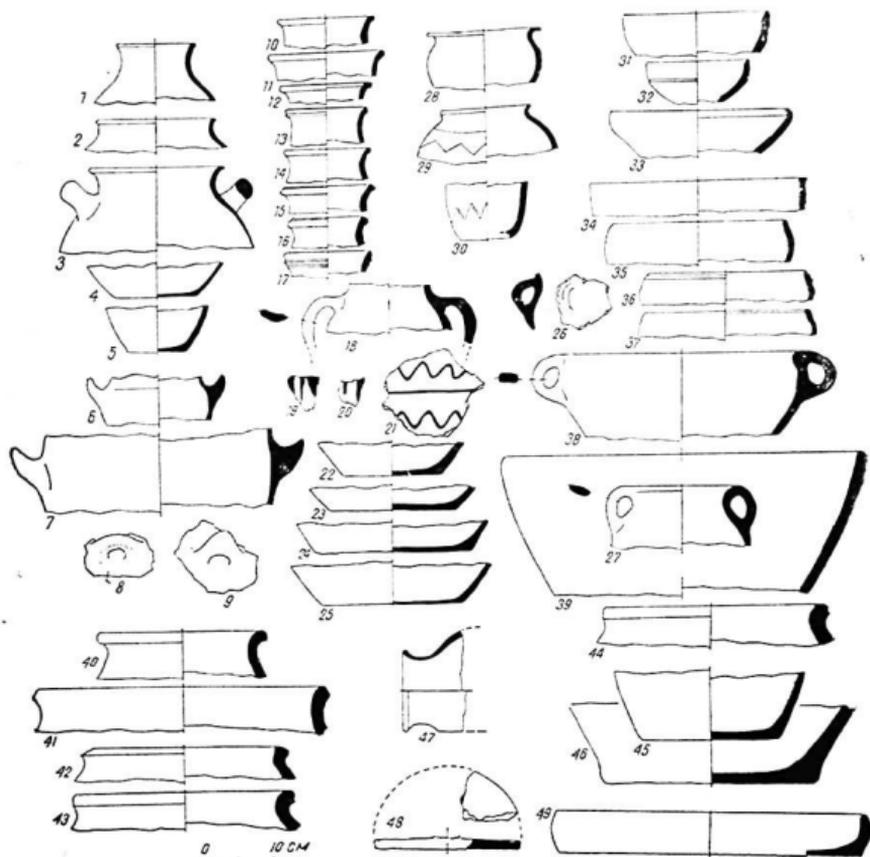

Рис. 40. Керамика комплекса Каунчи I.

ного утверждения. При дальнейшем количественном накоплении материалов и изучении стратиграфии памятников, возможно, будут добыты новые, обосновывающие ее данные.

Как уже упоминалось, материалы верхних отложений в раскопе цитадели Шаштепа не дали достаточных данных для полного рассмотрения дальнейшего развития культуры, что пока с большим успехом возможно на других памятниках Ташкента. Изученная свита отложений Шаштепа с отмеченными особеннос-

тами, в частности выявление завершающей стадии бургулюкской культуры и отложений переходной к Каунчи, позволяет предложить следующую периодизацию развития оседлоземледельческой культуры на территории Ташкента на ранних этапах, взяв за основу культурный комплекс.

1. Шаштепа I (VI—IV вв. до н. э.) — завершающий период развития бургулюкской культуры в Ташкентском оазисе.

2. Шаштепа II (III — начало II в. до н. э.) — первый этап переходного периода, суть которого в перерастании бургулюкской культуры под влиянием привнесенных черт других культур в культуру Каунчи. Это период предкаунчи.

3. Шаштепа III (II—I вв. до н. э.) — второй этап переходного периода, тождественный стадии Каунчи I и характеризующийся накоплением признаков, предвосхищающих появление качественного нового комплекса — Каунчи II.

Итак, комплекс Шаштепа I включает руины и остатки материальной культуры поселения оседлых земледельцев — носителей бургулюкской культуры, которые примерно с VI в. до н. э. (если не раньше) освоили проток Джун для примитивного земледелия. Оно является пока самым северным пунктом расселения бургулюкцев, первым и пока единственным древнейшим оседлоземледельческим поселением, обнаруженным на территории «большого Ташкента».

Как и поселения бургулюкцев раннего этапа, шаштепинский поселок был земляночного или, вернее, полуземляночного типа, когда легкую кровлю над погруженной в землю частью жилища поддерживали легкие опоры. Надстройки с применением пахсы или кирпича, видимо, применялись в очень ограниченном количестве, судя по характеру культурных слоев с явным преобладанием зольно-органического состава и незначительного вкрапления лессовых массивов. Скопление землянок, вероятно, имело некое подобие ограждения в виде остатков упомянутого земляного вала, вскоре поглощенного разросшимся поселком.

На современной стадии изучения вопрос о земледельческой направленности развития хозяйства бургулюкцев не вызывает сомнения. На шаштепинском поселении также собрано большое число зернотерок разных размеров, терочников и пестов, употреблявшихся при обработке зерновых сельскохозяйственных культур, обнаружены хозяйственные ямы, которые исследователи бургулюкской культуры относят к типу хранилищ продуктов земледелия. Жители поселения занимались и разведением скота. По наличию костных остатков в слоях можно судить о разведении овец, коз, свиней, коров, лошадей, ослов и верблюдов. Наряду с преобладанием костей мелкого рогатого скота значительны остатки крупного. Подобный состав с преобладанием овец и лошадей характерен и для поселений чустской культуры Ферга-

ны⁵¹, и для хозяйства усуньских племен⁵². Такой состав стада свидетельствует о том, что при прочной оседлости и земледелии жители поселка занимались отгонной формой скотоводства, составлявшей существенную часть их хозяйственной деятельности. Определенную, но незначительную роль в добычании продуктов питания играла охота на архаров, джейранов, оленей и кабанов.

Распространенными домашними видами ремесел в это время были ткачество, бронзолитейная и железоплавильная металлургия, обработка кости и камня с изготовлением из него орудий труда. Отпечатки тканей на внутренней части сосудов с простым полотняным и реповым переплетением свидетельствуют о развитии этого промысла, как и находки пряслиц, изготовленных из стенок сосудов (рис. 41, 42). Судя по отпечаткам, изготавливались ткани толстые, грубошерстные и тонкие. По аналогиям с результатами исследования тканей из поселений чустской культуры можно предположить использование для ткачества шерсти и лубяных культур⁵³. Некоторое представление можно составить о религиозных воззрениях жителей шаштепинского поселения, где был распространен фаллический культ плодородия.

Комплекс Шаштепа II ни по типу жилищ, ни по направленности хозяйства не отличается от Шаштепа I; тем не менее, время его бытования было периодом медленных подспудных изменений во внутреннем социально-экономическом укладе общества оседлых земледельцев на территории Ташкента, которые в итоге привели к сложению нового культурного комплекса и городской культуры. Определенным проявлением этого процесса, урбанистического по существу, можно считать появление оборонительных укреплений на поселении Шаштепа. Стену возвели в конце периода Шаштепа II или в начале Шаштепа III, когда переходные керамические формы еще бытовали, так как попали в отложения, накопившиеся у основания обводной кольцевой стены. Грунт же для кирпича и пахсы брали из культурного слоя того периода, когда эти формы еще употреблялись в быту. Видимо, стену возвели во II в. до н. э., и она стала важной составной частью комплекса Шаштепа II (Каунчи I), одним из признаков перерастания поселения в пункт городского типа. Ее можно считать непосредственной предшественницей фортификации и строительства цитаделей, возведение которых на мелких и крупных пунктах в пределах современного Ташкента в первых веках нашей эры знаменовало бурный взлет градостроительного процесса.

⁵¹ Заднепровский Ю. А. Указ. соч., с. 80.

⁵² Акишев К. А., Кушаев Г. А. Древняя культура саков и усуней долины р. Или. Алма-Ата, 1963, с. 263.

⁵³ Коробкова Г. Ф. Отпечатки тканей на керамике.— В кн.: Древнеземледельческая культура Ферганы, с. 232.

Рис. 41. Отпечатки ткани на стенках сосудов.

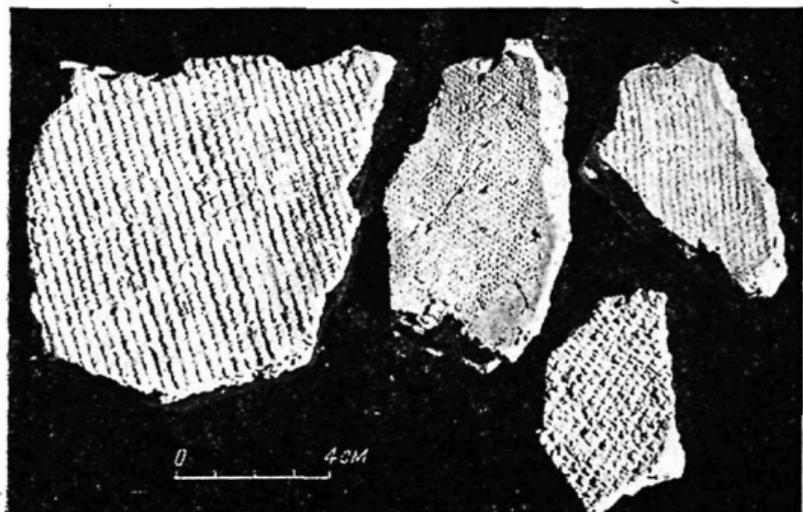

Рис. 42. Отпечатки ткани на стенках сосудов.

В отличие от обводных стен поселений чустской культуры, также сложенных из пахсы и сырцового кирпича⁵⁴, укрепление Шаштепа было мощным, расчлененным и являло несомненный шаг вперед в развитии фортификационного искусства. Подовальным очертанием оно напоминало укрепление поселения древнеземледельческой культуры эпохи бронзы и раннего железа Бактрии — Кучуктепа⁵⁵. Однако с большим основанием стену можно сопоставить с внешним контуром так называемого «дворца» Актобе 2 на Средней Сырдарье, окруженного стеной из квадратного и прямоугольного кирпича и датированного его исследователями I в. до н. э.— IV в. н. э.⁵⁶ Сходство не случайное, подчеркивающее линию преемственного развития градостроительных приемов, выработанных в древности и выразившихся в высоком развитии строительного дела в комплексах джетыасарской культуры и Каунчи I.

Изучение городища Шаштепа, продолжение которого весьма перспективно, имеет большое значение и для уточнения периодизации культур всего Ташкентского оазиса и для самого Ташкента в плане выяснения истоков и элементов формирования городской культуры на его территории.

---

⁵⁴ Спришевский В. И. Оборонительные сооружения эпохи бронзы на территории Узбекистана.— СА, 1972, № 3, с. 227—231.

⁵⁵ Аскар ов А., Аль ба ум Л. И. Поселение Кучуктепа. Ташкент, 1979, с. 27, рис. 9.

⁵⁶ Максимова А. Г. и др. Древности Чардары. Алма-Ата, 1968, с. 22, рис. 8, с. 71.

СТРАТИГРАФИЯ ТАУКАТТЕПА

В сентябре 1978 г. Ташкентский отряд Института археологии АН УзССР начал работы на городище Таукаттепа, входящем в группу объектов на восточной окраине города и расположенном на правом берегу Чирчика, к югу от с. Луначарское. Городище состоит из овального в плане тепа высотой 9 м, местность вокруг которого в настоящее время используется под колхозные поля. Северный и северо-восточный фасы тепа заняты кладбищем.

В 1929 г. городище Таукаттепа осмотрели А. А. Потапов¹, а в 1940 г.— И. Баишев и В. Массон, отметившие сильное нарушение планировки объекта, наличие керамики XI—XII вв., XV в. и отнесших Таукаттепа к типу средневековых замков с основным жилым массивом и примыкающим укрепленным двором². В 1957 г. городище изучали В. Белоусов и Ю. Буряков, выделившие среди подъемного материала керамику IV—VII вв.³

В 1970 г. Д. Г. Зильпер заложила на Таукаттепа два стратиграфических шурфа для выяснения характера поселения и его периодизации. Размер первого шурфа 1,3×5 м, с одной открытой стороной на восточном склоне тепа, второй — 1,5×1,5 м, ориентированный по странам света, также на востоке (рис. 43). В обоих шурфах не обнаружено следов капитальной архитектуры. Данные Д. Г. Зильпер не подтвердили предположения И. Баишева и В. Массона о том, что поселение вокруг вышки имело

¹ Буряков Ю. Ф., Касымов М. Р., Ростовцев О. М. Археологические памятники Ташкентской области. Ташкент, 1973, с. 41; Потапов А. А. Обзор тепе среднего Чирчика и археологических развалин вокруг Ташкента. Ташкент, 1929, архив Главного управления по охране памятников Министерства культуры УзССР, № 2237, с. 11—64.

² Баишев И., Массон В. Археологические разведки в районе Ташкента. Труды САГУ им. В. И. Ленина, вып. 81. Ташкент, 1956, с. 138.

³ Буряков Ю. Ф., Касымов М. Р., Ростовцев О. М. Указ. соч., с. 41.

укрепления, так как небольшая приподнятость рельефа памятника над окружающей местностью топографически противоречит данному утверждению. Д. Г. Зильпер предлагает рассматривать Таукаттепа как одно из многочисленных сельскохозяйственных поселений, возникших в зоне р. Чирчик в III—V вв. и сохранивших специфику в пору раннего средневековья, когда началось несколько запоздалое, но весьма интенсивное градостроительство в этой части Шаша⁴ (рис. 44).

Рис. 43. Вид раскопа.

В 1978 г. Ташкентский отряд Института археологии АН УзССР должен был детально уточнить стратиграфию культурных напластований Таукаттепа, поэтому на южном его склоне заложили шурф-раскоп (19×4 м), который по мере углубления уменьшался и на уровне XXVI яруса, когда начался материк, состоящий из галечника среднего размера вперемешку с песком, сократился до площади 3,5×1 м. Произведенные работы показали, что памятник функционировал на протяжении I—XV вв. с некоторыми перерывами. Удалось установить хронологическую последовательность семи культурных строительных горизонтов, включающих и ремонтные этапы (рис. 45).

⁴ Древности Ташкента. Ташкент, 1976, с. 66.

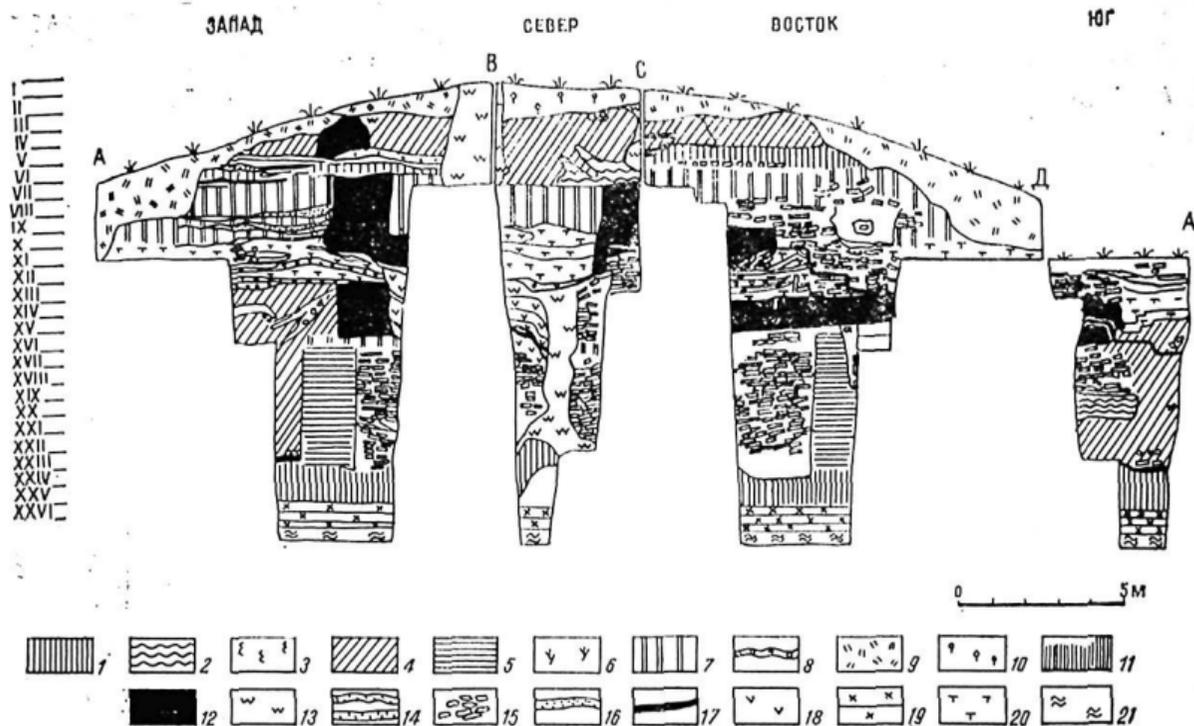

Рис. 44. Разрез шурфа:

1 — уплотненная темно-коричневая земля; 2 — уплотненная светло-коричневая земля с включением обломков сырца; 3 — уплотненная светло-коричневая земля с включениями мелкой гальки и песка; 4 — завал; 5 — монослит из хорошо промешанной глины с включением мелкой гальки и песка; 6 — рыхлая светло-коричневая земля; 7 — уплотненная коричневая земля; 8 — прослойки уплотненной темно-коричневой земли со следами натоптанности; 9 — сплыв; 10 — рыхлая коричневая земля; 11 — уплотненная темно-коричневая земля с включениями гальки; 12 — пахса; 13 — гумус; 14 — прослойки уплотненной органической трухи беловатого цвета со следами натоптанности; 15 — скопление галечника; 16 — очаги; 17 — эльзные прослойки; 18 — яма № 1; 19 — суглинок; 20 — уплотненная светло-коричневая земля; 21 — материк.

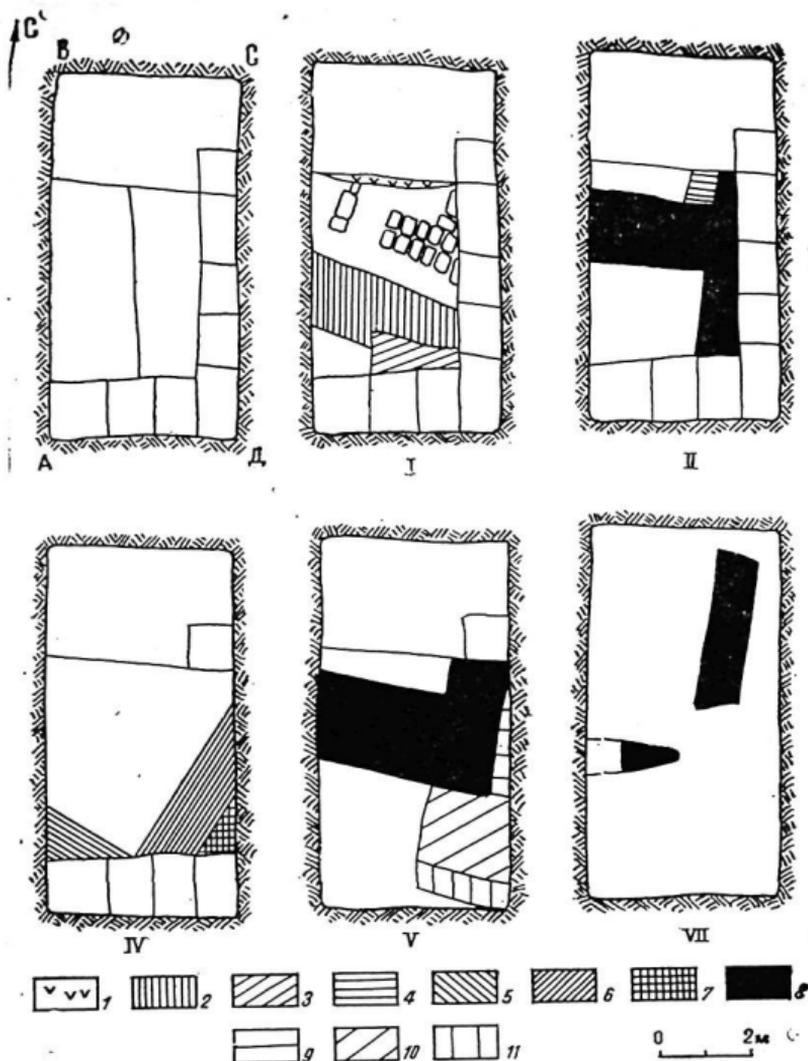

Рис. 45. Общий план шурфа и планы строительных периодов:

I — 1-й строительный горизонт; II — 2-й; IV — 4-й; V — 5-й; VII — 7-й строительный горизонт; 1 — яма; 2 — монолит из хорошо промешанной глины с включением мелкой гальки и песка; 3 — кладка из сырца $37 \times 10 \times ?$ см, $42 \times 12 \times ?$ см, $30 \times 10 \times ?$ см; 4 — кладка из сырца $52 \times 30 \times 10$ см, $42 \times 30 \times 8$; 5 — кладка из сырца $35 \times 28 \times 8$ см, $48 \times 28 \times 8$; 6 — кладка из сырца $40 \times 12 \times ?$; 7 — ремонтная кладка из сырца $40 \times 12 \times ?$ см, $47 \times 10 \times ?$; 8 — пасха; 9 — кладка из сырца $48 \times 30 \times 12$ см, $35 \times 10 \times ?$; 10 — 11 — ремонтная кладка из сырца $35 \times 8 \times ?$ см, $35 \times 10 \times ?$ см.

Первый культурный горизонт. Сначала на 60-сантиметровом слое суглинка, перекрывающем материковый слой, была возведена платформа, состоящая из уплотненной темно-коричневой земли с включением мелкой гальки. На платформе покоилась стена, ориентированная с севера на юг, сложенная из сырца ($45 \times 35 \times 10$ см, $45 \times 30 \times 10$ см) и сохранившая высоту 4,1 м. В кладке стены и промазке между кирпичами найдены четыре золотые нашивки, представляющие круглые пластинки диаметром 0,5 см с загнутыми краями и двумя дырочками посередине круга. Они попали в стену во время строительства (кто-то обронил или скорее всего при формовке кирпичей, с землей из более древних культурных напластований).

На втором ремонтном этапе стену утолщают, пристроив к ней вплотную от грани платформы на всю высоту единый монолит шириной 1,5 м, состоящий из хорошо промешанной глины с включением мелкой гальки и песка. В южной части шурфа у основания утолщенной стены зачищен овальный в плане очаг и уровень пола данного ремонтного этапа. У очага найден фрагмент венчика с вертикальным бортиком, плавно переходящим в шаровидное тулово, от горшкообразного сосуда средних форм (рис. 47, 22). Черепок сильно закопчен, тесто с примесью дресвы и песка. Это единственный фрагмент керамики, зафиксированный на уровне XXIII—XV ярусов, составляющих первый строительный горизонт.

Третий ремонтный этап, прослеженный в юго-восточной части шурфа в слое XVIII—XV ярусов, связан с ремонтом утолщенной стены сырцовым кирпичом разного формата ($37 \times 10 \times ?$ см, $42 \times 12 \times ?$, $30 \times 10 \times ?$ см).

Капитальные строения первого культурного горизонта и многочисленные перестройки косвенно подтверждают факт сложения Таукаттепа как поселения с мощным архитектурно-строительным комплексом.

Второй культурный горизонт наблюдается в слое XV—XIII ярусов и связан с возведением новой пахсовой стены, перекрывающей первый строительный горизонт. Стена шириной 1,40 м направлена с запада на восток и в восточной половине шурфа примыкает к перпендикулярной стене (север—юг), образуя два помещения: северное и южное. На втором ремонтном этапе в северном помещении вдоль восточной стены пристраивают стену из сырца размером $52 \times 30 \times 10$ и $42 \times 30 \times 8$ см. В юго-восточной части шурфа фиксируются два уровня полов, относящихся к первому и второму этапам.

От третьего культурного горизонта сохранилось два уровня полов в слоях XII—XI ярусов, в которые позднее врезали кладки стен следующего культурно-строительного горизонта, состоящего из двух ремонтных этапов. Первый связан со стеной в юго-

восточной части шурфа, сложенной из сырцового кирпича $40 \times 12 \times ?$ см, $47 \times 10 \times ?$, второй — с возведением стены из сырца $35 \times 28 \times 8$ см, $48 \times 28 \times 8$ в юго-западной половине, основание которой на 50 см выше первой.

К четвертому культурному горизонту относятся и две ямы, частично уничтожившие строения трех культурных горизонтов, описанных выше. Глубина первой 2,90 м, второй — 7 м. Обе ямы заполнены органическими остатками. При частичной их чистке обнаружено большое количество костей животных и несколько фрагментов стенок от керамических сосудов. На дне второй ямы расчищен скелет человека, сброшенного в нее (рис. 46). По

Рис. 46. Костяк, найденный в мусорной яме третьего строительного горизонта.

мнению антрополога Т. Х. Ходжайова, костяк принадлежал мужчине 30 лет, крепкого телосложения, ростом 176—178 см. Череп долихомезокранный с сильно развитым предпереносьем и надбровными дугами. Лоб покатый, лицо средней ширины и высоты с некоторой ослабленной горизонтальной профилировкой и средневывступающим носом, что позволяет отнести его к европейскому типу с монголоидной примесью. Близкие аналогии данному антропологическому типу находим среди черепов, датированных первыми веками новой эры из курганных могильников Куальта,

Вревская и Кавардан⁵. Неестественность позы покойника на дне мусорной ямы (костьяк вытянут по кругу так, что левая нога выгнулась вперед, а правая в обратную сторону; верхняя часть костьяка покоилась на левом боку, голова влево, а левая рука сильно вытянута за спину) исключает возможность специально захоронения.

Пятый культурный горизонт состоит из четырех ремонтных этапов и фиксируется на протяжении X—VII ярусов. В этом горизонте на площади шурфа прослеживается часть пахсовой стены шириной 1,80 м, ориентированной с запада на восток и поворачивающей на север, не доходя до восточного среза шурфа. На втором этапе к ее северной половине пристраивают стену из сырца размером 48×30×12 см, 35×10×? см и повышают уровень пола. На третьем ремонтном этапе вплотную к описанным стенам с юго-востока подводят пахсовую стену шириной 2 м, которую позднее, на четвертом этапе, подремонтировали с южной стороны и сверху сырцом 35×8×? см, 35×10×? см. Во все ремонтные периоды уровни полов повышались.

Шестой культурный горизонт прослежен в слоях VI—V ярусов и представлен пятью уровнями полов из уплотненной белой органической трухи со следами натоптанности.

Седьмой культурный горизонт, зафиксированный на уровне IV—III ярусов, перекрывает описанные полы. Здесь обнаружены остатки строений, одна из стен которых находится на западной половине шурфа и ориентирована с запада на восток, а вторая — вдоль восточного среза шурфа. Обе стены сложены из пахсы вперемешку с сырцом размером 30×8×? см.

Последний, самый верхний культурный слой связан с XII—XV вв., от него сохранилась только бадрабная яма с археологическим материалом. Нижние слои ее содержали керамику, представленную фрагментами станковых чаш с туловом полусферической формы в виде усеченного конуса на кольцевом врезном поддоне. Сосуды изготовлены из тонкодисперсной глины. Снаружи и изнутри они слегка покрыты кремевым ангобом, поверх которого нанесена глазурь. С внешней стороны она проходила частично, только до середины или узкой полосой по краю. Орнаментированы чаши в основном одноцветной прозрачной или полупрозрачной глазурью зеленого и голубого оттенков. Одна из полусферических чаш на кольцевом врезном поддоне, по нашему мнению, весьма интересна; она декорирована коричневой прозрачной глазурью по кремевому ангобу, поверх которого нанесен орнамент широкими мазками белой краской. На дне сосуда изображен цветок, напоминающий загнутыми краями вихревую ро-

⁵ Состав Ташкентского отряда выражает признательность Т. К. Ходжайову за консультацию.

зетку, которая, по мнению М. Г. Брусенко, наблюдавшей смену форм и орнаментики гончарных изделий на городище Бинкет, исчезает в XII в.⁶ Стенки сосуда украшены белыми четырехлепестковыми цветами. В целом описанная керамика, представленная в основном сосудами открытых форм, находит прямые аналогии в керамике Бинкета XII в.⁷ Верхние слои ямы содержали и посуду открытых форм: тарелки, чаши. Сосуды изготовлены из глины хорошего качества. Внутренняя поверхность изделий сплошь покрыта белым ангобом, внешняя лишь частично. На ангоб наносили подглазурную полихромную роспись, сочетающую сиренево-коричневую, кобальто-голубую и черную краски и покрытую бесцветной прозрачной глазурью. Орнамент состоит из мелких геометрических узорчатых мотивов. Интересен фрагмент полусферической чаши, внутренняя и часть внешней поверхности которой покрыты бесцветной глазурью по белому ангобу, закопченной до серого оттенка в процессе обжига. С внешней стороны верхняя половина сосуда декорирована подглазурной росписью в виде двух полос сиренево-коричневого цвета, проходящих по кругу чаши, внутреннее пространство между которыми заполнено округлыми и спиралевидными узорами, выполненными голубой краской разных оттенков. Поры в черепке, образовавшиеся в результате сгоревшей примеси, заполнены растекшейся глазурью. Аналогичная по орнаментике керамика характерна для Самарканда XV в. и Туркменистана XIV—XV вв.⁸

Полученную из семи культурных горизонтов Таукаттепа керамику можно подразделить на три большие группы. К первой мы относим посуду четырех ранних периодов, во-первых, потому что пятый культурный горизонт стратиграфически полностью перекрывает нижние, во-вторых, на прослеженных уровнях площадь шурфа небольшая, а ямы четвертого строительного периода, врезавшись в них, нарушили стерильность слоев. Все это позволяет отнести сосуды первых четырех горизонтов к единому керамическому комплексу. Представленная в данном комплексе посуда — в основном изделия закрытых форм. Изготовлены они наполовину от руки (донца и стенки), наполовину на гончарном круге (венчики). Черепок в изломе красноватого, розового и серого оттенков. Поверхность большинства сосудов покрыта светлым ангобом. Тесто с примесью дров, шамота, песка, изредка известки.

По функциональному назначению выделены хозяйственная, столовая и кухонная посуда. Для последней характерен жаро-

⁶ Древности Ташкента, с. 107.

⁷ Там же, с. 107—111.

⁸ Пугаченкова Г. А. Самаркандская керамика XV века. Труды САГУ, вып. XI. Ташкент, 1950, с. 30—31; Она же. Искусство Туркменистана. М., 1967, с. 163—166.

стойкий черепок с обильным включением примесей и закопченность внешней поверхности. К хозяйственным сосудам относятся хумы и хумча, служившие для хранения жидких и сыпучих веществ. На Таукаттепа отмечено два варианта профилировки венчиков, диаметры которых варьируют в пределах 38—42 см. Преобладают венчики с вертикальным бортиком и отогнутой под углом утолщенной закраиной с ложбинкой (рис. 47, 5—6), реже встречаются венчики с горизонтальной площадкой, переходящей в валик (рис. 47, 14). Донца сосудов плоские, диаметр их 38—

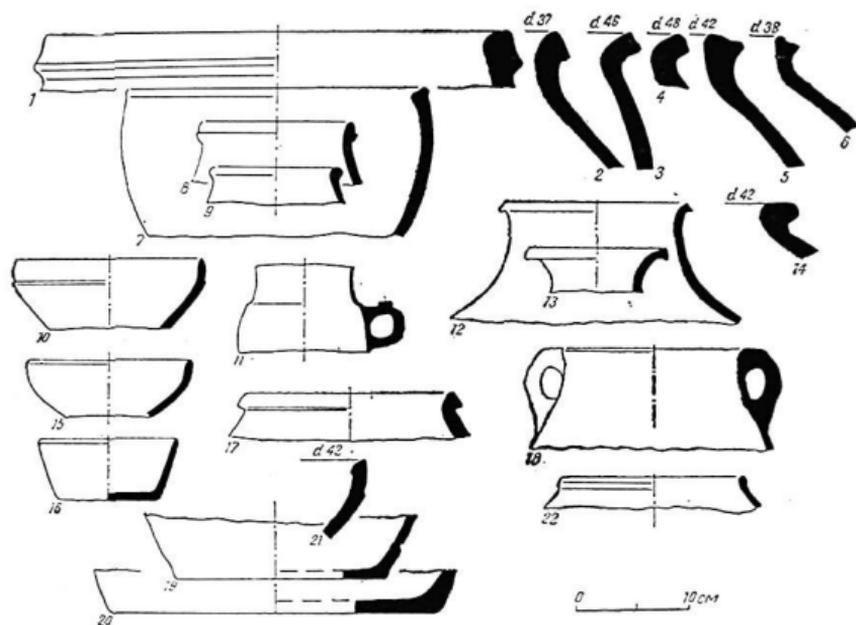

Рис. 47. Керамика.

44 см. Тесто хумов розового и красного оттенков, иногда с примесью шамота или песка. Изготовлены они от руки и в несколько приемов. Внешняя поверхность сосудов покрыта ангобом и затерта. Аналогичные по профилировке венчики от хумов найдены в нижних слоях городища Мингурюк, где датируются III—IV вв.⁹, и в нижнем горизонте Джетыясара — I—IV вв.¹⁰

⁹ Буряков Ю. Ф., Зильпер Д. Г. Археологические наблюдения в 1957 году на городище Мингурюк в Ташкенте.—Труды ТашГУ, вып. 5. Ташкент, 1960, с. 136, табл. 3, 1—6.

¹⁰ Левина Л. М. Керамика и вопросы хронологии Джетыясарской культуры.— В кн.: Материальная культура народов Средней Азии и Казахстана. М., 1966, табл. 3, 7—8.

Столовая посуда представлена кувшинами, мисками, кружками. Кувшины широкогорлые (рис. 47, 12, 13), больших и средних размеров с отогнутым заостренным венчиком, высоким горлом, плавно переходящим в яйцевидное тулово на плоском поддоне. Черепок в изломе розовый. Внешняя поверхность покрыта светлым ангобом. Тесто с примесью шамота и песка. Донца сосудов формовались на песчаной подсыпке. По форме кувшины делятся на два типа. К первому можно отнести сосуд с высоким горлом, диаметр которого более чем в два раза меньше наибольшего диаметра тулова, с заостренным отогнутым венчиком (рис. 47, 12). Второй тип — широкогорлые кувшины средних размеров с венчиком, заканчивающимся раструбом (рис. 47, 13). Кувшины обоих типов находят ближайšie аналогии в материалах первых веков нашей эры на городищах Каунчи¹¹, в курганах Каунчинской культуры и окрестностях Кавардана¹² и в керамике верхнего горизонта Актобе 2¹³.

Миски большого размера с полусферическим туловом и вертикальным бортиком с утолщенной закраиной. В месте перехода от бортика к нижней части тулова проходит ярко выраженная выпуклая бороздка. Черепок в изломе красноватый, тесто с примесью песка. Диаметр венчика 42 см (рис. 47, 21). Подобные миски отмечали в керамике второй группы Актобе 2¹⁴.

Кружки сделаны от руки из глины того же качества, что и кувшины. Они делятся на два типа, резко отличающихся друг от друга. Первый тип представлен фрагментом кружки с высоким чуть отогнутым наружу горлом, двумя кольцевидными ручками, прикрепленными к верхней части раздутого тулова. Черепок в изломе красноватый, тесто с примесью песка и извести. Аналогичные сосуды находили в инвентаре могильников Ташкентской области¹⁵, Ферганской долины¹⁶ и в керамике верхнего слоя Актобе 2¹⁷. Наиболее интересна кружка из XI яруса Таукаттепа. У сосуда прямое, чуть расширяющееся к низу высокое горло, резко переходящее в округлое тулово. В месте перехода выделяется ярко выраженный уступ. Ручка петлеобразная, горизонтально вытянутая, с налетом-пуговкой в верхней части. Черепок в изломе красно-коричневый, очень тонкий. Сосуд изготовлен от руки

¹¹ Григорьев Р. В. Краткий отчет о работах Янгюльской экспедиции. Ташкент, 1937, с. 22.

¹² Древняя и средневековая культура Чача, с. 25, рис. 7, 5.

¹³ Максимова А. Г., Мерцнев М. С. и др. Древности Чардары, с. 52—56, рис. 22, 1, 17.

¹⁴ Там же, с. 61, рис. 21, 9.

¹⁵ Древняя и средневековая культура Чача, с. 57, рис. 18.

¹⁶ Заднепровский Ю. А. Археологические памятники южных районов Ошской области. Фрунзе, 1960, с. 113 и сл.

¹⁷ Максимова А. Г., Мерцнев М. С. и др. Указ. соч., с. 60, рис. 25, 1.

настолько хорошо, что напоминает станковую посуду. Внешняя поверхность покрыта ангобом и затерта щеткой или дощечкой, следы от которой сохранились на черепке (рис. 47, 11).

Исследуя кружки верхнего слоя Актобе 2, Л. М. Левина отметила на некоторых экземплярах хорошо видный небольшой уступ, отделяющий горло от сферического тулова. Кроме того, у более чем 10% сосудов данной группы выступы в верхней части ручки в виде головы барана, часто весьма стилизованные¹⁸.

Несколько сходны с описанной выше кружкой сосуда из курганных могильников Каунчинской культуры в окрестностях Кавардана, на которых заметен небольшой выступ, отделяющий горло от сферического тулова, а ручки сосудов украшены налестками в виде стилизованной головы барана¹⁹. Самые близкие параллели наш сосуд находит среди инвентаря курганного могильника первых веков новой эры в районе массива Ташавтомаш в г. Ташкенте, вскрытого в 1979 г.; здесь также отметили высокое горизонтальное горло, резко переходящее в расширенное тулово на вогнутом поддоне.

Кухонная посуда первой керамической группы Таукаттепа изготовлена от руки и довольно грубо. Черепок, как правило, жаростойкий, с обильной примесью толченого кварца, песка, извести и шамота. Выделены следующие типы. Первый — горшкообразный сосуд, венчик которого с утолщенной закраиной плавно переходит в шаровидное тулово (рис. 47, 22). Черепок сильно закопчен, тесто с обильной примесью толченого кварца. Диаметр венчика 16 см. Описанный фрагмент интересен тем, что найден у очага в первом культурном горизонте и дает начальную дату обживания городища. Аналогичные котлы горшкообразной формы, сероватой и темной глины с обильной примесью дресвы найдены при работах на городище Мингурюк и датируются III—IV вв.²⁰

Сходные по форме горшкообразные сосуды с розовым черепком и светлым ангобом без выделенного венчика найдены в XVII ярусе раскопа на городище Шаштепа, где в настоящее время получена четкая стратиграфическая колонка, на которой мы основываемся при датировке керамических комплексов Таукаттепа, и датируются первыми веками новой эры. В несколько более поздних напластованиях Шаштепа, представляющих переходный период от I в. до н. э. до I в. н. э., появляются упомянутые горшкообразные сосуды уже со слабовыраженным утолщенным венчиком, напоминающим наш. Второй тип — горшкообразные

¹⁸ Там же, с. 57.

¹⁹ Древняя и средневековая культура Чача, с. 57—58, рис. 18.

²⁰ Буряков Ю. Ф., Зильпер Д. Г. Указ. соч., с. 136—137, табл. 3.

сосуды с отогнутым заостренным венчиком (рис. 47, 17). Черепок в изломе розоватый, тесто с примесью шамота. Сходные по форме горшкообразные сосуды отмечали в керамике первых веков нашей эры с городища Кугаиттепа. Третий тип — горшкообразные сосуды с проушинами, начинающимися из закраин венчика, второй конец которых приделан к стенкам сосуда (рис. 47, 18). Диаметр горловин 14—18 см. Аналогичные сосуды широко распространены на памятниках культуры Каунчи. В Шаштепа они появляются в переходном периоде (слой III в. до н. э.) и широко бытуют в более позднее время. У сосудов описанной формы на горизонтальной площадке проушин видны неглубокие ямки. Подобное кольцевое вдавление отмечала и Л. М. Левина в керамике нижних слоев Актобе 2 (I—IV вв. н. э.)²¹.

Таким образом, на основании приведенных аналогий и новых данных стратиграфии Шаштепа мы считаем возможным датировать керамику первой группы Таукаттепа I—IV вв. н. э.

Ко второй керамической группе Таукаттепа относится посуда, выявленная в пятом и шестом культурных горизонтах. Стратиграфически данный комплекс перекрывает предыдущие и имеет некоторые отличия. Так, в столовой посуде появляются сосуды открытых форм типа мисок и чашек, составляющих 40% от общего числа керамики. По технике изготовления она напоминает сосуды станковой работы, однако стенки изделий с некоторой кривизной. Черепок в изломе красный и розовый. Поверхность сосудов чаще покрыта светлым ангобом, реже красным и черным. Тесто с примесью шамота, дресвы, песка. По функциональному назначению выделены хозяйственные, столовые и кухонные сосуды.

Хозяйственная посуда представлена фрагментами хумов и хумча с несколькими вариантами профилировки венчиков и диаметрами 37—48 см. Преобладают венчики слегка отогнутые под прямым и острым углами, утолщенная закраина которых имеет ложбинку (рис. 47, 3, 4); реже встречаются утолщенные венчики, напоминающие манжетовидные со слабо выраженной ложбинкой в центре (рис. 47, 8). Отмечено несколько фрагментов хумов с отогнутым наружу заостренным венчиком (рис. 47, 2). Донца сосудов плоские. Тесто хумов розовое и красное, иногда с примесью шамота или песка. Изготовлены они от руки и в несколько приемов. Аналогичные по профилировке венчики от хумов находили в нижних слоях городища Мингурюк²².

Столовая посуда включает кувшины, миски, чаши. Кувшины чаще с округлым в сечении венчиком, реже с заостренным, с вы-

²¹ Левина Л. М. Керамика нижней и средней Сырдарьи в I тысячелетии н. э. М., 1971, рис. 15, 40—41; рис. 39, 1—9.

²² Буряков Ю. Ф., Зильпер Д. Г. Указ. соч., с. 136.

ступом на внешней стороне (рис. 47, 8, 9), иногда с горизонтально вытянутыми уплощенными ручками (рис. 48, 11). Подобные кувшины были среди керамики второй группы Актобе 2²³, первого культурного горизонта городища Ханабад (VI в.)²⁴.

Глубокая полусферическая миска (рис. 47, 7) с мягким изгибом стенок сосуда вовнутрь; венчик утолщенный с полочкой для крышки. Черепок в изломе красноватый, тесто с примесью дресвы и песка. Диаметр устья 26 см. Однотипные по профилировке:

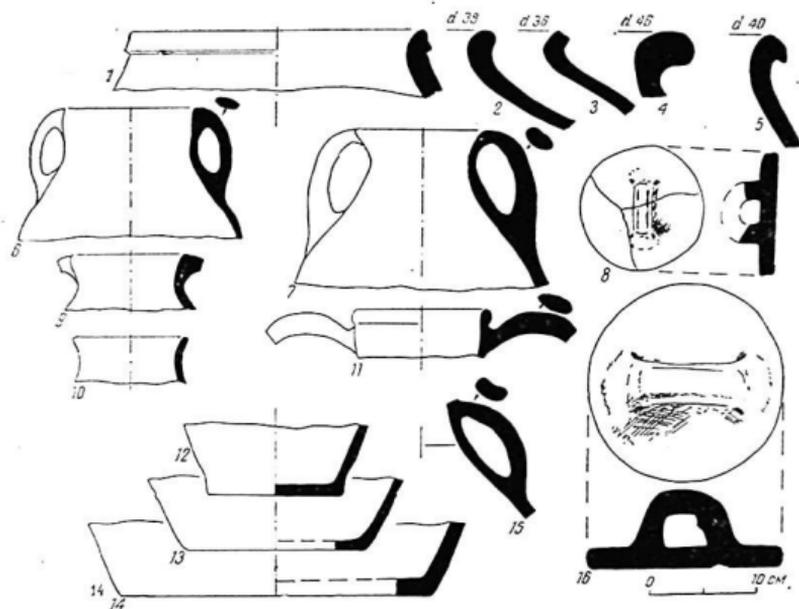

Рис. 48. Керамика.

сосуды встречены при работах на Шаштепа, которые Н. И. Крашенинникова считает корчагами²⁵.

Чаши подразделяются на три типа: 1 — с округлыми стенками и плавным перегибом в верхней трети сосуда; 2 — с коленчатым перегибом; 3 — с чуть выгнутыми прямыми стенками (рис. 47, 10, 15, 16). Тесто сосудов красное, с примесью песка. Внутренняя и внешняя поверхности покрыты светлым ангобом и заглажены.

²³ Левина Л. М. Указ. соч., с. 126—132, рис. 41, 19; рис. 42, 21; Максимова А. Г., Мерциев М. С. и др. Указ. соч., с. 52—54, рис. 21, 20.

²⁴ Древности Ташкента, с. 10, рис. 3.

²⁵ Крашенинникова Н. И. Археологические наблюдения на Шаштепа.— Труды ТашГУ, вып. 5. Ташкент, 1960, с. 153, рис. 4, 15.

Кухонные изделия представлены горшкообразными сосудами с двумя петлеобразными ручками (рис. 48, б). Верхний конец их прикреплен к краю сосуда, в месте скрепления находится украшение в виде ямочного вдавления. Ручки сжаты с боков, отчего на стенках образуется продольная ложбинка. От горшкообразных сосудов с проушинами первой группы описанные изделия отличаются более суженным устьем и вытянутой вдоль горловины ручкой. Подобные сосуды встречаются в эпохе Каунчи²⁶.

Керамика второй группы Таукаттепа более высокого мастерства изготовления, чем изделия предыдущего периода, и находит широкие аналогии в каунчинской керамике V—VI вв. Таким образом, сравнительный анализ керамики и стратиграфическое рассмотрение залегания комплекса позволяет датировать его V—VI вв.

В третьем керамическом комплексе, выявленном в седьмом горизонте, преобладают сосуды станковой работы. Тесто изделий красное и розовое, с примесью шамота, дресвы, песка, редко извести. На поверхность сосудов нанесен светлый ангоб, сосуды заглажены. Здесь исчезают открытые формы чаш и мисок. По функциональному назначению керамика подразделяется на хозяйственную, столовую и кухонную.

Хозяйственная посуда состоит из хумов, хумча и корчаги. Для хумов и хумча отмечено несколько вариантов профилировки венчика: 1 — клювовидные слегка вогнутые; 2 — с прямо поставленной горизонтальной площадкой, по середине которой проходит слабо выраженный желобок; 3 — напоминающие манжетовидные, сложной профилировки, иногда с горизонтальной площадкой и желобками; 4 — с отогнутой под прямым или острым углом уплощенной закраиной и желобком (рис. 48, 2; 3; 51, 1—7). Сосуды изготавливали частями, затем соединяли. Швы тщательно заглаживали, однако они все-таки заметны. Отмечено, что чаще всего посуда ломалась в месте соединения. Тесто изделий красноватое и розоватое, с примесью дресвы, шамота. Поверхность покрыта светлым ангобом и заглажена. Диаметр венчика 24—48 см, наиболее частые 38—42. Донца сосудов плоские, диаметр их 34—42 см, изготовлены на песчаной подсыпке, реже их формовали на матерчатой или соломенной основе. В Таукаттепа продолжают бытовать хумы и хумча форм ранних комплексов: особенно характерны для данной группы сосуды с венчком, имеющим широкий плоский бережок (рис. 49, 1, 6, 7). Большая часть хумов и хумча с покатыми плечиками и короткой шейкой, изредка встречаются сосуды с крутыми плечиками и выделенной шейкой. Описанные варианты профилировки венчиков

²⁶ Левина Л. М. Указ. соч., с. 181—184.

хумов и хумча наблюдаются в керамике третьей группы Канчи²⁷.

Корчаги (рис. 48, 1; 49, 19) двух видов: широкогорлые глубокие сосуды с подтреугольным в сечении венчиком, слегка отогнутым наружу, диаметром 28 см и корчаги с утолщенной закраиной венчика, горизонтальным бережком и двумя петлевидными ручками.

Столовая посуда в упомянутом комплексе объединяет сосуды следующих форм: кувшины, крынки, кружки.

Кувшины представлены большим набором форм. Это сосуды средних размеров с вытянутым широким горлом-раструбом, за-

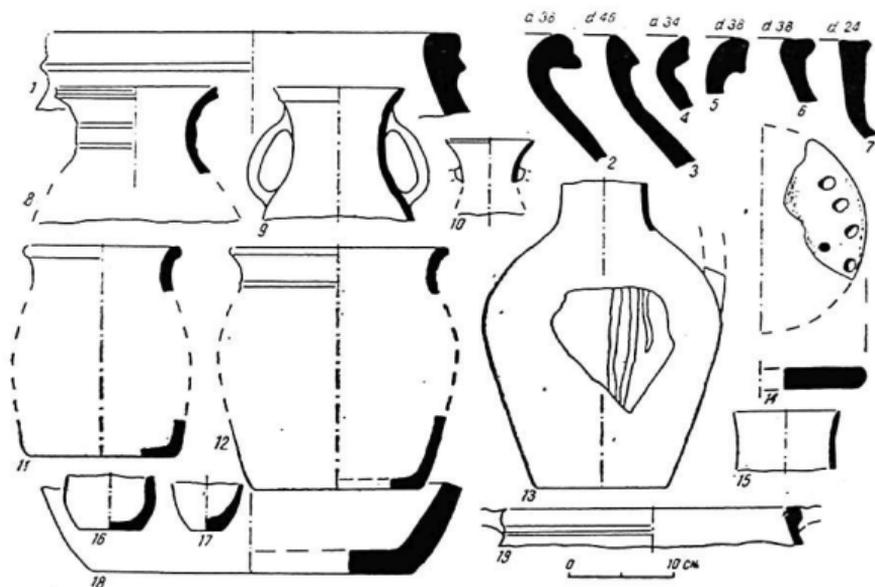

Рис. 49. Керамика.

канчивающимся заостренным венчиком; ручки расположены вдоль высокого горла, начинаются под выгнутым венчиком и заканчиваются в начале расширенного тулова (рис. 49, 9). Подобны им по форме меньшие по размеру кувшинчики (рис. 49, 10). Реже встречаются миниатюрные кувшинчики, представленные фрагментами плоских донцев диаметром 3—6 см, изготовленные на гончарном круге (рис. 49, 16, 17). В данной группе появляются кувшины с высоким горлом, переходящим в яйцевидное туло-

²⁷ Левина Л. М. Указ. соч., с. 185, табл. 59, 315—335.

во на плоском донце с вытянутой к венчику уплощенной ручкой. Некоторые из них по внешней поверхности орнаментированы ангобными красными и черными потеками (рис. 49, 13). Отмечены широкогорлые кувшины со сложной профилировкой венчика, изготовленные на гончарном круге (рис. 49, 8). Описанные формы кувшинов находят широкие аналогии в культуре Каунчи. Л. М. Левина относит данный тип к эпохе Каунчи 2 (конец III — начало IV в. по V в.)²⁸.

Характерны для эпох Каунчи 2 и Каунчи 3 широкогорлые кувшины с яйцевидным туловом, широким дном, диаметр которых намного больше диаметра устьев. Покатые плечики плавно переходят в сравнительно высокое горло со слегка отогнутым наружу венчиком. Сосуды снабжены прикрепленной непосредственно под венчиком, изогнутой под прямым углом ручкой и покрыты светлым ангобом с темно-коричневыми и черными потеками²⁹.

Крышкообразные сосуды с вертикально поставленной шейкой и заостренным венчиком; черепок тонкий (рис. 49, 15).

Кружки с широким устьем, равным максимальной ширине округлого тулова, высокой шейкой, венчик которого кончается раструбом, диаметр 16 см. В месте перехода от шейки к округлому тулову резкий перегиб, от которого начинается петлевидная уплощенная ручка.

Кухонная посуда состоит из изделий следующих форм: 1 — горшкообразные сосуды с петлевидными ручками, выделка грубая, жаростойкий черепок насыщен примесью. В отличие от предыдущих они с суженной шейкой, переходящей в раструбный венчик, из которого начинаются вытянутые к тулову уплощенные ручки (рис. 49, 7), тулово сильно раздутое; 2 — дисковидные крышки диаметром 11—24 см с рыхлым красноватым черепком и значительной примесью шамота. Чаще они с петлевидными ручками в центре диска. Встречен фрагмент крышки, декорированный по краю диска пальцевыми вдавлениями (рис. 49, 14). Плоские дисковидные крышки, орнаментированные вмятинами, с петлевидными ручками в центре также отмечаются в керамике Каунчи 2 и Каунчи 3 по градации Л. М. Левиной³⁰.

Найден фрагмент очажной подставки в виде рогатого кирпича, украшенного пальцевыми вдавлениями, рыхлый красный черепок с обильной примесью шамота покрыт светлым ангобом. Эти изделия широко известны в археологических материалах г. Ташкента, нижней и средней Сырдарьи и Афригидского Хорезма³¹.

Отдельно следует выделить фрагменты дастарханов. Первый

²⁸ Там же, с. 183, рис. 59, 225.

²⁹ Там же, с. 183—184, 186, рис. 59, 230, 350.

³⁰ Там же, с. 182, 185, рис. 59, 166, 309.

³¹ Там же, с. 183, 185, рис. 59, 178—182, 314; Древний Ташкент, с. 31, рис. 6, 14; Толстов С. П. Древний Хорезм. М., 1948, табл. 53.

из них — керамический, представлен небольшим фрагментом срединной части столешницы, украшенной геометрическим орнаментом, прочерченным пальцем. Черепок очень плотный, из хорошо промешанной глины. Сосуд изготовлен на гончарном круге. Второй дастархан, также представленный фрагментарно, алебастровый, с округлой столешницей и чашевидной полой подставкой. Дастарханы — довольно частая находка на ранне-средневековых и средневековых городищах Средней Азии и Казахстана. В Ташкентском оазисе они зафиксированы на городищах Кавардан и Бенакет, где появились в III—IV вв. и особенно широко распространились в X—XII вв.³² В отличие от дастарханов на ножках керамические и алебастровые дастарханы на чашевидной полой подставке появляются несколько позже и занимают широкий (VIII—XIII вв.) исторический промежуток³³.

Учитывая проведенные аналогии и то, что керамика третьей группы стратиграфически перекрывает второй комплекс, мы склонны датировать ее VII—VIII вв.

В заключение разбора керамических комплексов из стратиграфического шурфа Таукаттепа необходимо указать на их культурное единство с керамикой Каунчи, как в принципе и с основными элементами архитектуры этой культуры. Наибольшие параллели в последнем, по нашему мнению, наблюдаются в остатках архитектуры нижних слоев Шаштепа, выявленных в настоящее время. Кроме того, капитальное строительство, отмеченное в первом культурном горизонте Таукаттепа, подтверждает факт сложения поселения с мощным архитектурно-строительным комплексом. Следует подчеркнуть большое значение полученной сейчас стратиграфии на Шаштепа, позволяющей уточнить дату нижних культурных напластований Таукаттепа в сторону существенного заглубления.

Для второго культурного горизонта Таукаттепа, датированного V—VI вв., также характерны своеобразная капитальность и интенсивность строительства, несколько ослабевшая и сошедшая на нет в седьмом культурном горизонте. Жизнь на городище затухает в начале VII в., когда гибель и разрушение постигли многие цветущие ранее центры в районе современного Ташкента³⁴.

³² Буряков Ю. Ф. Археологические материалы городища Кавардан.— ИМКУ, вып. XIII, Ташкент, 1977, с. 81.

³³ Синигова Т. И. Средневековый Тараз. Алма-Ата, 1972, с. 96; Распопова В. И. Гончарные изделия согдийцев Чуйской долины.— Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции, т. 4. М., 1940, с. 154; Давидович Е. А., Литвинский Б. А. Археологический очерк Исфаринского района.— Труды АН ТаджССР, т. XXXV. Сталинабад, 1955, с. 151; Бентович И. Б. Керамика верхнего слоя Пенджикента.— МИА, вып. 124, 1964, с. 291.

³⁴ Древности Ташкента, с. 71; Древний Ташкент, с. 52; Филанович М. И. Новые данные изучения Актепе у Абразивного завода в Ташкенте. История и археология Средней Азии. Ашхабад, 1978, с. 166.

Историки связывают этот процесс с борьбой антиарабских коалиций против завоевателей и опустошительными походами Кутейбы (713—714 гг.), в которых Шаш принимал участие вместе с Согдом и Ферганой и которые нанесли немалый урон этим областям³⁵. Жизнь на Таукаттепа не возобновлялась вплоть до XII в.

Таким образом, Таукаттепа представляется нам характерным проявлением культуры Каунчи, является одним из представителей определенной группы памятников в пределах «Большого Ташкента», давших дополнительные данные о характере культуры оседлых земледельцев, господствовавшей на этой территории с первых веков новой эры и ставшей одним из пунктов в формировании городской культуры Ташкента. Возникшее в результате рекогносцировочного обследования территории современного Ташкента предположение о том, что памятники восточной его части могут дать более древние культурные отложения в отличие от уже известных, подтверждается в настоящее время. Сложение Таукаттепа как поселения с мощным архитектурным строительным комплексом фиксирует на территории Ташкента продолжение развития градостроительного процесса, начало которого устанавливается на Шаштепа.

Дальнейшие широкие раскопочные работы на городище Таукаттепа позволят более полно раскрыть историю возникновения памятника, его функциональное назначение в разные периоды, установить более четкую градацию керамических форм.

---

³⁵ Кляшторный С. Г. Из истории борьбы народов Средней Азии против арабов.—ЭВ, 1954, № 9, с. 62—64.

ФАУНА ДРЕВНЕЙШИХ ПОСЕЛЕНИЙ ТАШКЕНТА

В настоящее время в области археологического и геологического изучения территории Ташкента и его окрестностей достигнуты большие успехи. Однако о некоторых сторонах жизни древнего населения, в частности животноводстве, сведений мало. Первая публикация об остатках копытных животных из раскопок городища Каунчитепа появилась в 1940 г. Это была статья В. И. Громовой о домашних животных и животноводстве у племен, населявших огромную территорию Ташкента и его окрестностей от бронзового века до средневековья¹.

Домашние животные бронзового века давно интересовали исследователей. Изучение этих древнейших форм может дать наиболее перспективный путь к пониманию их происхождения, истории распространения и закономерностей развития.

Раскопки поселений на территории г. Ташкента проводила экспедиция Института археологии АН УзССР под общим руководством М. И. Филянович. В результате работ обнаружено много новых остеологических материалов.

Центральное место среди раскопанных экспедицией памятников занимает поселение Шаштепа в южной части города. В результате раскопок этого поселения получено наибольшее количество костных остатков (определено более 2484 экз.). Нижний слой поселения принадлежит Бургулюкской культуре (VI—IV вв. до н. э.) и переходному к Каунчи периоду, датируемому второй половиной IV—III вв. до н. э. Поселение Кугаиттепа расположено в юго-восточной части территории Ташкента, слой (XI—XIV ярусы) V—VII вв. н. э., определено 1753 кости. Поселение Таукаттепа находится в северо-восточной части Ташкента, слой (IX—XIX ярусы) IV—VII вв. н. э., определено 1969 костей.

¹ Громова В. И. Материалы к изучению древнейших домашних животных Средней Азии.— В кн.: Каунчитепа (раскопки 1935 г.). Ташкент, 1940.

Все археологические памятники, из раскопок которых получены и исследованы костные остатки животных, характеризуют длительный период истории исследуемого региона — с VI в. до н. э. до середины I тысячелетия н. э. По количеству костных остатков памятники Шаштепа, Кугаиттепа и Таукаттепа неравноценны (приложение 1): наиболее богатыми оказались Шаштепа и Таукаттепа. На основании изучения костных остатков удалось установить в памятниках «Большого Ташкента» 21 вид млекопитающих, из которых 8 принадлежат домашним животным и 13 диким. Кроме того, в культурный слой попали кости мелких грызунов и насекомых. Обнаруженные костные остатки домашних и диких животных свидетельствуют о развитии животноводства и охоты у древнего населения данного региона.

Крупный рогатый скот. В современной фауне этот род представлен лишь домашним крупным скотом, имеющим своим предком дикие формы из различных пунктов его бывшего обширного ареала. Костные остатки крупного рогатого скота обнаружены почти во всех исследованных памятниках г. Ташкента и его окрестностей. Судя по количеству костей, крупный рогатый скот занимает третье место, уступая только мелкому рогатому скоту и лошадям. Найдена 671 кость, из них определен 671 экземпляр, принадлежащий 164 особям разного пола и возраста (рис. 50).

В составе исследованных костных остатков (табл. 8) представлены все основные части скелета животных. Больше всего отмечено зубов, выпавших из альвеол при разрушении челюстей, фаланги пальцев, фрагменты метаподий, иногда позвонки; обычные фрагменты тазовых, плечевых, бедренных, лучевых, пяточных, таранных и берцовых костей, мелкие кости запястья и предплюсны (рис. 51, 52).

Сохранность материала в основном плохая, кроме небольшой серии фаланг пальцев, пястных и плюсневых костей.

Для краниологической характеристики крупного рогатого скота региона данных очень мало, так как черепа искусственно разрушены и представлены лишь мелкими обломками. Особенно характерно это для материалов рассматриваемых поселений, что, естественно, затрудняет их изучение.

Сравнительное исследование костных остатков крупного рогатого скота из памятников «Большого Ташкента» и Каунчитепа не обнаружило существенных различий между ними. Это естественно, если учесть небольшое расстояние между территориями «Большого Ташкента» и Каунчитепа, единый возраст культуры памятников и слабо проявляющуюся географическую изменчивость размеров древнего скота.

В результате анализа изменчивости общей длины пяточной, таранной, берцовой, лучевой, плечевой костей мы обнаружили, что средние размеры у скота из Каунчитепа и Шаштепа, Кугаиттепа

и Таукаттепа близки (табл. 9). Заметной разницы в росте крупного рогатого скота исследуемого региона не наблюдается.

Вопрос о происхождении крупного рогатого скота древнего Ташкента и его окрестностей пока остается открытым, так как раскопки на памятниках еще не завершены.

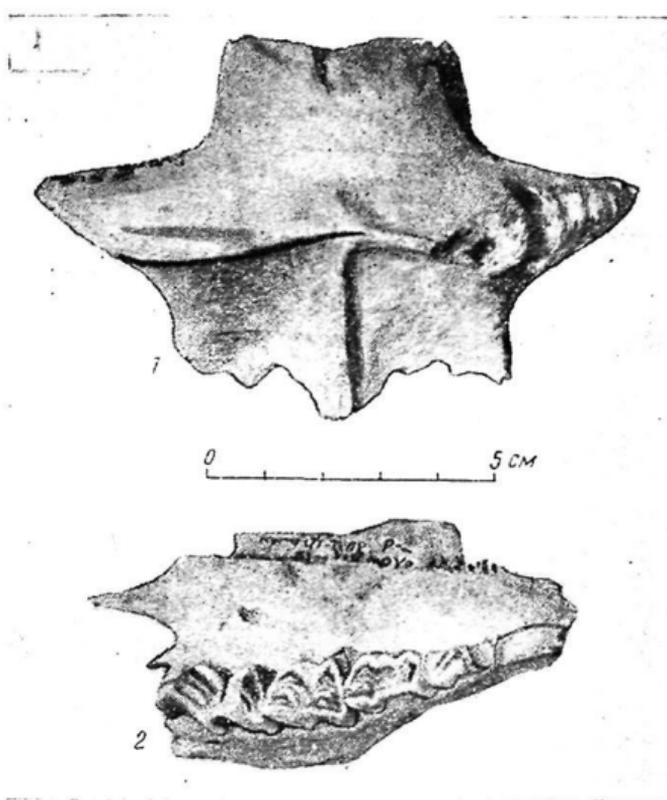

Рис. 50. Остатки костей крупного рогатого скота:

1 — шейный позвонок; 2 — обломок верхней челюсти.

Мелкий рогатый скот. Судя по обилию костных остатков в культурном слое археологических памятников Ташкента и его окрестностей, овцам и козам, безусловно, принадлежит первое место. Они встречены в материале из раскопок Шаштепа, Кугаттепа и Таукаттепа. Определено более 3065 костей мелкого рогатого скота от 415 особей разного возраста (рис. 53).

В остатках мелкого рогатого скота мы встречаем все элементы осевого и периферического скелета, однако отдельные части

его представлены неравномерно (табл. 10). Часто попадают отдельные коренные зубы, выпавшие из альвеол при разрушении верхних и нижних челюстей. В поселении Шаштепа, например, на их долю приходится около 37% общего количества костных остатков. Однако часто некоторые части конечностей немногочисленны. Так, в остатках раскопок Шаштепа представлены бедренные кости (10), пяточные (17) и таранные (13). Костных стержней рогов здесь найдено мало, и представлены они в основном небольшими обломками, не позволяющими характеризовать размеры и структурные особенности этих костей. Из костей пери-

Таблица 8

Состав костных остатков крупного рогатого скота

Кость	Шаштепа	Куганттепа	Таукаттепа
Фрагмент мозговой части черепа		15	4
Фрагмент лицевой части черепа	9	12	8
Нижняя челюсть	17	14	4
Отдельные зубы	38	46	10
Позвонок	17	23	7
Ребро	19	14	6
Лопатка	18	16	3
Таз	14	17	5
Плечевая	14	12	4
Лучевая и локтевая	19	17	3
Бедренная	13	14	5
Берцовая	12	13	3
Пяточная	10	14	4
Таранная	18	12	9
Мелкие кости запястья и предплюсны	28	10	7
Метаподии	19	10	15
Фаланги пальцев	16	21	13
Итого	281	280	110

ферического скелета преобладают фрагменты проксимальных и средних звеньев конечностей и метаподии. Все длинные трубчатые кости конечностей разрушены в области диафиза.

Возраст животных различен. Состояние сношенности коренных зубов позволяет предположить, что есть весьма старые особи, правда, количество их невелико. Основная масса костей от молодых животных, еще не завершивших формирование постоянной системы коренных зубов, а некоторые кости конечностей еще не освободились от эпифизов.

Кости овец и коз хорошо различаются по строению костных стержней рогов и мозгового отдела черепа, нижних отделов плечевых костей, верхних предплечий, метаподий, астрагалов, пяточных костей, вторых и третьих фаланг. У домашних форм различия выражены слабее, чем у диких, а у молодых особей обозна-

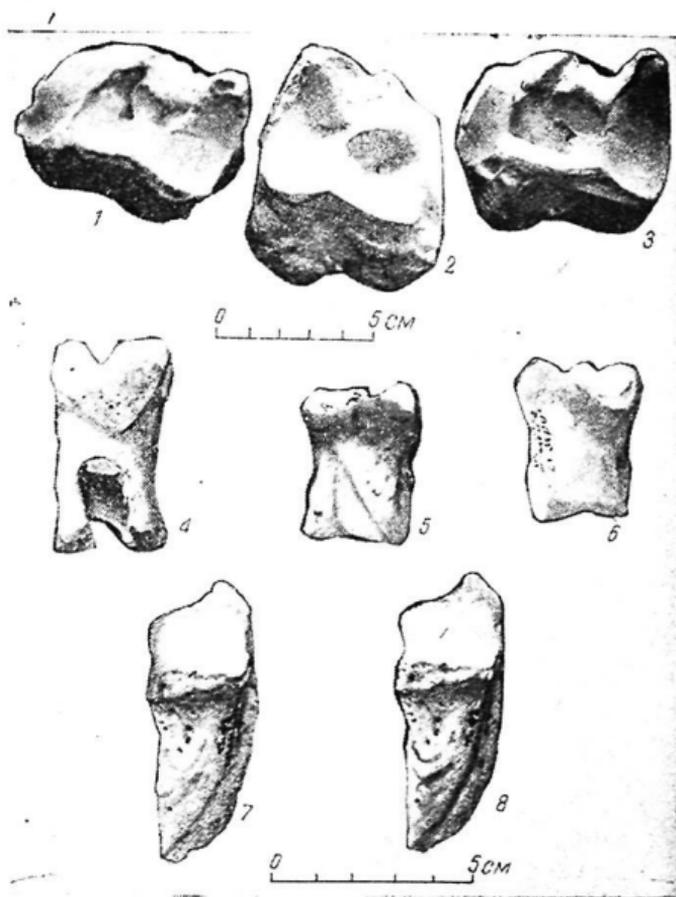

Рис. 51. Остатки крупного рогатого скота:

1—3 — заплюсовая 4-я кость; 4 — первая фаланга; 5—6 — вторая фаланга; 7—8 — третья фаланга.

чены меньше, чем у взрослых. Трудности различения овец и коз сами по себе существенные тем более возрастают, когда изучаются сильно разрушенные костные остатки, обнаруженные в культурных слоях археологических памятников. Таким образом, присутствие костей коз и овец в культурных слоях Шаштепа, Куга-

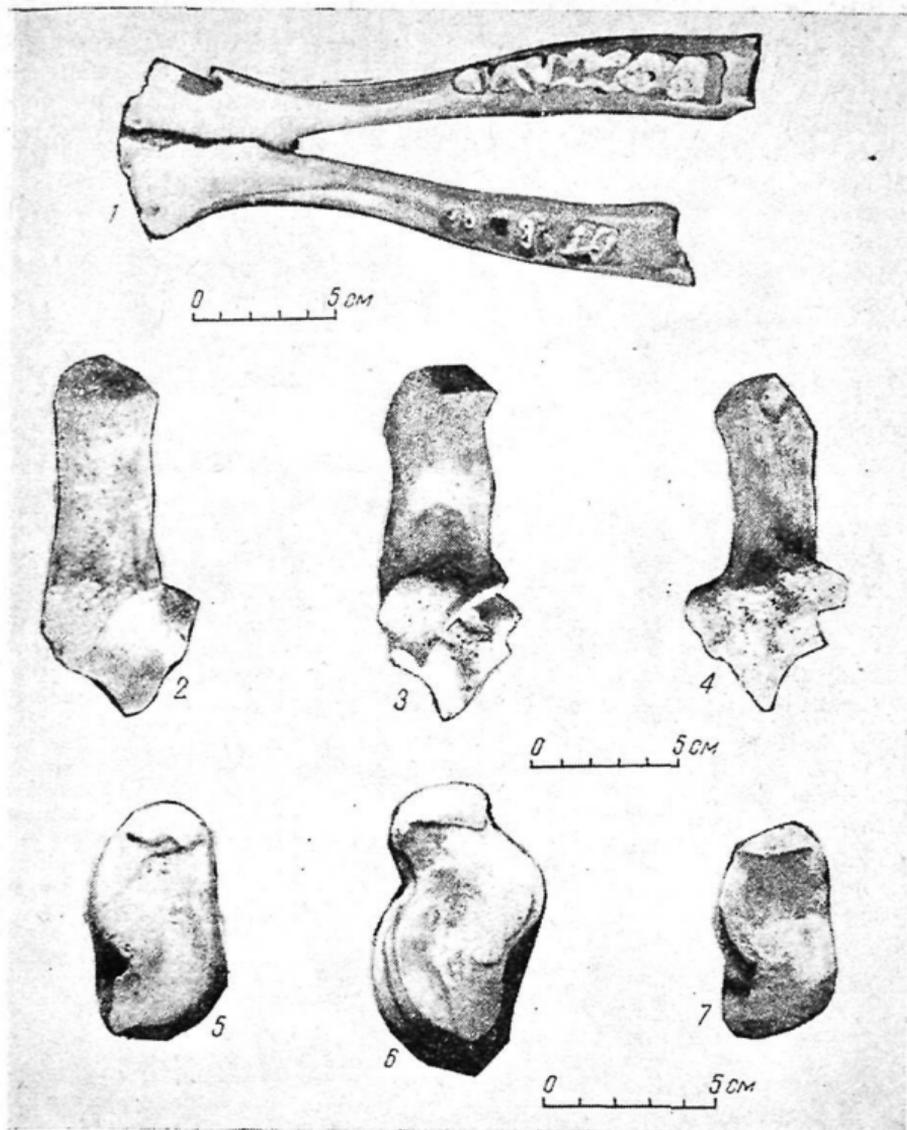

Рис. 52. Остатки костей крупного рогатого скота.

1 — обломки нижней челюсти; 2—4 — пяточные кости; 5—7 — таранные кости.

иттепа и Таукаттепа позволяет предположить расширение животноводства за счет мелкого рогатого скота.

При исследовании нижних слоев Шаштепа и Кугаиттепа попадались лобные части черепа с очень маленькими (1—5 см)

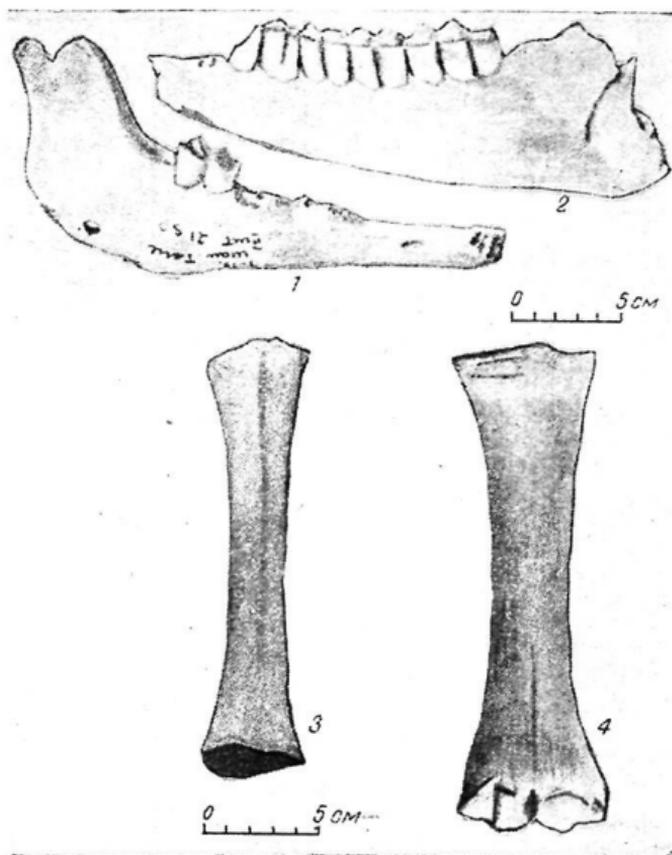

Рис. 53. Остатки костей мелкого рогатого скота.

1, 2 — нижняя челюсть; 3 — плюсневая кость; 4 — пястная.

рожками или небольшим бугорком на месте рогов, что характерно для безрогих домашних овец и баранов. Возможно, бараны исследуемого региона были безрогими. Подобную форму находили в слоях Каунчи; может быть здесь она даже заимствована из Каунчи.

Размеры костей крупного рогатого скота

Промер, мм	Каунчитепа			Шаштепа		
	п	lmm	М	п	lmm	М
Ширина нижнего конца плечевой кости	4	65—75	68,75	3	71,75	71,75
Поперечник		—	—		—	—
Ширина верхнего конца лучевой кости	6	64—81	73,2	1	82,50	82,50
Поперечник				1	40	40
Ширина нижнего конца берцовой кости	6	50—58	52,2	2	54,25—57	55,75
Поперечник		—	—	2	39,25—42,25	40,75
Длина пяточной кости	1	115	115	3	126—127,25	127
Длина таранной кости	3	61—66,50	63,2	4	63,75—77,25	67
Длина пясти	2	195—201	198			
Ширина нижнего конца пясти	11	49—70	57,9	3	53,25—54	53,50
Ширина верхнего конца пясти						
Индекс ширины верхнего	2	29,2—31,8	30,3		—	
Индекс ширины нижнего	2	29,7—31,3	30,5		—	
Индекс ширины диафиза		—	—		—	
Длина плюсны	2	225—256	240		—	
Ширина нижнего конца плюсны	2	50—57	53,5	4	54—53,25	55,50
Ширина верхнего		—	—	2	53,75—54,25	54
Индекс ширины верх- него конца плюсны	1	—	20,3		—	
Индекс ширины нижнего	2	22,2—22,3	22,2		—	
Индекс ширины диафиза		—	—		—	
Сагитальная длина I фа- ланги		—	—	3	54—56	53,25
Ширина верхнего эпи- физа		—	—	3	30—30,75	30,50
Ширина нижнего		—	—		—	
Поперечник верхнего эпифиза		—	—	3	33—33,25	33,2
Поперечник нижнего эпифиза I фаланги		—	—		—	
Максимальный диаметр суставной поверхности лопатки через шишко- видный бугор		—	—	2	60—60,50	60,25
Минимальный диаметр суставной поверхности лопатки		—	—	3	51—51,75	51,25

Таблица 9

Кугаитгана			Таукаитгана		
n	lim	M	n	lim	M
4	69—80	71,50	2	71—25	71,25
		—	2	80—80	80
3	62—64	63	1	60,50	60,50
1	317	317	1	29	29
1	56,75	56,75		—	116
I	41,75	41,75		—	
2	129—133	131	4	112—120	
1	62,75	62,75	4	57—66,23	60,25
1	207,25	207,25	2	207—208	207,30
3	53—60,50	58,25			
3	57—57,25	57	1	52,50	52,50
	27,5—27,6	27,5	1	25,4	25,3
	25,5—29,2	28,1		—	
	—			—	
3	195—230	215		—	
5	48—52,35	54	3	52—54	53
2	42—42,50	42,25		—	
	21,5—18,5	19,6		—	
2	24,6—22,7	25,5		—	
	—			—	
2	23,75—57,50	56,25	4	52,75—57,50	54,3
4	34—35,50	35,25	4	34—35	35
3	29—32,50	32,50	4	29—32,50	31,50
4	33,25—38	35,50	4	33—38	35
2	23,25—23,50	23,35	4	23,25—23,50	23,25
3	55—85,50	68,25	3	55—55,50	55,25
3	45—54	49,50	3	45—46	45,50

Для краниологической характеристики мелкого рогатого скота региона данных очень мало, так как черепа искусственно разрушены и представлены мелкими обломками.

В результате сравнительного изучения костных остатков мелкого рогатого скота из памятников на территории Ташкента и Каунчитепа не выявлено существенных различий между ними (табл. 11).

Таблица 10

Состав костных остатков мелкого рогатого скота

Кость	Шаштепа	Кугаиттепа	Таукаттепа
Стержень рогов	4	4	—
Мозговая часть черепа	56	42	66
Лицевая часть	75	49	35
Нижняя челюсть	120	87	85
Отдельные зубы	481	200	225
Позвонок	124	90	130
Ребро	46	47	98
Лопатка	29	39	50
Таз	110	42	80
Плечевая	49	22	10
Лучевая и локтевая	13	19	18
Бедренная	10	15	12
Берцовая	13	17	10
Пяточная	17	20	21
Таранная	13	19	15
Мелкая кость запястья и заплюсны	10	13	10
Метаподия	23	18	21
Фаланги пальцев	107	82	54
Итого	1300	825	940

Вопрос о происхождении овец и коз Ташкента и его окрестностей пока открыт, так как работы еще не завершены.

Домашняя свинья. В раскопках Шаштепа кости домашней свиньи появляются в переходном к Каунчи слое (IV—II вв. до н. э.). Они отмечаются и на поселениях IV—VII вв. н. э. (например, Кугаиттепа и Таукаттепа). В итоге определено более 169 костей от 43 особей. Представленные костные остатки являются главным образом обломками верхней и нижней челюстей (рис. 54), причем чаще встречаются молодые особи с еще незавершенным формированием постоянной системы коренных зубов (табл. 12).

Сохранность костных остатков плохая. В культурных слоях поселений Кугаиттепа и Таукаттепа часто встречались отдель-

ные коренные зубы, выпавшие из альвеол при разрушении челюстей. Кости домашней свиньи находили во всех культурных слоях доисламского времени, в раскопках на территории Ташкента и его окрестностей; однако везде они немногочисленны. Таким образом, обнаруженные в раскопках северо-восточного Узбекистана полуископаемые костные остатки домашней свиньи свидетельствуют о ее обитании в тугайных зарослях Чирчика и Сырдарьи на протяжении исторического времени.

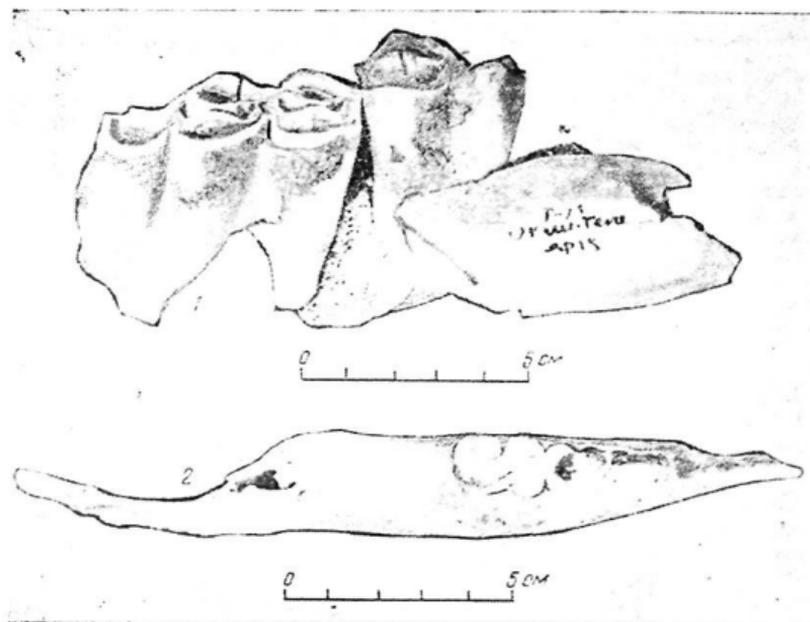

Рис. 54. Обломки нижней челюсти верблюда (1) и домашней свиньи (2).

По размерам нижних моляров домашние свиньи из Каунчитепа и свиньи исследуемого региона очень близки (табл. 12). Вопрос об одомашнивании свиньи на территории Ташкента и его окрестностей пока не решен из-за незавершенности раскопок.

Лошадь. Костные остатки этого животного встречаются во всех горизонтах культурного слоя поселения Шаштепа, а также Таукаттепа и Кугаиттепа вплоть до V—II вв. н. э. Судя по обилию костных остатков, лошадь занимает второе место после мелкого рогатого скота (табл. 13). Во всех памятниках региона костные остатки лошади представлены 2030 костями от 320 особей. Длинные трубчатые кости конечностей обычно разрушены,

причем характер разрушений свидетельствует об использовании мяса в пищу (рис. 56, 1, 2).

Наиболее многочисленную и лучше сохранившуюся группу костных остатков составляют отдельные коренные зубы, фаланги

Размеры костей мелкого рогатого скота

Промер, мм	Шаштета		
	n	mm	M
Ширина нижнего конца плечевой кости	15	27 50—38	33,75
Поперечник		27—34	30,25
Ширина верхнего конца лучевой кости	13	30,50—40	33,50
Поперечник	13	18—19 75	18,50
Ширина нижнего конца берцовой кости	13	31 25—35	33,25
Поперечник	13	22 24,25	24
Длина пяточной кости	17	66—67	66,75
Длина таранной	13	27—30	26,50
Длина пясти	0	128—31	130
Ширина нижнего конца пясти	10	26—31	29,50
Ширина верхнего	10	24,50—27	25,50
Длина плюсны	13	131 156	44
Ширина нижнего конца плюсны	13	24—28	25,25
Ширина верхнего конца плюсны	13	21—24	23
Сагитальная длина I фаланги	9	34—38	36,25
Ширина верхнего эпифиза I фаланги	9	12—13,25	12,50
Ширина нижнего	9	11,25—13	12,75
Поперечник верхнего эпифиза	9	14—14,50	14,75
Поперечник нижнего эпифиза I фаланги	9	0,50—12	11,75
Сагитальная длина I фаланги	11	22—22 75	22,25
Ширина верхнего эпифиза II фаланги	11	12—13,75	13
Поперечник	11	12 75—13	12,75
Ширина нижнего эпифиза	11	9—10,50	9,25
Поперечник	11	9 75—11	10,50
Максимальный диаметр суставной поверхности лопатки через шишковидный бугор		33,2—39	37,75
Минимальный диаметр суставной поверхности лопатки		25,50—31,25	30

пальцев и метаподии (рис. 57, 1, 3, 4). Попадались и другие кости конечностей, среди которых довольно хорошо сохранились пяточные и таранные (рис. 55). Костные остатки принадлежат и взрослым, и молодым животным, на что указывают часто встре-

чающиеся зубы молочной генерации и кости конечностей, свободные от тех или иных эпифизов.

По сравнению с лошадей из Каунчитепа лошади исследуемого региона по размерам верхних коренных зубов (табл. 14), та-

Т а б л и ц а 11

Куганттепа			Таукаттепа		
п	lmm	М	п	lmm	М
17	33,50—36	34,25	10	29,75—38	32,75
17	28—32,50	30,50	10	27,50—33,75	30,25
18	34—41	33,50	8	29,50—34	31,25
18	18—20	18,25	8	15,75—17	16,50
17	29—31,50	30,75	3	34—35	34,25
17	20,50—25,50	25	3	25—25,25	25,25
7	65—67,75	66,50	10	64—67	66,25
9	27,25—31	29,75	15	26—31,25	30,25
9	129,25—131	130,50			
8	25,50—30,50	28	—	—	—
10	25—26,50	25,75	4	25—29	27
13	131,50—155	143		97,75—155,75	127
	—	—	7	23,75—29	26
12	22—25	24,25	7	20—24	23,25
7	33—37,75	36,25		35—37,25	36,25
7	11,25—13	12,25	7	11,75—12,75	12,50
7	11—12,25	12	7	11—12,50	12
7	12,25—13	12,75	7	13,75—14,25	14
7	10—12	11,50	7	10,25—11,50	11,25
5	21,75—23	22	6	22,50—22,75	22,50
5	12,25—14	13	6	12,75—13,50	13
5	12,50—13	12,50	6	13,25—13,75	13,50
5	9—10,25	10	6	9,25—10	9,50
5	9,50—11	10,25	6	10—10,50	10,25
20	34—41	37,25	12	31,50—40	36
20	26,75—32	29,75	12	27—32	29

ранной кости и I фаланги очень близки. Заметной разницы в росте лошадей из разных памятников культуры г. Ташкента и его окрестностей не наблюдается. Это естественно, если учесть ограниченные размеры территории Ташкента между Каунчитепа, одно-

Таблица 12

Размеры коренных зубов домашней свиньи

Признак	Шаштепа			Куганттепа			Таукаттепа		
	п	Ипм	М	п	Ипм	М	п	Ипм	М
M ¹ длина ширина				17 17	16—16,50 12,50—12,75	16,25 12,50	12 12	16,25—17 12,50—12,75	16,50 12,50
M ² длина ширина				15	19,50—20 14,50—15	18,75 14,75	13	19,25—20,50 14,25—14,75	19,75 14,50
M ³ длина ширина	16	33,50—34 27,50—27,75	33,75 27,50	13	25,50—27 16—16,75	26 16,50	14	25,50—27 16,75—17	26 16,75
P ¹ длина ширина	10	10—11 4,25—4,75	10,50 4,50	7	10—10,50 4—4,25	10,25 4,25	—	—	—
P ² длина ширина	7 7	11—11,25 6—6,75	11,25 6,50	5 5	11—11,50 6—6,25	11,25 6,25	3 3	11—11,50 6—6,50	11,25 6,25
P ³ длина ширина	9 9	12,25—13 7,50—8	12,50 7,75	3 3	12,50—13 7—8	12,75 7,50	2 2	12,25—12,75 7,25—8,25	12,50 7,75
P ⁴ длина ширина	— —	— —	— —	2 2	11,25—11,75 11—11,50	11,50 11,25	3 3	11—11,25 11—11,50	11,25 11,25
M ¹ длина ширина	3 —	16,25—17 —	16,75 —	3 3	16—16,50 12—12,50	16,25 12,25	2 2	16—16,50 12—12,50	16,25 12,25
M ² длина ширина	3 3	19—22 13—15	13,75 14,25	2 2	19—22 13—15	13,75 14	2 2	19,75—22 14—14,75	20,75 14,75
M ³ длина ширина	3 3	33,50—34 27—27,50	33,75 27,25	2 2	33—34 27—27,50	33,50 27,25	2 2	33—34,50 27,50—27,75	33,75 27,75

возрастность культуры памятников и слабо проявляющуюся географическую изменчивость размеров древних лошадей.

На зубах видна слабоскладчатая эмаль, что характерно для лошадей восточной группы. Внутренняя двойная петля на верхних коренных зубах типично лошадиной формы.

В результате изучения многочисленного материала костных остатков лошадей, их размеров и пропорций установлено, что основное поголовье лошадей древнего Ташкента идентично ло-

Т а б л и ц а 13

Состав костных остатков лошади

Кость	Шаштепа	Кугаиттепа	Таукаттепа
Фрагменты мозговой части черепа	5	8	13
Фрагмент лицевой части черепа	17	14	32
Нижняя челюсть	31	22	12
Отдельные зубы	122	119	211
Позвонок	58	55	64
Ребро	98	44	134
Лопатка	46	35	23
Таз	35	22	20
Плечевая	11	10	19
Лучевая и локтевая	21	13	27
Бедренная	10	13	10
Берцовая	22	10	25
Пяточная	33	22	40
Таранная	51	31	45
Мелкая кость запястья и заплюсны	45	10	42
Метоподия	41	12	46
Фаланги пальцев	74	17	20
Копыто	10	11	49
Итого	730	468	832

шадям Каунчитепа. В этом можно убедиться, сравнивая размеры костей и верхних коренных зубов (табл. 14).

Осел. Принадлежит к числу широко распространенных на территории Ташкента и его окрестностей домашних животных. Кости осла найдены в культурном слое поселения Кугаиттепа (22 экз.) и Таукаттепа (10 экз.), принадлежащих 20 взрослым особям. Зубов молочной генерации не обнаружено, все кости конечностей со сросшимися эпифизами.

Отмечены мелкие фрагменты лицевого отдела черепа, нижней челюсти, отдельные коренные зубы, пяточная кость, таран-

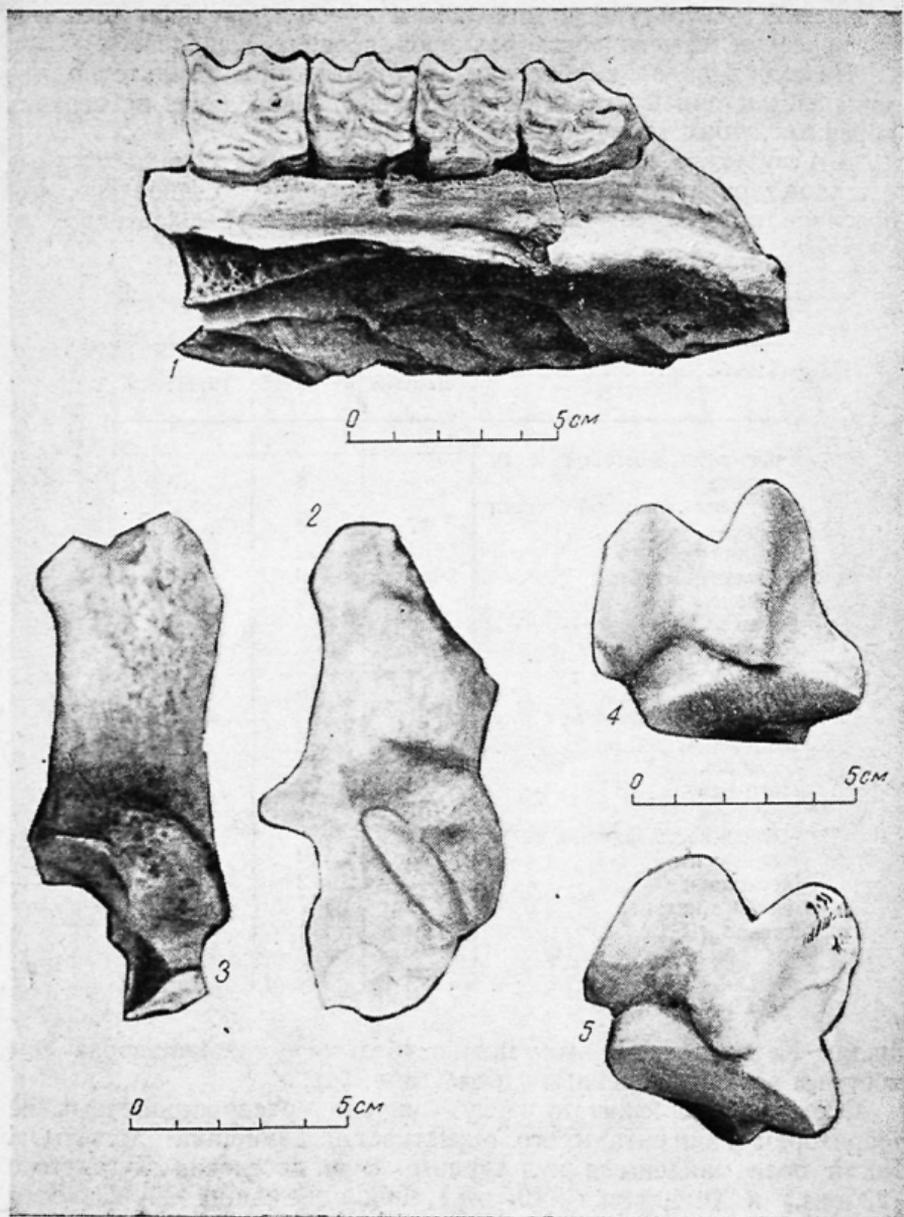

Рис. 55. Кости лошади:

1 — верхняя челюсть; 2, 3 — пяточная кость; 4, 5 — таранная кость.

ная, берцовая, фаланги пальцев. Сохранность костей несколько лучше, чем у других видов домашних животных.

Для характеристики размеров осла приводим промеры некоторых его костей: M^2 — длина 21—21,50 мм, ширина 15,25—

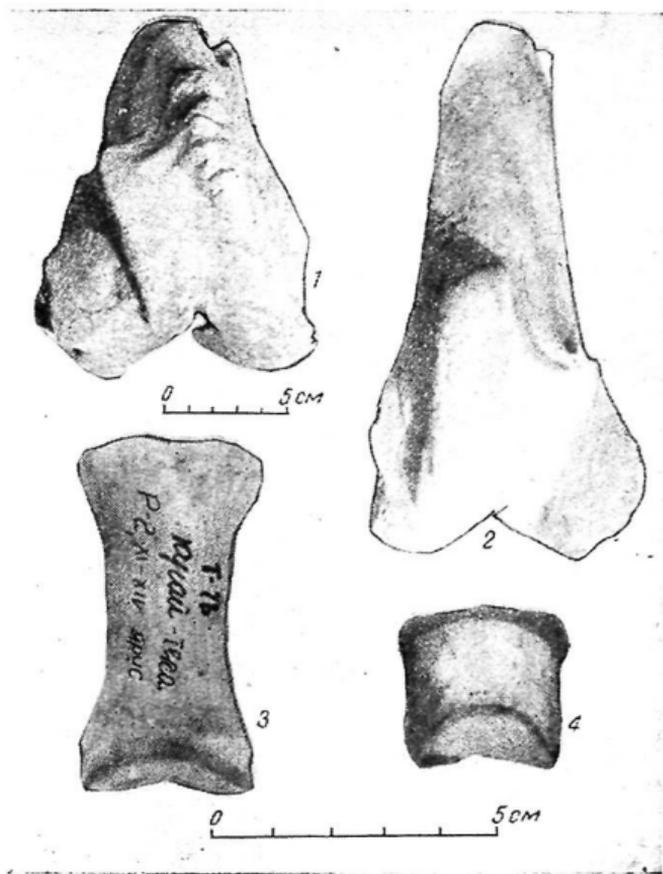

Рис. 56. Кости лошади.

1, 2 — обломки бедренной кости; 3 — первая фаланга; 4 — вторая фаланга.

15,50 мм, M^3 — соответственно 26,50—31 и 11,25—12 мм. Маленькие размеры коренных зубов нижней и верхней челюстей, форма двойной петли моляров и глубокая наружная долинка позволяют легко отделить их зубы от лошадиных. Кости конечностей также отличаются от костей лошади меньшими размерами: ширина нижнего конца берцовой кости 52,25—56,75 мм, тол-

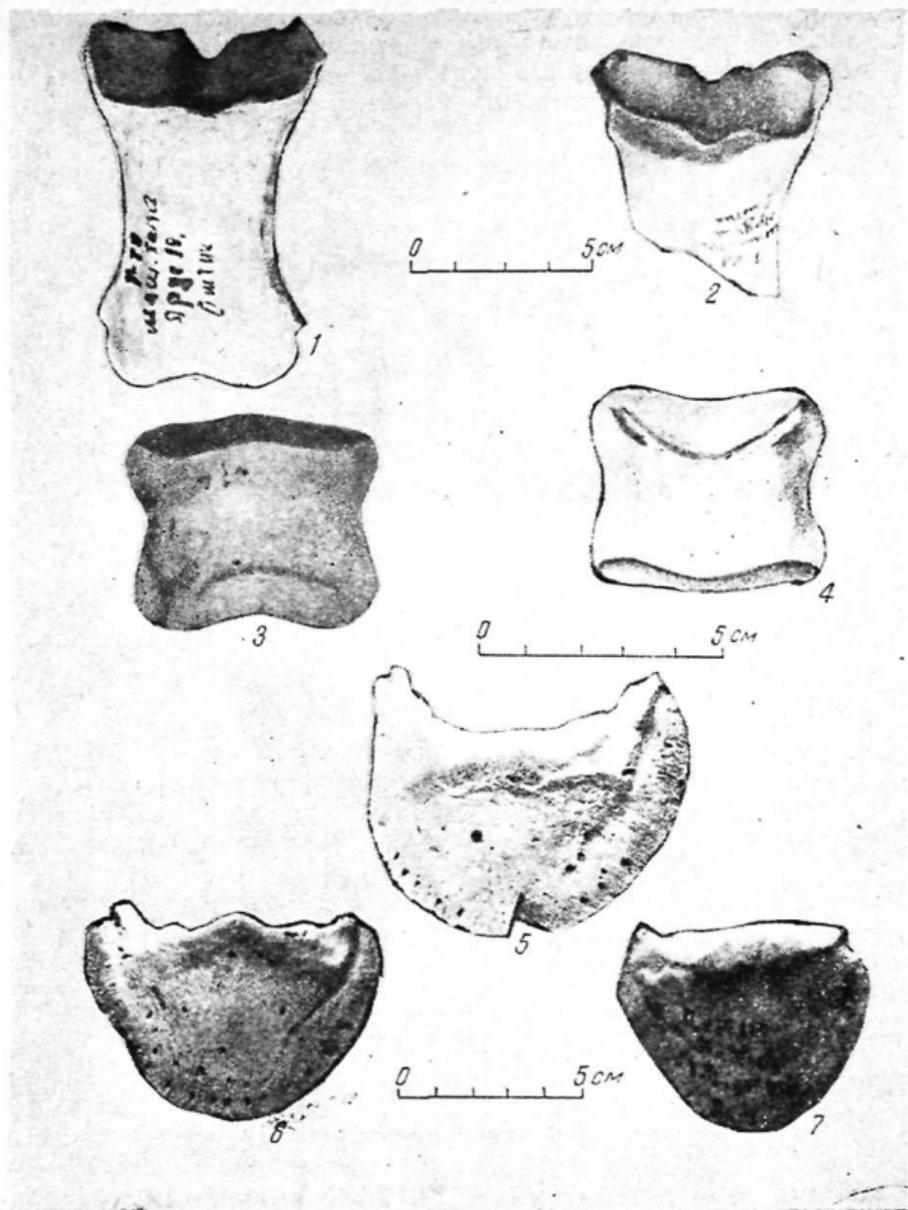

Рис. 57. Кости лошади (1—6) и кулана (7):

1, 2 — первая фаланга; 3, 4 — вторая фаланга; 5—7 — копыта.

шина нижнего конца берцовой кости 43,25—43,50 мм, длина пяточной кости 74,25—74,50 мм, длина таранной кости 37,75—42,75 мм, сагитальная длина I фаланги по переднему краю 60 мм, ширина верхнего эпифиза I фаланги 32,75—33 мм, ширина нижнего эпифиза I фаланги 27,50—27,75 мм, сагитальная длина II фаланги по переднему краю 25—25,30 мм, ширина верхнего эпифиза II фаланги 30,75—31 мм, ширина нижнего эпифиза II фаланги 27,50—27,75 мм.

Верблюды. Костные остатки их встречаются в незначительном количестве в культурных слоях Шаштепа (25 экз.), Кугаиттепа (13) и Таукаттепа (7 экз.); в общем определено 45 костей от 20 особей.

В остатках представлены все части скелета, фрагменты черепа, кости конечностей (рис. 56) и зубы. Сохранность костных остатков, как бывает с кухонными остатками, плохая.

Приведем некоторые размеры костей (мм): M^3 — длина 58,25, ширина 25,25; P^3 — соответственно 39,25 и 19,25; сагитальная длина I фаланги по переднему краю 78,50—90,25; ширина верхнего эпифиза I фаланги 32,25—40,75, ширина нижнего эпифиза I фаланги 29,75—38 мм. По этим данным отличить двугорбого верблюда от одногорбого невозможно.

Собака. Костные остатки собаки встречаются в культурном слое поселения Кугаиттепа, 54 экз. костей принадлежат 14 особям. В культурных слоях поселений Шаштепа и Таукаттепа найдены единичные экземпляры.

Сохранность костей хорошая (рис. 58) и, как правило, с минимальными повреждениями. Целые длинные трубчатые кости конечностей собак — обычная находка. Разрушения каких-либо костей обусловлены либо происходящими в почве процессами мацерации, либо неосторожностью при извлечении их из культурного слоя. Хорошая сохранность костных остатков собак объясняется тем, что население городищ и селищ от раннего бронзового века до современности не употребляло их в пищу. Поэтому и находки их костей в культурном слое в значительной степени носят случайный характер.

Большинство костных остатков принадлежит взрослым особям, о чем свидетельствуют сильно стертые резцы и коренные зубы. Один череп найден в слое Кугаиттепинского поселения. Повреждения на черепах собак носят случайный характер и ограничиваются в основном разрушением скуловых дуг, носовых костей и лицевой части.

Кошка. Костные остатки кошек найдены в культурных слоях поселения Кугаиттепа — 9 экз. от 3 особей. В поселении Таукаттепа кости кошки единичны. Сохранность костных остатков хорошая. В обнаруженном на поселении Кугаиттепа V—VII вв. н. э. черепе (рис. 59, 1) были повреждены теменные и затылоч-

Размеры костей лошади, мм

Признак	Шаштета		
	п	lmm	М
Ширина нижнего конца плечевой кости	2	—	
Поперечник			
Ширина верхнего конца лучевой кости	2	—	
Поперечник		77—77,50	77,25
Ширина нижнего конца берцовой кости		40,50—42	41,25
Поперечник		—	
Длина пяточной кости		—	
Длина таранной кости		—	
Длина пясти	3	207,50—208	207,50
Ширина нижнего конца пясти	5	49,75—56	51,60
Длина верхнего промоляра	1	74,25	74,25
М ¹ длина		25,75—29,75	28,50
М ¹ ширина	10	27—28,50	27,75
М ² длина		25—28,50	27,25
М ² ширина	12	26—29	28
М ³ длина		29—35	33,50
М ³ ширина	17	23—25,25	24
Р ¹ длина		30—36	34,75
Р ¹ ширина	15	25—25,75	25,25
Р ² длина		29—29,50	29,25
Р ² ширина	19	27—27,50	27,25
Р ³ длина		23,50—24	23,75
Р ³ ширина	23	23,25—23,75	23,50
Диаметр лопатки через шишковидный бугор	2	91,75—92	91,87
Минимальный диаметр суставной поверхности лопатки	2	52—52,75	52,37
Сагитальная длина I фаланги	2	76,50—77	76,75
Ширина верхнего эпифиза фаланги	2	53,25—54	53,75
Ширина нижнего эпифиза фаланги	2	45—45,50	45,25
Поперечник верхнего эпифиза фаланги			
Поперечник нижнего эпифиза фаланги			
Сагитальная длина II фаланги	3	46—48	47,75
Ширина верхнего эпифиза фаланги	4	49,50—53	50,25
Поперечник			
Ширина нижнего эпифиза фаланги	4	49—51	49,75
Поперечник			
Длина верхней суставной поверхности копыта	3	50—53,50	52,25
Поперечник копыта	4	45—53	50,25
Ширина нижнего конца бедра	2	112—112,25	112
Поперечник нижнего конца бедра	2	130—130,50	130,25

Таблица 14

Кугаиттепа			Таукаттепа		
п	Илм	М	п	Илм	М
	—		8	68—85	81,25
	—		8	77—84,50	81
5	70—81	75,60	3	82—82,50	82,25
5	37—45,75	40,35	3	42,50—43	42,85
2	71,50—71,75	71,68	3	72—72,75	72,26
2	43,75—44	43,87	3	42,75—43	42,75
2	105—105,50	105,25		—	
5	59—64	61,25	2	61,25—62	61,50
	—		2	211—212	211,50
2	47,75—48	48,87	2	45—45,50	45,25
	—			—	
11	26—29	27,50		27,25—30	28
	25,25—27	26,50	14	26,50—28	27,50
	26—32,50	29,25		28,75—33	31,50
17	27—29,50	28,25	17	29—29,50	29,25
	29,25—39,50	34		36—38,75	37,50
19	23,75—26	24,25	13	23,25—25	24
	31,25—36,75	35,25		29,50—35	32,50
25	24—24,75	24,25	15	25—25,50	25,25
	30,25—30,50	30,25		29—29,50	29,25
13	27,25—26,75	27,50	16	27—27,75	27,50
	27,50—28	27,75		23,75—24	23,75
17	28—28,50	28,25	19	23,25—24	23,50
3	70—88,50	76,83	4	68—88,50	77,75
3	53—66	54,25	4	53,25—66	60,25
2	76—76,50	76,25	4	74,50—86	77,75
3	53—53,25	53,25	4	48,25—58	52
3	44,75—45	44,75	4	37—38	37,75
4	41—42,25	41,75			
4	47—52	51,25			
4	40—49	47			
3	49—54	52			
3	46,50—47	46,75			
3	90,50—108	101,8	2	92—92,50	92,25
1	145,50	145,50	1	83,50	83,50

ные части, это объясняется либо происходящими в почве процессами мацерации, либо неосторожностью при извлечении из культурного слоя. Хорошая сохранность костных остатков кошек объясняется тем, что с раннего бронзового века и до современности население городищ и селищ не употребляло их в пищу.

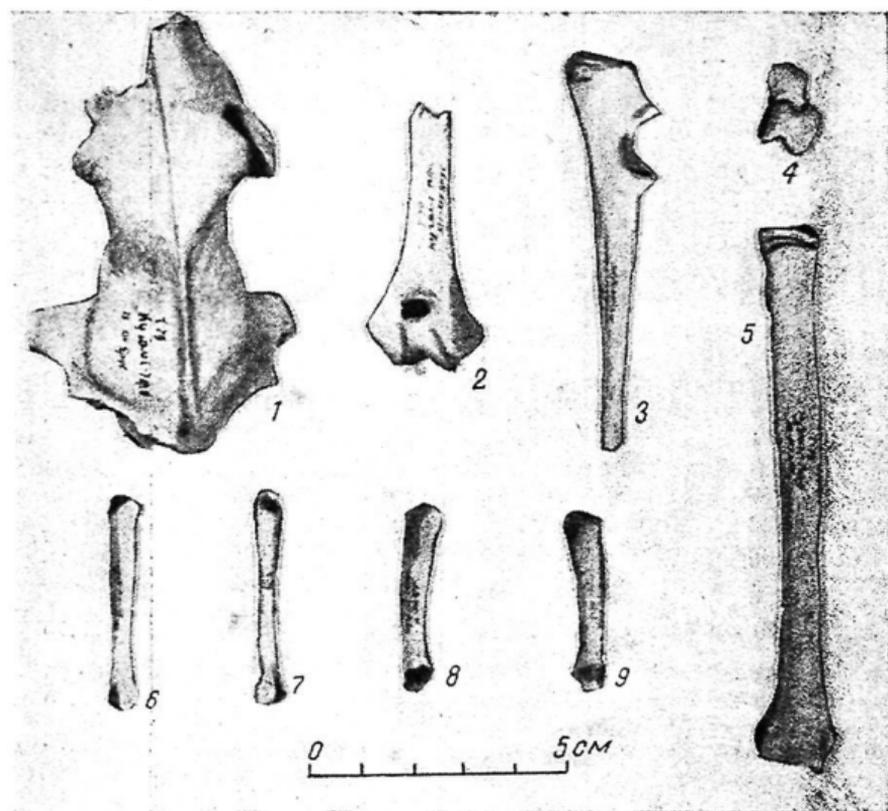

Рис. 58. Костные остатки собаки:

1 — череп; 2 — плечевая кость; 3 — локтевая; 4 — таранная; 5 — лучевая; 6—9 — фаланги пальцев.

Скромный материал не позволяет отметить какие-либо отличия кошек поселения Кугаиттепа от субфоссильных кошек из раскопок памятников Восточной Европы.

В культурном слое археологических памятников на территории Ташкента и его окрестностей обнаружены костные остатки 11 видов диких млекопитающих и два вида пернатых, десять из них были объектами охоты древнего населения, три не связаны

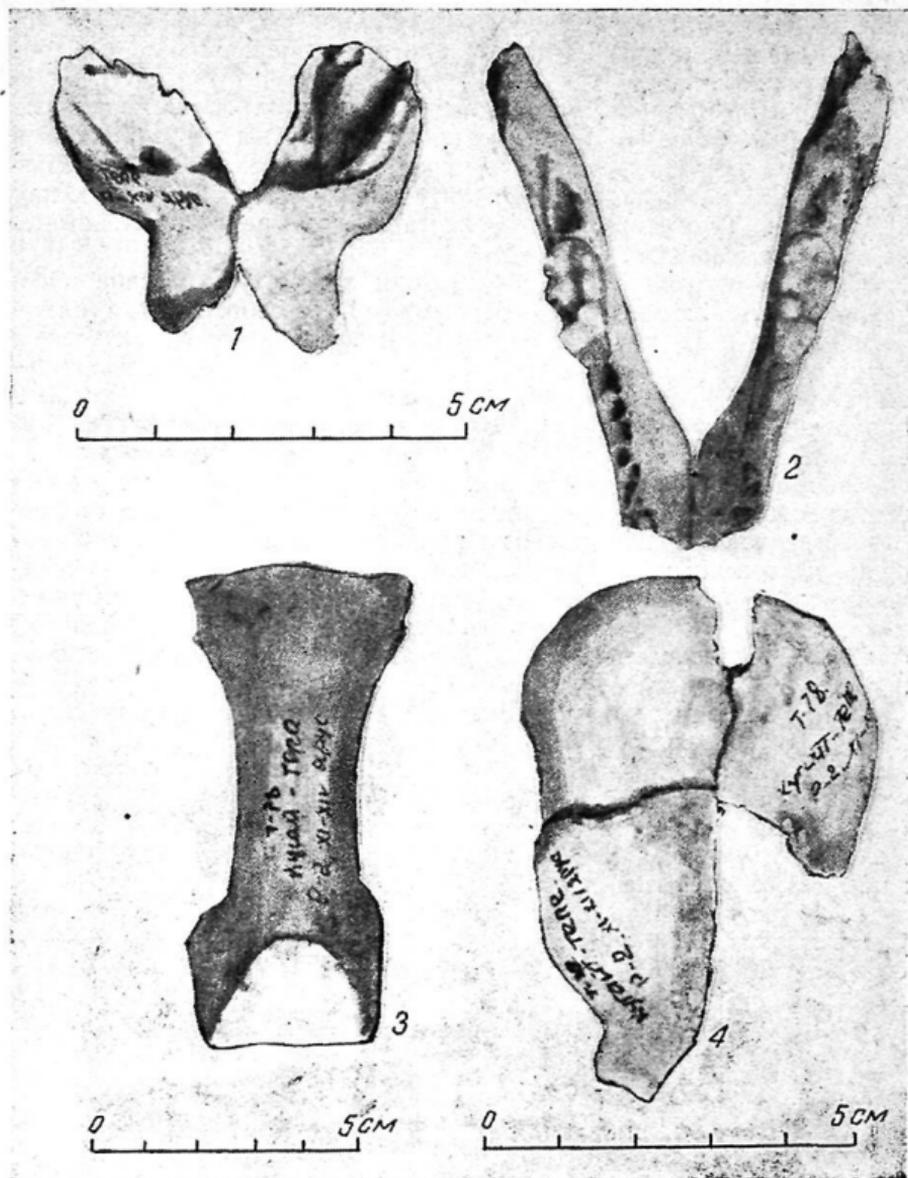

Рис. 59. Кости разных животных:

1 — фрагменты лицевой части черепа кошки; 2 — нижняя челюсть кошки; 3 — первая фаланга верблюда; 4 — обломки черепа тонкопалого суслика.

непосредственно с хозяйственной деятельностью человека. Их остатки попали в культурный слой благодаря пернатым и четвероногим хищникам.

Благородный олень. Плейстоценовые и позднеплейстоценовые остатки благородного оленя широко известны в Европе и в СССР — из средиземноморских слоев антропогена Нижней Волги, Кавказа² и Казахстана³, неолитических слоев городища Анау в Западной Туркмении⁴, в Узбекистане — со среднего плейстоцена до современности⁵.

Костные остатки оленя обнаружены в культурном слое поселения Шаштепа: один роговой стержень, верхний эпифиз плюсневой кости и II фаланга пальцев. В поселениях Кугаиттепа и Таукаттепа кости оленя единичны. Среди остатков были фрагменты трубчатой кости и мелкие обломки рогов, часто со следами обработки. Сохранность костных остатков плохая, что связано с использованием мяса животных в пищу.

Современная численность оленя сведена до минимума. Можно предположить, что в отдельные исторические периоды прямое или косвенное влияние человека на благородного оленя было особенно действенным. К прямому воздействию человека на численность оленя относится все возрастающая роль этого животного как объекта охотничьего промысла; другой не менее важный фактор — освоение человеком новых земель, вырубка лесов и т. д.

Джейран. В переходной культуре к Каунчи, в нижних слоях Шаштепа костные остатки джейрана представлены обломком нижней челюсти и отдельными зубами, пяточными и таранными костями. В поселениях Кугаиттепа и Таукаттепа кости джейрана единичны. В общем определено 11 костей джейрана от 6 особей. Размеры плюсневых костей следующие: ширина верхнего эпифиза 21—21,25 мм, поперечник 19,75—20 мм.

Судя по поверхности, они принадлежали взрослой, но не старой особи. Сохранность костных остатков плохая, что объясняется использованием мяса животных в пищу.

² Верещагин Н. К. Млекопитающие Кавказа. М.—Л., 1959.

³ Кожамкулова Б. С. Ископаемые звери антропогена Северного Казахстана и прилегающей части Сибири. Тезисы докладов совещания зоологов Сибири. Новосибирск, 1957.

⁴ Deurst I. V. Animal remains from the Excavations at Anau. in Pumpelly R. Explorations in Turkestan. Washington, 1908, p. 341—442.

⁵ Бибикова В. И. О некоторых отличительных чертах костных конечностей зубра и тура. — Бюлл. МОИП, отд. биологии, т. LXIII (6), 1958; Батыров Б. Х. Остатки млекопитающих из слоев Самаркандской верхнепалеолитической стоянки. Материалы конф. проф.-преподават. состава биологич. фак-та СамГУ, 1967, с. 23—25; Худайбердыев Т. Н. К истории териофауны Ташкентской области в антропогене. — В кн.: Экология и биология животных Узбекистана. Труды Института зоологии и паразитологии АН УзССР. Ташкент, 1972.

В Узбекистане ископаемые костные остатки джейрана известны со среднего плейстоцена до современности. Их находили в среднеплейстоценовых отложениях Пенджикентского карьера⁶, верхнепалеолитических слоях грота Обирахмат и мезолитических слоях Обишира V⁷.

Судя по костным остаткам джейрана на территории Ташкента и его окрестностей, с VI в. до н. э. по VII в. н. э. жители этого региона охотились на него, вероятно, в степях (голодностепские, мирзачульские) и в Ташкентском оазисе, где в настоящее время этот вид полностью вытеснен.

Архар. В раскопках Шаштепа обнаружено 52 кости, а на Кугаиттепа единичные экземпляры. Из них определены палец фаланги, пяточные и таранные кости архара (Шаштепа) и плечевые кости (Кугаиттепа). Всего исследовано 53 кости этого вида от 16 особей.

Кости архара отмечены в северо-восточном Узбекистане, в палеолитических слоях грота Обирахмат, пещере Кафтархона, Копчигай и Эмчакли⁸.

Нахождение костных остатков архара в Шаштепа и Кугаиттепа указывает на то, что в бронзовом веке и до V—VII вв. н. э. жители территории Ташкента и его окрестностей охотились на архара, вероятно, в расположенных поблизости Угамской и Пскемской возвышенностях, а также в Каржантау, где в настоящее время этот вид полностью истреблен.

Кабан. В раскопках Шаштепа обнаружено 7 костей от четырех особей. Представленные костные остатки — это в основном фрагменты нижней челюсти, отдельные коренные зубы, выпавшие из альвеол, обломки челюстей, трубчатых костей и пальцы фаланг. Обнаруженные кости резко отличаются от костей домашней свиньи более крупными размерами.

В Узбекистане костные остатки кабана известны со среднего плейстоцена до современности. На юге Узбекистана в Пенджикентском карьере⁹, в канале Даргом Самаркандской области, в толще красных песков на глубине 30 м¹⁰. В северо-восточном Узбекистане их находили в палеолитических слоях грота Оби-

⁶ Батыров Б. Х. Материалы по истории териофауны Южного Узбекистана в верхнем антропогене. Автореф. канд. дисс. (097). Самарканд, 1969, с. 1—34.

⁷ Худайбердыев Т. Н. Ископаемые млекопитающие Восточного Узбекистана. Тезисы доклада на совещании «Каменный век Средней Азии и Казахстана». Ташкент, 1972.

⁸ Худайбердыев Т. Н. К истории териофауны Ташкентской области в антропогене.

⁹ Батыров Б. Х. К истории териофауны долины Зарафшана в антропогене. Материалы Республ. науч.-техн. конф. молодых ученых и аспирантов (1967), сер. биол. Самарканд, 1968, с. 60—63.

¹⁰ Смирнов В. П. Череп ископаемого кабана из окрестностей Самарканда. Труды САГУ, нов. серия, геология, № 11, вып. 1. Самарканд, 1940, с. 34—36.

рахмат и мезолитических слоях Обишира V¹¹. В настоящее время в горных ущельях северо-восточного Узбекистана распространены повсеместно¹².

Нахождение костных остатков кабана в раскопках Шаштепа свидетельствует о том, что в Шаштепа жители Ташкента и его окрестностей охотились на кабана в долине р. Чирчик и Сырдарья, где в настоящее время в связи с освоением пойменных земель этот вид полностью вытеснен в горные ущелья.

Кулан. Кости кулана появляются в переходном (IV—II вв. до н. э.) слое Шаштепа, в нижних слоях поселения отмечено 3 кости от двух особей. Встречаются они и в Кугаиттепа (V—VII вв. н. э.) и Таукаттепа (табл. 8); там зафиксировано 10 костей от пяти особей. Представленные костные остатки обычно немногочисленны: в основном это верхние и нижние эпифизы длинных трубчатых костей конечностей. Костная ткань настолько рыхла и пориста, что кости рассыпаются при прикосновении к ним. Мы предполагаем, что они разрушились при извлечении из культурного слоя. Достаточно хорошо сохранились лишь фаланги пальцев (рис. 57, 2, 7).

В Восточном Узбекистане самые древние ископаемые костные остатки кулана обнаружены у Каракамыша под Ташкентом на голодноостепской террасе¹³. Полуископаемые костные остатки отмечены в культурных слоях городища Каунчитепа (VI в. до н. э. и II—III вв. н. э.), в окрестностях Ташкента¹⁴.

Судя по костным остаткам кулана на территории Ташкента и его окрестностей, жители региона охотились на него в Ташкентском оазисе, где в настоящее время этот вид полностью истреблен.

Лисица. Костные остатки ее обнаружены в поселениях Шаштепа и Кугаиттепа: найдены фрагменты верхней и нижней челюстей. Исследовано 12 костей от пяти особей.

Корсак. В поселениях Кугаиттепа и Таукаттепа найдены две нижние челюсти и шесть фрагментов трубчатых костей от трех особей.

Заяц-галай. В культурных слоях поселений Кугаиттепа и Таукаттепа встречено 9 костей от пяти особей.

---

¹¹ Худайбердыев Т. Н. Ископаемые млекопитающие Восточного Узбекистана.

¹² Железняков Д. Ф., Колесников И. И. Фауна позвоночных горно-лесного заповедника.— Труды Горно-лесного заповедника, вып. 1. Ташкент, 1958, с. 94—117.

¹³ Тетюхин Г. Ф. О стратиграфии четвертичных отложений Приташкентского района.

¹⁴ Громова В. И. Материалы к изучению древнейших домашних животных Средней Азии (по раскопкам Каунчитепа). Ташкент, УзФАН СССР, 1940, с. 40—61.

Тонкопалый суслик. В культурных слоях поселения Кугаиттепа найден один череп (рис. 58, 4).

Тушканчик. В поселении Таукаттепа обнаружена нижняя челюсть.

Ушастый еж. В поселении Кугаиттепа найдены две нижние челюсти и отдельный зуб от двух особей.

Заканчивая повидовой обзор костных остатков, подведем некоторые общие итоги их изучения. Мы исследовали костные остатки животных из раскопок поселений Шаштепа, Кугаиттепа и Таукаттепа периода VI в. до н. э. — V—VII вв. н. э. на территории Ташкента и его окрестностей. Общее количество определенных костей достигает 6206 экземпляров, происходящих почти от 1196 особей домашних и диких животных. По остаткам животных установлено 19 видов млекопитающих и два вида пернатых, из них восемь являются охотничьими животными и связаны с охотничьей деятельностью человека, а три остальных попали в культурный слой благодаря пернатым и четвероногим хищникам (тонкопалый суслик, тушканчик и ушастый еж).

Костные остатки диких животных единичны, только в раскопках Шаштепа они составляют 8,5% от общего количества особей. Для понимания значения охоты в хозяйстве на территории Ташкента и его окрестностей важны данные о видовом составе добытых животных, судя по которым у жителей исследуемого региона главными охотничьими видами были архар, олень, джейран, кабан и кулан; охотились они и за пушными зверями небольших размеров — лисой, корсаком и зайцем-талаем. Охотились в основном из-за мяса животных, пушнина была второстепенным продуктом.

Таким образом, в экономической жизни жителей Ташкента и его окрестностей охота играла не главную роль. Она, несомненно, сильно уступала животноводству, составлявшему вместе с земледелием основу местного хозяйства.

В IV—II вв. до н. э. на территории Ташкента и его окрестностей существовало очень высоко развитое животноводство, значительно более разнообразное по составу, чем у племен Восточной Европы. К этому времени местным животноводам уже были известны все виды сельскохозяйственных животных, крупный рогатый скот, овца, коза, свинья, лошадь, осел, верблюд.

В среднем по всем изученным поселениям на территории Ташкента и его окрестностей мелкий рогатый скот составлял более 46,5% всех найденных особей сельскохозяйственных животных. Второе и третье места делят между собой лошадь (25%) и крупный рогатый скот (18,8%). Разведение свиней имело второстепенное значение. На указанной территории жили племена коневодов и скотоводов. Скот и лошади составляли 91,6% от общего поголовья сельскохозяйственных животных, ослам и верблюдам

В местном животноводстве отводилось весьма скромное место (табл. 15).

Как отмечалось, в VI—IV вв. до н. э. видное место принадлежало мелкому рогатому скоту, что связано с прогрессом древнего земледелия по мере его развития в зоне орошаемых земель. Разведение мелкого рогатого скота, довольствовавшегося даже очень скудными пастбищами, становилось в хозяйственном отношении все более перспективным.

Таблица 15

Видовой состав животных на территории Ташкента

Вид	Шаштепа		Кугаиттепа		Таукааттепа	
	кость	особь	кость	особь	кость	особь
Крупный рогатый скот (<i>Bos taurus</i> L.)	270	58	280	67	110	39
Мелкий рогатый скот (<i>Ovis, arles, Capra hircus</i>)	1300	159	825	122	940	134
Свинья (<i>Sus scrofa domesticus</i>)	79	17	49	12	41	14
Лошадь (<i>Equus caballus</i>)	730	112	468	84	832	124
Осел (<i>Equus asinus</i>)	—	—	22	13	10	7
Собака (<i>Canis familiaris</i>)	3	2	54	14	9	3
Кошка (<i>Felis domestica</i>)	—	—	9	3	2	1
Верблюд (<i>Camelus dromedarius, camelus Bactrianus</i>)	25	10	13	7	7	3
Джейран (<i>Gazella subguturosa</i>)	7	4	1	1	3	2
Олень (<i>Cervus elaphus</i>)	5	3	2	2	1	1
Архар (<i>Ovis ammon</i> L.)	52	15	1	1	—	—
Кабан (<i>Sus scrofa</i> L.)	7	4	—	—	—	—
Кулан (<i>Equus hemionus</i>)	3	2	5	3	5	2
Лисица (<i>Vulpes vulpes</i>)	3	2	9	3	—	—
Корсак (<i>Vulpus corsac</i>)	—	—	5	2	3	1
Заяц-талай (<i>Lepus tolai</i>)	—	—	4	2	5	3
Тонкопалый суслик (<i>Spermophilopsis leptodactylus</i>)	—	—	1	1	—	—
Тушканчик (<i>Allactaga</i> sp.)	—	—	—	—	1	1
Ушастый еж (<i>Erinaceus auritus</i>)	—	—	3	2	—	—
Фазан (<i>Phasianus Colchicus</i>)	—	—	1	1	—	—
Утка (<i>Anas Platyrhynchos</i>)	—	—	1	1	—	—
Итого	2484	388	1753	349	1969	459

Изложенные фактические данные и попытки их интерпретации — лишь первый опыт конкретного понимания хозяйства жителей Ташкента и его окрестностей с VI в. до н. э. до V—VII вв. н. э. В процессе дальнейшего археологического изучения более широкого круга культур, по мере общего возрастания наших знаний об охоте и животноводстве приведенные выше данные подвергнутся существенной детализации, уточнениям и изменениям.

К ИСТОРИИ ФЕОДАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ ТАШКЕНТА

МАТЕРИАЛЫ О РАБАДАХ БИНКЕТА

Э. В. Рубина
В. А. Карасев.

Для понимания исторической топографии Бинкета, последовательности развития и времени обживания различных слагающих его частей немаловажное значение имеют материалы, полученные при раскопках летом 1979 г. в северной части рабада этого города.

Территориально данный район охватывает участок, ограниченный с севера и востока арыком Кокча, с юга проспектом Беруни и кинотеатром Гунча, с запада ул. Кургантепинская. Прежде он был плотно застроен одноэтажными домами с небольшими садиками, принадлежащими махалле Узгенд. В настоящее время здесь возводится жилой квартал Б-1, где при прокладке траншей и рытье котлованов обнаружили средневековые культурные слои. В связи с этим на территории данного квартала заложили пятнадцать небольших раскопов площадью 6—8 м², выявивших значительное количество бадрабов и линз культурных остатков. Наибольшее их количество нашли в южной части данного района, возле арыка Кокча.

Расположение раскопов (рис. 60) следующее: Р-1, 2, 5 в восточной части данного котлована; Р-3, 11—14 в стене траншеи 1, отходящей от южной стороны котлована по оси восток—запад; Р-7—9, 15 в траншее 2, идущей от юго-восточного угла котлована к проспекту Беруни; Р-6, 10 между арыком Кокча и траншеей 1 на расстоянии 50 м друг от друга; Р-4 на ул. Кургантепинская.

Р-1. В раскопе, в плотном лессовидном суглинке, выявлена яма глубиной 1 м, диаметром 3,5 м. Она заполнена слоем темноватой земли, насыщенной большим количеством фрагментов и целых глазурованных и безглазурных сосудов, обломками стеклянных изделий, костями животных и птиц. Яма перекрыта слоем плотной земли с остатками строительного мусора толщиной 25—30 см, над ним слой плотной глины с включением зольных пятен толщиной 28—30 см, в который с восточной стороны вклинива-

ется прослойка золы толщиной 2—10 см. Эти слои перекрывает хорошо утрамбованная глина, возможно, представляющая собой уровень двора (?), над которым видны прослойки органики зеленоватого цвета с вкраплениями золы и незначительным количеством фрагментов керамики X — начала XI в. и костей животных, толщина ее 6—8 см. Выше до уровня дневной поверхности залегает слой земли, перемешанный с современными мусорными остатками, толщиной 30—50 см. В начале этого слоя найдена распавшаяся на две части медная монета диаметром 24 мм со стертymi надписями. В заполнении ямы обнаружено значительное количество керамики.

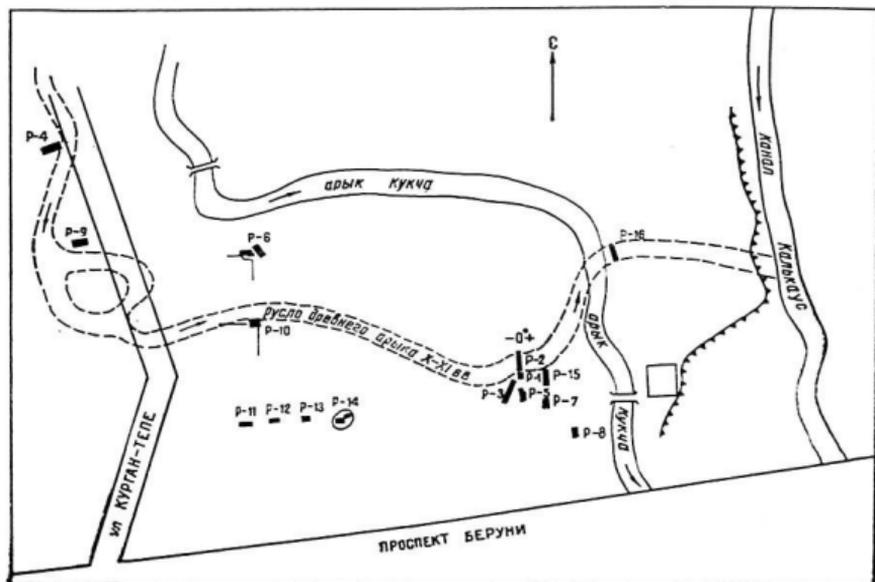

Рис. 60. План пунктов-раскопов в пределах строительства Б-1.

Р-2. Заложен в 2,5 м западнее Р-1. Здесь выявлено русло древнего арыка шириной 5 м, глубиной от современного уровня дневной поверхности до дна 1,6 м. Материалы из заполнения арыка дают представления о периодах его функционирования. Первый период отмечен двумя слоями общей толщиной 25 см в центре, из которых нижний состоит из отложений речного песка толщиной 13 см. Над ним светлый слой комковатой глины толщиной 10—12 см (рис. 61). В этот период, судя по характеру отложений, арык функционировал интенсивно, в нем было достаточно проточной воды. Затем наступил второй период, во время которого отмечалось частичное запустение арыка. В арыке застаивалась вода, в него сбрасывали кухонные остатки. Общая

толщина слоев этого периода 77—80 см. Нижний слой здесь представлен глинистыми отложениями зеленоватого цвета толщиной 15 см, над ним прослойки туюна толщиной 5 см, сменяющиеся плотным слоем глины с фрагментами окатанной водой керамики

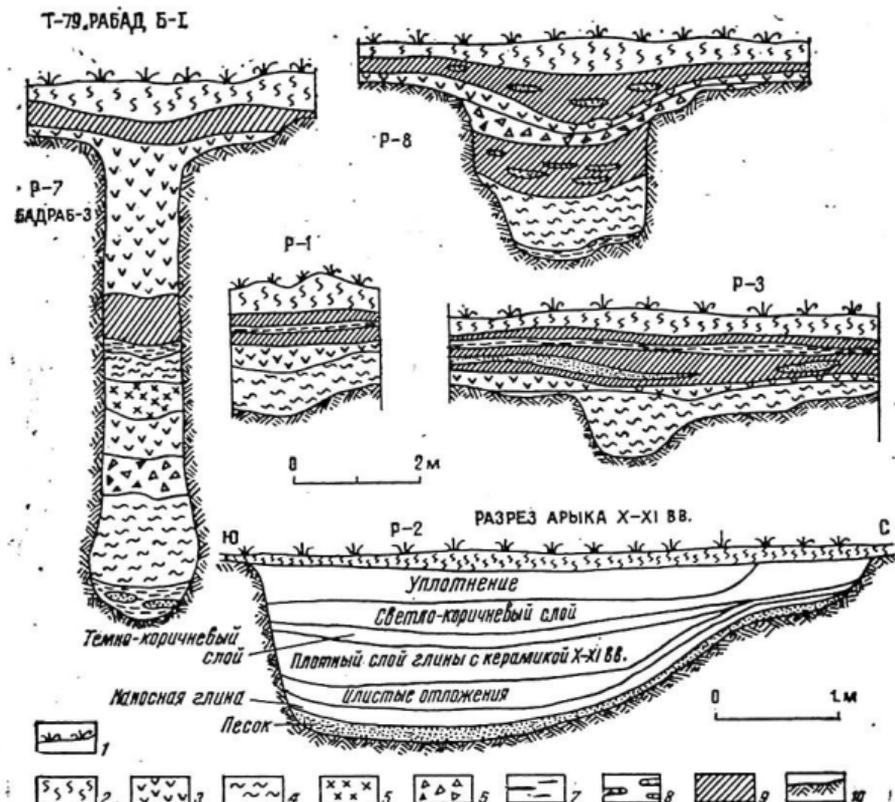

Рис. 61. Разрез русла канала в стенке котлована:

1 — дневная поверхность; 2 — слой современных отложений; 3 — строительный мусор; 4 — слой гумусированной земли с керамикой, стеклом и т. д.; 5 — слой с костями животных; 6 — обожженная глина; 7 — земля черного цвета; 8 — зольники; 9 — слой с значительным количеством керамики; 10 — материковый лесс.

X — начала XI в. и обломками жженого кирпича, выше этого слоя чередующиеся прослойки светло- и темно-коричневой глины толщиной 55—60 см. Третий период характеризуется окончательным запустением арыка, когда его, видимо, засыпали землей со строительным мусором и небольшим количеством фрагментов неокатанной керамики (в отличие от найденной в нижних слоях). Судя по ней, заброс арыка произошел в первой половине XI в.

Р-3. Заложен в трех метрах севернее раскопа 1 в разрезе

траншен 1, общая площадь 8 м². В раскопе найдено две линзы. Ширина обеих 1 м, диаметр 1,8 м. Дно их покрыто двадцатисантиметровым слоем плотной черной глины без культурных остатков. Над ними — заполнение толщиной 60 см из мелкофрагментированной неполивной и глазурованной керамики. Судя по цветовой гамме и глазури керамики, можно считать, что данные линзы заполнялись во второй половине XI в. Посуда представлена белофонной с черным орнаментом росписью, фрагментами чирагов плотно-зеленой поливы, осколком ручки от стеатитового сосуда, несколькими сипая. Вся керамика перемешана с золой и керамическим шлаком, что, видимо, свидетельствует о близости керамического производства. Керамическое заполнение перекрыто слоем коричневой глины с примесью мелкой гальки. Обе ямы заполнены до дневной поверхности битым жженым кирпичом и фрагментами сырцового. В этом слое обнаружена монета с именем ал-Махди.

Р-4 (2×1,5 м) заложен на ул. Кургантепинская. В настоящее время местность здесь на 2,5 м превышает остальную территорию района, в которой значительную часть прежнего микрорельефа, видимо, сnivelировали при строительстве домов.

В раскопе выявлена такая последовательность культурных слоев. Самый нижний слой — материковый лессовидный суглинок, над ним линзы культурных отложений толщиной 30—40 см, насыщенные фрагментами безглазурной и глазурованной керамики X — начала XI в. Выше нее прослеживается слой разрушенной пахсы с включением угольков и отдельных фрагментов керамики толщиной 30 см. Затем на всю ширину раскопа идет кладка из массивных пахсовых блоков, которую до уровня дневной поверхности сменяет плотно утрамбованный слой улицы толщиной 40—45 см. В блоках пахсы наряду с фрагментами керамики X — начала XI в. найдены обломки сосудов XIII—XIV вв., указывающие на время возведения этой стены, вероятно, окружавшей дом или приусадебный участок.

В нижнем слое раскопа, на глубине двух метров, найдена не поддающаяся определению медная монета.

Р-5. Расположен у северо-западного угла котлована. Площадь 4,5 м². В раскопе обнаружена яма эллипсоидной формы глубиной 2,7 м при ширине 1 м и длине 2,5 м. От дневной поверхности до дна заполнена плотным слоем гумусированной земли с отдельными фрагментами битого жженого кирпича. На самом дне находилась целая чаша диаметром 30 см с высокоподнятыми краями. Расписана неправильными толстыми темно-зелеными мазками, идущими от края к центру. В центре на белом фоне три больших неправильной формы пятна. Гладкое дно диаметром 10 см со следами подрезки. Чаша покрыта слегка сероватой прозрачной глазурью ишкорного типа. Керамика с подобной глазурью относится

к IX в. Тут же на дне ямы обнаружено еще четыре незначительных фрагмента глазурованной «ишкорной» керамики.

Поскольку заполнение ямы содержит большое количество органического перегноя, следует предположить ее использование в течение продолжительного периода для бытовых нужд.

Р-6. Раскоп расположен в 175 м севернее раскопа 1, у строящегося четырехэтажного жилого дома. Здесь выявлена огромная яма площадью около 20 м² при максимальной глубине 1,1 м от дневной поверхности. Яма заполнена большим количеством керамики, остатками костей животных, птиц, крупной рыбы, скорлупой яиц, битым жженым кирпичом и золой. Яма служила для сброса бытового мусора, многочисленного керамического брака и отвалов гончарного производства, о чем свидетельствуют найденные сипя, печной припаса, комки обожженной глины. Поскольку яма функционировала бесперерывно длительное время, резких делений на слои не наблюдалось. Вся керамика сильно фрагментирована и типична для XI в. Наряду с глазурованной и неполивной керамикой большое место занимают изделия из стекла светло-зеленого, темно-зеленого и синего цветов. Они представлены фрагментами более пятнадцати типов сосудов. Однако в отвале не обнаружено стекольного шлака или бракованных фрагментов стекла, поэтому нет основания говорить о его производстве на данном месте или где-либо поблизости.

Среди предметов из стекла отметим широкие вазы со штампованным орнаментом по овальному слегка приподнятому краю. Орнамент представляет вихревую розетку с семью отходящими от центра лучами. Найдены различные виды графинов, бутылочек, небольших, видимо, косметических сосудов, изящных ваз, длинноносых чайников и всевозможных бокалов.

В яме обнаружена серебряная монета начала XI в. и игральная кость.

Р-7. Расположен в юго-восточном углу котлована, в 40 м от арыка Кокча. Здесь выявлен бадраб колбообразной формы, вырытый в плотном лессовидном суглинке. Глубина бадраба 7,75 м, ширина 1,25 м, в нижней расширяющейся части 1,8 м, объем более 10 м³. В бадрабе зафиксировано большое количество слоев и прослоек. Толщина самого нижнего 55 см, состоит из слоя темной глины, вероятно, сброшенной в яму после каких-то строительных работ. Над ним залегают слои гумусированной земли с большим количеством керамики и стекла толщиной 1,3 м, накопившейся, видимо, длительное время и являющейся бытовыми отходами домашнего хозяйства. Его перекрывает слой комковатой обгорелой глины толщиной 65 см, вероятнее всего из очагов и тандыров. Следующий слой толщиной 77 см связан, несомненно, с проводившимися поблизости строительными работами, так как в нем найдено значительное количество фрагментов жженого и сырцового

кирпича, комков глины. Над ним слой толщиной 65—70 см, состоящий из костей животных и птиц и образовавшийся в результате одноразового сброса. Столь большое их количество позволяет предположить, что они являются отходами пищи после какого-то большого празднества. Выше него — слой битой посуды и стекла толщиной 50 см, видимо, также связанный с этим событием. Следующий слой — это плотная глина темноватого цвета без культурных остатков, толщиной 20—25 см, сбрасывавшаяся в бадраб, возможно, в санитарных целях, для перекрытия перегнивших остатков пищевых отходов. Далее следует слой бытовых остатков с керамикой и костями животных толщиной 75—80 см, затем — мощный слой строительных остатков толщиной 2,2 м, указывающий на весьма интенсивные производившиеся поблизости строительные работы.

Сверху бадраб перекрыт культурным слоем толщиной 30—35 см, содержащим керамику первой половины XI в., над которым до уровня дневной поверхности идет слой современного мусора, перемешанного с гравием.

Итак, этот бадраб можно рассматривать как прекрасный источник для характеристики различных сторон быта определенного хозяйства. Судя по наличию в бадрабе исключительно керамики X — первой половины XI в., он существовал около ста лет или немногим более этого.

Р-8. Расположен у восточной стенки траншеи 2, в 2 м южнее Р-7. Здесь также выявлен бадраб, но иной формы и размеров. Его глубина 3 м, диаметр 2,8 м, высокие стенки прямые, западная с небольшим выступом в нижней части. Нижний слой представлен отложениями бытового мусора и органики с большим количеством фрагментов безглазурной и глазурованной керамики X—XI вв. и обломков стеклянных изделий толщиной в центре 1 м, по краям 1,2 м. Выше него залегает аналогичный слой толщиной 90 см, включающий линзы золы и кости животных. Его перекрывает слой обожженной комковатой глины толщиной 20—25 см в центре и 15—50 см по краям, который сменяет слой строительного мусора толщиной 20—25 см. Над ним гумусированный слой земли с керамикой и кости животных, заходящий за края бадраба. Далее до уровня дневной поверхности следует слой современного мусора, перемешанного с гравием. Таким образом, характер и последовательность культурных отложений в этом бадрабе несколько иные, чем в предыдущем, а два последних слоя аналогичны. После заполнения бадраба его также засыпали строительными остатками.

Р-9. Заложено севернее левого берега арыка Кокча. В нем, как и в раскопе 2, находящемся от него в 80 м, зафиксировано русло древнего арыка аналогичной ширины и глубины, содержащее значительное количество сильно окатанной керамики X — первой половины XI в. Поскольку в настоящее время современный арык

Кокча пересекает русло древнего арыка, можно утверждать, что Кокча был выкопан уже после XI в. Судя по направлению, этот древний арык впадал в канал Калькауc, протекающий всего лишь в 90 м от раскопа 9.

Р-10. Заложен перпендикулярно южной границе котлована под новое здание. Размер 5×3, глубина 3 м. На глубину до 0,5 м от дневной поверхности слои перемешаны. Состав их — в южной части площадки слои лесса средней плотности с включением строительных остатков, зольники; в северной части раскопочной площадки на глубину до 1 м уходят фундаменты стен жилья начала XX в.; ниже — плотные заливки старых фундаментов. Материал из смешанных слоев многочислен — это монеты, разнообразная керамика XVII—XX вв. и фрагменты чаш, блюд, кувшинов, горшков более раннего времени.

В конце III яруса мешанный слой сменился слоем керамического отвала XI в. В нем найдены сипая, штыри и фрагменты глазурованной и безглазурной посуды. Среди керамики посуда с росписью коричнево-красной краской по оливковому фону, фрагменты с бирюзовой глазурью, коричнево-марганцевой росписью по белому фону, а также зеленоватой, коричнево-красной и черно-марганцевой росписью по оливковому фону; последние два вида росписи выполнены широкими мазками.

В начале IV яруса зафиксирован бадраб диаметром 0,7 м, в заполнении которого обнаружена керамика конца X в. С этого уровня характер культурных отложений несколько меняется — это однородный слой желтого лесса с включением керамики X в. Здесь же встречаются обожженные кирпичи размером 20×30×2,5—3 см.

В центре раскопа с конца IV яруса расчистилась мусорная яма, обильно заполненная битой керамикой (рис. 62). Диаметр ямы 1 м, глубина 80 см. Керамический комплекс дает большое разнообразие форм и орнаментальных решений: это полусферические чаши с плоскими бортами и перегибом борта в верхней части. Разнообразны коса, сосуды баночного типа; в большинстве случаев чаши и коса с кольцевым поддоном. Часть посуды пережжена, есть фрагменты чаш с прикалившимися к донцу сипая. Встречены фрагменты штырей.

Данная керамика изготовлена из хорошо отмученного розоватого и коричневатого теста. Ангоб отмечен на части сосудов. В сосудах без ангоба глазурь подкрашена в зеленый цвет и нанесена на поверхность сосудов. Обращает внимание монохромность глазури в керамике. Орнаментация — подглазурный штамп по сырому тесту или подглазурная гравировка. На дно чаши штампом наносили стилизованные цветочные розетки или плетенки, а по бортику — вертикально спускающиеся ко дну прямые полоски и лепестки. С конца V и начала VI яруса идет плотный материковый слой.

Р-11, Р-12, Р-13, Р-14. В 80 м севернее раскопа 3, вдоль траншеи 1 в 10 м друг от друга заложено четыре раскопа размером 2×2 м для выявления плотности обживания данного участка бабада. Результаты исследования показали, что хозяйства располагались друг от друга в 10—15 м. В раскопах Р-11, Р-13, Р-14 в полуметре от дневной поверхности обнаружены остатки неглубоких (до 1 м) хозяйственных ям, насыщенных керамикой, костными остатками и строительным мусором. Во всех раскопах выявлены и остатки фундаментов жилых домов или хозяйственных построек.

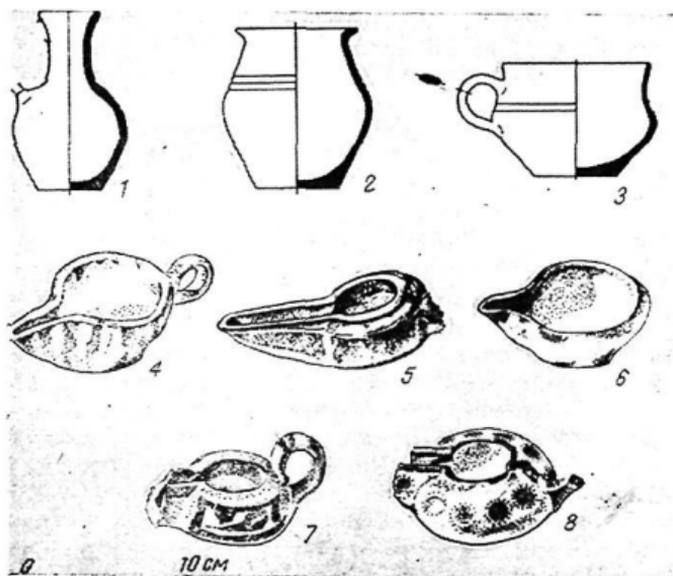

Рис. 62. Керамика.

В большинстве случаев встречался жженный кирпич 20×20××2,5—3 см. Керамика в ямах типична для XI в.

Р-15. На южной стороне котлована под новое здание, напротив первого раскопа, заложен новый раскоп, разделенный на две площадки по 8 м². На первой площадке прорезан плотный слой темной земли до 40 см толщиной, обильно заполненный строительным мусором, костями животных и керамикой XVIII—XX вв. Затем шел 15—35-сантиметровый слой зеленоватого цвета, содержащий комковатую глину и керамику XI—X вв. Культурный слой залегал непосредственно на материковом лессе. В центре площадки расчищен бадраб, начинающийся непосредственно с последнего слоя и имеющий колбообразную форму: у устья диаметр 80 см, внизу почти 2 м при общей глубине 5,75 м. Расположение слоев

в бадрабе дало довольно ясную картину исторического развития данного хозяйства в период функционирования бадраба.

Самый нижний слой толщиной до 5 см из плотной черной глины перекрыт 40-сантиметровым слоем зеленоватой земли с небольшим количеством керамики, костей животных и птиц, но с большим содержанием строительного мусора и извести. Большое количество костей животных, гумусированный цвет земли из заполнения ям и полная однородность содержимого без четких делений на слои говорят о быстром их заполнении. Каждая яма у дневной поверхности земли перекрыта плотным ровным слоем желтой глины толщиной до 30 см, свидетельствующей о проведении в хозяйстве небольших ремонтных работ. Следующий — третий слой с большим содержанием костей животных, крупных фрагментов глазурованной и неглазурованной посуды относится к концу X в. Поливная керамика чистого белого фона с кувическими надписями, выполненными черной и коричневой краской.

Четвертый слой серой комковатой глины достаточно плотный (до 35—37 см), содержит небольшое количество керамики. Он перекрыт сильно гумусированной землей. Незначительные фрагменты керамики плохой сохранности. Слой очень плотный, с зольниками и вкраплениями костей животных. Здесь обнаружены две медные монеты плохой сохранности.

Шестой мощный (до 1,45 м) слой заполнен большим количеством строительного мусора, спекшимися кусками глины, обгоревшими частями балок, кусками обуглившейся древесины, извести, многочисленными фрагментами жженого кирпича и кусками сырой коричневой глины, что свидетельствует, видимо, о небольшом пожаре и новых строительных работах. В слое отсутствует керамика, кроме трех-четырех незначительных фрагментов. Лежащий над ними седьмой слой толщиной до 25 см содержит уже большее количество керамики, но без надписей. Среди нее встречено несколько фрагментированных сосудов с подглазурной росписью по белому фону черной краской. Следующий слой толщиной до 70 см содержит органические остатки. В нем найдено незначительное количество глазурованной керамики, в очень большом количестве встречены сильно закопченные от длительного употребления кухонные котлы. Выше залегал слой (около 60 см) сероватой глины с вкраплениями золы, фрагментами кирпичей, кусочками извести и небольшим содержанием керамики. С этого же уровня меняется и общий цвет слоев: он светлеет. В слое все чаще попадаются косточки персика, урюка и винограда. Десятый, последний слой заполнения бадраба носит характер ускоренной забутовки. Тут и битый кирпич, всевозможный мусор, кости животных и птиц. В это время бадраб перестает функционировать и перекрывается культурным слоем.

На второй площадке раскопа 15, в 9 м от края предыдущего бадраба, обнаружен бадраб, перекрытый плотным слоем современного мусора и гравия. Он начинался из слоя XI в. на глубине 40 см от дневной поверхности. В начале бадраб неправильной формы, на глубине 70 см принимает правильную круглую форму диаметром 1 м. От начала до глубины 2,5 м бадраб полностью заполнен строительным мусором, еще через 1,25 м он разделен на 6 слоев с очень малым количеством керамики. В основном это неглазурованная керамика, представленная крупными кусками хумов, хозяйственной посуды типа тагора, кувшины, котлы и горшки. В слоях отсутствует стекло и содержится большое количество гумусированной земли. Два слоя полностью состоят из темно-серой золы. На глубине четырех метров расчистку бадраба прекратили из-за аварийности стенкой ямы.

Проведенные археологические исследования значительно расширяют наши представления о границах внешнего рабада Бинкета в северо-западном направлении. Установлено, что правобережье арыка Кокча на площади примерно 5 га было достаточно густо населено. Начало заселения этой территории, возможно, относится к концу IX в., а основной интенсивный период ее обживания, судя по керамике и монетам, — к X — первой четверти XI в. Упадок жизни в этой части рабада Бинкета приходится на XII в.; керамики или иных предметов материальной культуры этого времени здесь не отмечено. Восстановить особенности и характер этой территории невозможно, поскольку основные средневековые культурные слои уничтожены при последующем обживании. Однако судя по специфике заполнения бадрабов и частоте их расположения, можно предположить, что здесь находились в основном отдельные домашние хозяйства с приусадебными участками.

Ремесленное производство в данной части рабада, если и существовало, то весьма в незначительных масштабах, о чем свидетельствуют немногочисленные находки сипая и штырей, а также остатки сомнительной гончарной печи. Интенсивность обживания этой территории обеспечивалась протекавшим здесь арыком, бравшим начало, видимо, из Калькауза. Судя по его ширине и глубине, он был весьма значительным протоком, питавшим водой всю северо-западную часть рабада Бинкета.

Полученные археологические материалы подтверждают ранее высказанное мнение, что расцвет Бинкета и расширение территории города приходились на X — первую четверть или половину XI в., тогда как XII в. стал временем упадка и сокращения обживаемой площади города¹. Об этом наглядно свидетельствуют и нумизматические данные.

¹ Древний Ташкент, с. 86.

К этому же времени относится запустение второго по величине после Бинкета города Чача Харашкета². Таким образом, факт упадка двух крупнейших городов Чача представляется уже не случайным, а общим явлением, объяснения которому следует, видимо, искать во внутренних причинах и кризисах, поразивших распадающееся на все более самостоятельные уделы государство Караханидов.

О МОНЕТНЫХ ЧЕКАНАХ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОГО ЧАЧА

В. А. Лившицу Э. В. Ртвеладзе.

В 1972 г. при раскопках цитадели городища Ханабадтепа, расположенного на южной окраине современного Ташкента, в 0,5 км от берега р. Чирчик, в помещении 12, на уровне второго пола обнаружена медная монета с согдийской курсивной надписью. Краткое предварительное описание монеты без чтения легенды опубликовано одним из авторов настоящей части³. По стратиграфическим данным монета отнесена к первой половине VIII в. н. э. Дальнейшее изучение имеющихся на монете изображений и прочтение согдийской легенды позволяет установить место выпуска монеты и сделать вывод о важном ее значении и для истории денежного обращения, и для политической истории раннесредневекового Чача.

На лицевой стороне (рис. 63) в центре монетного кружка находится очень плохо сохранившееся изображение головы, обращенной вправо, в короне или диадеме. Слева за головой видны две изогнутых и одна прямая линия — очевидно, ленты, спускающиеся от диадемы. По краю монеты располагается круговая легенда согдийским курсивным письмом. Надпись начинается на уровне «10 часов», содержит 15 букв, из которых три первых и последняя не уместились целиком на монетном кружке из-за смещения штемпеля. Надпись можно прочесть следующим образом (в транслитерации в скобки заключены буквы, от которых сохранились лишь верхние части): (k'w)ugδn⁴ krgnw⁵ γw(β) «Кавирадн, государь Кабарна». Изображение и надпись заключены в круг из рельефных точек («перлов»).

На оборотной стороне монеты (рис. 63, б) слева расположена изображенная в фас фигура человека, сидящего со скрещенными ногами; лицо повернуто вправо; длинные волосы, головной убор конической формы. Правой рукой этот персонаж опирается на пояс; левая рука вытянута вверх и вправо в характерном жесте адо-

² Древняя и средневековая культура Чача, с. 182.

³ Ртвеладзе Э. В., Ртвеладзе Л. Л. Цитадель Ханабадтепа. — В сб.: Древности Ташкента, с. 28. Однако описание изображений на монете здесь приведено не совсем точно.

⁴ Или (k'w)ugδz, буквы п и z в согдийском письме могли не различаться по начертаниям.

⁵ Менее вероятно чтение этого слова как krgnw.

рации. Фигура, изображенная справа, прослеживается менее ясно. Мы видим здесь профильное изображение персонажа, сидящего на низкой «скамейке» (трон?). Детали лица и одежды различить не удастся. Как и на лицевой стороне, изображения на оборотной заключены в круг из «перлов». Диаметр монеты 20 мм, вес 1,6 г.

Насколько известно, до сих пор монеты описываемого типа не отмечены в нумизматической и археологической литературе, не встречались они и в доступных нам монетных собраниях. Монета с Ханабадтепа представляет несомненный интерес с точки зрения иконографической: возможно, она продолжает в конечном счете традицию среднеазиатских подражаний античным монетам, хотя прямых соответствий мы пока не обнаружили. Некоторые весьма далекие аналогии правого персонажа можно усмотреть в профильном изображении сидящего на «омфале» божества

Рис. 63. Монета Кабарна. Прорисовка.

на согдийских подражаниях тетрадрахмам Евтидема⁶. В то же время манера сидения со скрещенными ногами и очертания фигуры левого персонажа весьма схожи с персонажами раннесредневековых росписей Пенджикента⁷.

Особого внимания заслуживает согдийская надпись на монете. Курсивное письмо ее характерно для многих среднеазиатских эмиссий VII — первой половины VIII в. В круговой легенде достаточно уверенно можно выделить три слова. Первое из них — имя собственное правителя, начальные буквы этого слова сохранились частично. Наиболее вероятно чтение k'wugδp — сложное имя, в первой части которого можно видеть согдийское k'w «герой, великан»⁸. Последнее, третье слово легенды — титул ʔwβ (произносилось, по-видимому, хув) «государь, правитель», хорошо известный по многим типам монет, согдийским рукописям и документам.

⁶ Массон М. В. Древнесогдийская монета из собрания Музея истории Академии наук УзССР.— Труды Музея истории Узбекской ССР. Вып. II. Ташкент, 1954, с. 85—88; Зеймаль Е. В. Политическая история Древней Трансоксианы по нумизматическим данным.— В сб.: Культура Востока. Древность и раннее средневековье. Л., 1978, с. 200.

⁷ Скульптура и живопись Древнего Пенджикента. М., 1959, табл. XIV, VIII и далее.

⁸ Ср. согдийские имена Kawfarn, Kawifarn (i)č, см.: Согдийские документы с горы Муг. Вып. II: юридические документы и письма. Чтение, перевод и комментарии В. А. Лившица. М., 1962, с. 187; Weber D. Zur Sogdischen Personennamengebung. — Indogermanische Forschungen. 77. Bd., 1972, s. 197.

Титул $\gamma\omega\beta$ (вариантное написание $\gamma\omega\beta\omega$) носили правители различных по территории и политической значимости владений в Средней Азии эпохи раннего феодализма — от государя Бухары и князя Пенджикента до удельных владельцев небольших селений и сельских округов.

Второе слово легенды мы читаем как $krgpw$ и видим в этом слове согдийскую передачу названия одного из городов Чача, который у арабских географов именуется Кабагна (كبرنه — это написание может отражать и звучание Карагна). Этот город находился к востоку от пути, ведущего из Бинката в Тункат. Описывая важнейшие населенные пункты, лежащие на пути из Бинката в область Илак, ал-Истахри отмечал, что на расстоянии двух фарсахов от Бинката по реке Парак⁹ находится Джигукат, далее в двух фарсахх лежит Фаранкат (или Афаринкат), затем на расстоянии фарсаха располагается Багункат и в двух фарсахх Андукат, Кадак, Гадранк, Кабарна, Газак, Вардук и Джабузан, «все они на расстоянии одного дня пути или около этого»¹⁰. Транскрипция Кабарна для كبرنه в арабском тексте ал-Истахри подтверждается вокализацией Кабарна в сочинении ал-Мукаддаси (BGA, III)¹¹.

Таким образом, чтение согдийской легенды на монете из Хан-абадтепа позволяет заключить, что эта монета чеканилась правителем чачского города Кабарна (или Капарна).

По мнению Ю. Ф. Бурякова, раннесредневековый город Кабарна можно отождествить с городищем Кавардан. Оно открыто в 1972 г. в ходе реконструкции канала Хамдам¹², находится на северной окраине современного одноименного селения, в 25 км восточнее Ташкента и в 6 км от г. Янгибазар. Памятник расположен на левом берегу древнего русла Чирчика (ныне приток Карасу и канал Хамдам). Как отмечает Ю. Ф. Буряков, «городище занимает стратегически удобное положение: с севера и запада оно при-

⁹ В рукописях Trk вместо Brk. Река Парак (или Парк) соответствует современному Чирчику. См.: Бартольд В. В. Отчет о командировке в Туркестан. Сочинения. Т. VIII. М., 1973, с. 264.

¹⁰ *Viae regnorum. Descriptio dittonis moslemicae auctore Abu Ishák al-Fárisi al-Istakhri*, ed. M. Y. de Goeje. BGA. Lugduni Batavorum. 1870. с. 329, 345. Ср.: в персидском переводе труда ал-Истахри: «Дорога к Илаку в направлении на восток: от Бинаката до Джигуката — два фарсанга и до Фаранката — также два фарсанга, а до Андуката — один фарсанг. И Кадак, Гадранк и Кабарна, Газак, Вардук и Джабузан — все расположены на расстоянии одного дня пути». См.: Материалы по истории киргизов и Киргизии. Вып. I. М., 1973, с. 33. См. также: Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Сочинения. Т. I. М., 1963, с. 231.

¹¹ Ср.: Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г. Средневековый город Средней Азии. М., 1973, с. 199.

¹² Буряков Ю. Ф., Ростовцев О. М., Левин Г. Д. Работы Шашилакского отряда.— В сб.: Археологические открытия 1972 г. М., 1973, с. 457.

крыто излучиной Чирчика, сменившего здесь течение с западного на южное, с востока защищено естественной грядой предгорий — Околоксаем, впадавшим в Чирчик¹³. Площадь городища более 75 га; по-видимому, со всех сторон оно было обнесено крепостными стенами, причем сооружение этих стен с башнями можно датировать уже III—IV вв. н. э.¹⁴ В результате археолого-стратиграфических исследований на городище Кавардан установлено наличие нескольких культурных слоев — от первых веков нашей эры до XIII в. Важно, что для периода VII — начала VIII в. прослежен мощный культурный слой. К этому времени относятся остатки жилых зданий и монументальных крепостных стен, сложенных из крупноформатного сырцового кирпича и пахсы¹⁵. Возникновение города Ю. Ф. Буряков связывает с «вхождением оазиса в состав Кангюя, для периода которого характерно развитие городской культуры Чача. Изучение памятника показывает проникновение городской культуры Чача в районы предгорий, занятых ранее скотоводческими племенами»¹⁶.

Следует однако учесть, что монет с согдийскими надписями на городище Кавардан, насколько можно судить по опубликованным отчетам о раскопках этого городища, до настоящего времени не находили. отождествление Кавардана с раннесредневековым городом Кабарна базируется, помимо историко-топографических и археологических данных, на сходстве названий, особенно на сообщениях жителей, согласно которым современное название Кавардан «связывается с древним городом, носившим, якобы, название Кабарбанда»¹⁷. Соотношение топонимов Кабарбанда — Кабарна несколько напоминает варианты названия города Отрара в VII—VIII вв.: Т-ārбанд (из Турārбанд) — Утрар, однако нельзя забывать, что до сих пор названия Кабарбанда в письменных источниках, насколько известно, не обнаружено и что соотношение форм Кабарбанда — Кавардан также пока не ясно.

Городище Ханабадтепа принято отождествлять с раннесредневековым Нуджкатом — городом на пути из Бинката в Фергану и Йлак¹⁸. Как и на некоторых других памятниках Ташкентского

¹³ Буряков Ю. Ф. Историческая топография Ташкентского оазиса. Ташкент, 1975, с. 87.

¹⁴ Там же, с. 96.

¹⁵ Буряков Ю. Ф. Археологические материалы городища Кавардан.— ИМКУ, вып. 13. 1977, с. 70—87 (в слоях VII—IX вв. см. с. 75 и сл.).

¹⁶ Буряков Ю. Ф. Указ. соч., с. 86—87.

¹⁷ Буряков Ю. Ф. Историческая топография, с. 99.

¹⁸ См.: Массон В. М. Городище Ханабад. Сборник студенческих работ САГУ. Вып. 3. Ташкент, 1951; Массон М. Е. Ахангаран. Ташкент, 1953, с. 41; Буряков Ю. Ф. Историческая топография, с. 72; Древности Ташкента, с. 6. Согласно Худуд ал-Аламу, из Нуджката происходили лодочники, работавшие на реках Пар (а)к и Хашарт (Сырдарья); см.: Худуд ал-Алам, рук. Туманского. Л., 1930, л. 256; Hudūd al-Ālam. The Regions of the World, transl. by V. Minor-

оазиса, нумизматические находки на Ханабадтепа указывают на весьма сложную систему монетного обращения в Чаче в период, предшествующий арабскому завоеванию. Помимо издаваемой, на Ханабадтепа найдено около 40 медных и бронзовых монет, в том числе 24 в составе клада, обнаруженного в юго-западном коридоре цитадели в помещении 1¹⁹.

Большинство монет этого периода принадлежит к т. н. «тюрко-согдийским» эмиссиям. Археологические находки последних лет подтверждают правомерность предложенного О. И. Смирновой определения таких монет как выпускавшихся в пределах Чачского оазиса²⁰. Под «тюрко-согдийскими» монетами для территории Чача принято понимать прежде всего медные монеты, на лицевой стороне которых есть изображение бегущего вправо хищника (реального или полуфантастического), а на оборотной — виллообразной тамги и согдийской курсивной легенды, состоящей из двух слов — над тамгой «титул $\gamma\omega\beta\omega$; государь, правитель», под тамгой имя собственное $\text{tr}\beta\zeta$ (возможно, также вариантное чтение $\text{tr}^{\beta}\zeta$, менее вероятны чтения $\text{tr}\beta'$, tr^{β}') — «государь Тарнавч». По палеографическим данным, эти монеты можно датировать VII и началом VIII в. Монеты этого типа обнаружены на многих поселениях и городищах Чача и Илака (Алмалык, Бинакат, Канка²¹, Кендыктепа²², Мингурюк, Намудлиг²³, Тункат²⁴, Ханабадтепа²⁵), а также Отрарского оазиса (Отрартепа, Куйруктепа, Марданку-

---

sky, London, 1937, pp. 118, 357. Отметим попутно, что древнее название Сырдарьи — Хашарт ($\text{X}\dot{\text{s}}\text{art}$), засвидетельствованное у Ибн Хурдабиха, Мас'уди, в Худуд ал-Алам, в Каноне ал-Беруни, а также в среднеперсидском «Бундахишне», этимологизируется как адаптация восточноиранского (скорее всего согдийского) $\text{X}\dot{\text{s}}\text{art}$, букв. «текущая, стремящаяся вода», от корня $\text{x}\dot{\text{s}}\text{ag}$ — «течь». ср. ягнобское $\text{x}\dot{\text{s}}\text{art}\text{op}$, букв. «водопад» как название селения (селение у водопада), осетинское $\text{*}\dot{\text{x}}\text{s}\dot{\text{a}}\text{rd}\dot{\text{a}}\text{n}$ —«водопад» (из древнеиранского $\text{x}\dot{\text{s}}\text{art}$ (a)-сана).

¹⁹ Древности Ташкента, с. 21 и сл.

²⁰ Смирнова О. И. Согдийские монеты собрания нумизматического отдела Государственного Эрмитажа.—ЭВ, IV, 1951, с. 18—19, №№ 37—41, табл. II, рис. 5; Она же. Монеты древнего Пенджикента.—МИА, 1958, № 66, с. 224; №№ 404—421; Она же. Каталог монет с городища Пенджикент (Материалы 1949—1956 гг.). М., 1963, с. 130—133, №№ 747—774; Она же. Очерки из истории Согда. М., 1970, с. 182—183.

²¹ Абдуллаев К., Ртвеладзе Э. В. Нумизматические находки с городища Канка.—ИМКУ, вып. 12, 1975, с. 151.

²² Ерназарова Т. С., Кочнев Б. Д. Монетные находки с Кендыктепа.—В кн.: Древности Туябугуза. Ташкент, 1978, с. 123—124.

²³ Буряков Ю. Ф. Археологические данные по истории Намудлига.—ИМКУ, вып. 9, 1972, с. 105.

²⁴ Буряков Ю. Ф. Историческая топография, с. 156, 306.

²⁵ Ртвеладзе Э. В., Ртвеладзе Л. Л. Цитадель Ханабадтепа, с. 21—22. Всего здесь найдено около 30 экз., данных монет 16 в составе клада и более десяти в раскопах и подъемном материале.

юк)²⁶. Аналогичные монеты встречаются и в находках на памятниках самаркандского Согда, прежде всего в Пенджикенте²⁷ и на Афрасиабе²⁸.

Как показали находки в Ханабадтепа и на других памятниках, монеты рассматриваемого типа подразделяются на две группы — крупные (диаметр 18—22 мм, вес 2,0—2,8 г) и более мелкие (диаметр 14—17 мм, вес 1,4—1,8 г). Точно установить место выпуска этих монет пока не удалось. Не исключено, что это был один из городов Чачского оазиса. Несомненно одно — их широкое распространение в Чаче, Илаке и Отрарском оазисе, а также обращение в городах Самаркандского Согда. Типологически они, безусловно, связаны с монетами, на лицевой стороне которых также изображено бегущее вправо хищное животное, а на оборотной стороне — только занимающая все поле монеты вилообразная тамга; надписи нет. Такие анэпиграфные монеты известны по музейным собраниям²⁹, однако данных об их находках при раскопках памятников у нас очень мало³⁰. Неясно также, предшествуют ли анэпиграфные монеты этого типа монетам с надписью $\gamma\omega\beta\omega \tau\eta\beta\acute{\varsigma}$ или же анэпиграфные монеты более поздние, или, наконец, выпускались одновременно с монетами $\tau\eta\beta\acute{\varsigma}$ 'а. В одной из своих работ О. И. Смирнова предложила интерпретировать слово $\tau\eta\beta\acute{\varsigma}$ (или $\tau\eta\beta\acute{\varsigma}$) как относительное прилагательное, образованное суффиксом — $\acute{\varsigma}$ от $\tau\eta\beta$ или $\tau\eta\beta'$ — название местности, причем сопоставила $\tau\eta\beta$ ($\tau\eta\beta'$) с Отраром, выступающим в форме $\tau\alpha\rho\beta\alpha\eta\delta$ у Балазури и ат-Табари³¹; ср. также $\tau\eta\beta\alpha\eta\delta$ в мугском документе А-14. Р. Бурнашева считает монеты рассматриваемого типа, найденные на памятниках Отрарского оазиса, более ранними, чем чачские, основываясь на деталях изображения хищника, и относит их к концу VII в., полагая, что они должны быть синхронны монетам тюргешских каганов³².

Эти предположения нам кажутся необоснованными. С точки

²⁶ Бурнашева Р. З. Монеты раннего средневековья с городища Отрартобе и Отрарского оазиса (материалы 1969—1972 гг.).— В кн.: Древности Казахстана. Алма-Ата, 1975.

²⁷ См. работы О. И. Смирновой, указанные выше, а также: Смирнова О. И. Монетные находки на Пенджикентском городище (предварительное сообщение по материалам 1955—1956 гг.). АРТ в 1956 году.— «Труды АН ТаджССР», т. ХСІ, 1959, с. 162—163, 165—167; Давидович Е. А. Клады древних и средневековых монет Таджикистана. М., 1979, с. 62—63.

²⁸ Еризарова Т. С. Денежное обращение Самарканда по археолого-нумизматическим данным (до начала IX в.).— В сб.: Афрасиаб, вып. III. Ташкент, 1974, с. 219, №№ 165, 166.

²⁹ Смирнова О. И. Согдийские монеты собрания Нумизматического отдела, с. 19, № 41, табл. II, рис. 6.

³⁰ Одна подобная монета обнаружена при раскопках Ханабадтепа.

³¹ Смирнова О. И. Очерки из истории Согда. М., 1970, с. 182—183.

³² Бурнашева Р. Указ. соч., с. 63—65.

зрения иконографии, монеты из Отрарского оазиса, насколько можно судить по опубликованным материалам, не обнаруживают каких-либо архаичных признаков. Не представляется возможным лингвистически оправдать возведение $t\eta p\beta\check{s}$ (либо $t\eta'p\check{s}$) к согдийскому $T\grave{a}g\beta and$ или к реконструируемой предшествующей форме $T\grave{g}\grave{a}g\beta and$, $T\eta/ a\grave{g}\grave{a}g\beta and$ и, таким образом, доказать отрарское происхождение рассматриваемых монет. Следует также учесть, что и расположение, и содержание надписи на этих монетах показывают, что в $t\eta p/\beta\check{s}$ следует видеть имя собственное правителя — «государь Тарнавч» (или Тарāvч). Этимология имени неясна, но структура его показывает, что скорее всего оно согдийское.

К ДЕНЕЖНОМУ ОБРАЩЕНИЮ СРЕДНЕВЕКОВОГО ТАШКЕНТА

Э. В. Рымовская

При археологических раскопках на территории Бинкета, проводимых Ташкентским археологическим отрядом, в стратиграфических шурфах, разрезах и бадрабах найдено девять серебряных и тридцать медных монет. Среди них монета Чача — 1 экз., Согда с квадратным отверстием — 2 экз., Тюргешей — 1 экз., подражания бухархудатским монетам с именем Махди — 6 экз., Тахиридов — 1 экз., Саманидов — 8 экз., Караханидов — 7 экз., неопределенные — 14 экз.

Описание монет дано в хронологическом порядке. В конце каждого описания приводится металл монеты, диаметр (мм), вес (г), место находки с указанием номера шурфа или раскопа арабскими цифрами и археологического яруса римскими. Сохранность монет обозначена через C_1 (хорошая), C_2 (удовлетворительная) и C_3 (плохая). Для частично поврежденных монет вес не указан.

Чач

1. Л. с. В круге из крупных точек изображение двугорбого верблюда, идущего влево.

Об. с. В центре полустертый знак, по обеим сторонам которого согдийская легенда³³.

Медь; д — 16×14; в — 1,2; C_2/C_3 ; Гуль-базар, разрез II/К-17.

Ихшиды Согда

2. Л. с. Остатки легенды согдийским курсивом по сторонам квадратного отверстия.

Об. с. Часть У-образного знака.

Медь; четверть монеты; Гуль-базар, подъемная.

³³ Смирнова О. И. Каталог монет с городища Пенджикент. М., 1963, с. 43.

3. Монета с квадратным отверстием. Легенды и тамги стерты. Медь; д — 18; часть монеты обломана; Гуль-базар, котлован у мясного павильона, на глубине 4 м.

Тюргеши

4. Л. с. Изображение лука без тетивы с небольшим выступом в середине, сливающимся с одним из углов квадратного отверстия.

Об. с. Концентрическая легенда согдийским полукурсивом: «государя тюргешей-кагана деньга»³⁴.

Медь; д — 2,4; в — 3,9; С₁/С₁; Гуль-базар, котлован, западная часть, на глубине 4м/VIII.

Аббасидские подражания бухархудатским монетам

С именем наместника ал-Махди, без обозначения места и времени чеканки.

5. Л. с. В круге из сливающихся между собой точек мужской бюст вправо, в короне из двухступенчатых зубцов. Между верхними краями зубцов шар, на который опирается полумесяц с точкой. В ухе крупная круглая серьга. Волосы, ниспадавшие на затылок, переданы в виде букли. За затылком три точки. Плечо и грудь переданы линией из точек. Внутри три кружка. Перед лицом согдийская надпись, позади арабская легенда ал-Махди.

Об. с. В центре колонный алтарь огня на ступенчатом основании, над ним в пламени голова царя вправо. С двух сторон от алтаря фигуры мобедов с приподнятыми копьями в руках.

Серебро; д — 25; в — 3,9; С₁/С₁; мазар Турсуната, шурф/V, рядом с костяком.

6. То же.

Серебро; д — 2,5, с одной стороны монета обломана; С₁/С₂; Калля-хана, во дворе школы 46, шурф 11/III над костяком.

7. То же. Состоит из нескольких фрагментов.

Серебро; д — 2,6; С₃/С₃; стадион «Спартак», шурф 4/IV.

8. То же. В нескольких местах края монеты обломаны.

Серебро; С₃/С₃; рабад, квартал Б-1, Р-2/линза.

9. То же. Монета сломана посередине.

Серебро; д — 25; С₁/С₁; найдена во дворе дома Ш. Шаякубова при рытье ямы, на территории шахристана Бинкета.

10. То же. Монета с края обломана.

Серебро; д — 25; С₂/С₃; северная часть медресе Кукельдаш, шурф 5/IV.

³⁴ Смирнова О. И. Указ. соч., с. 123, № 693.

Саманиды

Правитель?

11. Бинкет. 22 г. х? (835—843 г.).

Л. с. В поле суннитский символ веры в три строки.

Кругом, между двумя линейными ободками выпускные сведения:

Во имя Аллаха бит этот фельс в Бинкете...

...22?

Об. с. В точечном круге вторая часть символа веры. Кругом между линейными и точечными ободками...

Из того, что приказал...

Медь; д — 20; в — 1,8; C₂/C₃; Гуль-базар, шурф 1/VII.

Иахия б. Асад (204/819—244/855).

12. Бинкет. Год?

Л. с. В поле суннитский символ веры в три строки, под ним три точки, одна сверху и две снизу. Кругом, между двумя линейными ободками, выпускные сведения.

Об. с. В точечном круге — вторая часть символа веры в три строки, под ним — имя Йахии.

Кругом, между точечными и линейными ободками, неразборчивая легенда.

Медь; д — 20; в — 1,9; C₁/C₂; Гуль-базар, разрез, кв. 17/II.

Тахириды

Тахир б. Абдаллах.

13. Шаш. Год?

Л. с. В поле суннитский символ веры в три строки, под ним кунья Абу Абдаллах. Кругом, между двумя линейными ободками легенда с выпускными сведениями и именем Тахира.

Об. с. В точечном круге легенда, содержащая вторую часть символа веры и имя халифа Мутаваккила; кругом между точечным и линейным ободками 9-й стих 61-й суры Корана.

Медь; д — 25; в — 2,7; C₁/C₂; 1969 г. Гуль-базар, в котловане мечети Ходжи Ахрара, на глубине 3 м.

Саманиды

Наср б. Ахмад (301 г. х./914—331 г. х./943).

14. Ахсыкет. 330 г. х./941—942.

Л. с. В поле, в линейном круге первая часть суннитского символа веры в три строки. Под ним имя — Малик³⁵. Кругом,

³⁵ Видимо, Малик б. Сунгар (?)-тегин — владетель Ферганы. О его монетах см.: Давидович Е. А. Владетели Насрабада (по нумизматическим данным). — КСИИМК, вып. 61. М., 1956, с. 107—113; Кочнев Б. Д. Заметки по

между двумя линейными ободками, легенда с выпускными сведениями: **بِسْمِ اللَّهِ رَبِّهِذَا الْفَلَسُ بِأَحْسَكْتِ سَنَهُ ثَلَاثِينَ وَثَلَاثِيَةَ**

Об. с. В поле, в точечном круге вторая часть символа веры. Над ним **اله**, под ним имя **نصر** — Наср. Кругом: **مما أمر به الأمير**

السيد نصر بن أحمد ...

Из того, что приказал ал-Амир ас-Са'ид Наср б. Ахмад...

Медь; д — 2,4; в — 4,8; C₁/C₂; 1980 г.; Гуль-базар, подъемная.

Мансур б. Нух (350 г. х./961—365 г. х./976).

15. Бухара 353 г. х./964.

Л. с. В поле, в точечном круге первая часть суннитского символа веры в три строки. Кругом, между точечным и линейным ободками выпускные сведения.

Об. с. В поле, в точечном круге вторая часть символа веры, под ним имя Мансур б. Нух. Кругом между точечным и линейным ободками 3-й (4) и 4-й (5) стихи 30-й суры Корана.

Медь; д — 2,3; в — 2,1; C₁/C₁; 1980 г.; Гуль-базар, подъемная.

Нух б. Мансур (365/976—387/997).

16. Бухара? 37? г. х.

Л. с. В поле, в точечном круге, суннитский символ веры в три строки. Кругом частично сохранившаяся легенда с выпускными сведениями.

Об. с. В поле, в точечном круге, легенда в четыре строки со второй частью символа и именем Нуха б. Мансура.

Кругом легенда с эпитетами Нуха б. Мансура и благопожеланиями ему.

Медь; д — 2,5; в — 3,1; C₂/C₂; 1979; квартал Б-1, объект 6, на глубине 1,5 м.

Саманиды (?)

17. Город? Год?

Л. с. В поле, в линейном круге, суннитский символ веры в три строки. Кругом почти полностью стертая легенда с выпускными сведениями.

Об. с. В поле, в линейном круге, вторая часть символа в три строки. Кругом частично сохранившаяся легенда.

Медь; д — 1,9; C₃/C₃; 1979; квартал Ц-18, шурф 2/III.

18. Город? Год? Почти все легенды, кроме символа веры, стерты.

Медь; д — 17; C₃/C₃; 1968 г.; стадион «Спартак», разрез 1, бадраб 4/VII.

19. То же, что и предыдущая монета.

средневековой нумизматике Средней Азии. Часть I.— ИМКУ, вып. 14. Ташкент, 1978, с. 121—123.

Медь; д — 25; С₃/С₃; 1968 г.; стадион «Спартак», разрез, бадраб 4/VII.

Все три монеты № 15—17 по почерку, расположению легенд и общему облику можно отнести к IX—X вв.

Караханиды

20. Тункет. 405 г. х./1014—1015 г. В поле, в линейном круге, суннитский символ веры в три строки. Кругом две легенды. Внешняя легенда стерта, внутренняя содержит выпускные сведения.

Об. с. В поле, в линейном круге, легенда в пять строк. Круговая легенда не сохранилась.

Серебро; д — 23; С₂/С₃; 1979; квартал Ц-18; траншея, часть монеты обломана.

21. Город? Год? Правитель? Халиф ал-Кадир (381/991—422/1031).

Л. с. В поле, в двойном линейном круге, суннитский символ веры в три строки. Круговая легенда стерта.

Об. с. В поле, в линейном круге легенда в пять строк. Вверху Аллах, под ним Мухаммад, посланник Аллаха, в третьей строке Кадир-биллях, остальные надписи стерты. Круговая легенда не сохранилась.

Серебро; д — 23; С₃/С₃; 1979 г.; квартал Б-1, бадраб 2, один край монеты обломан.

22. Юсуф б. Абдаллах.

Шаш, (29) 4 г. х./1003—1004.

Л. с. В поле, в обрамлении из венка, легенда в две строки: Юсуф б. Абдаллах. Все это заключено в двойной линейный и точечный ободки. Кругом частично сохранившаяся легенда с выпускными сведениями.

Об. с. В поле, в двойном линейном и точечном круге, надпись в четыре строки: «Богу! Мухаммад посланник Аллаха. Хан справедливый». В круговой легенде сохранились отдельные буквы, не дающие связного чтения.

Медь; д — 27; С₂/С₂; 1979 г.; квартал Б-1, бадраб 2.

Монета в четырех местах обломана.

Караханиды (?)

Город? Год? Правитель?

23. Л. с. В двойном линейном круге стертая легенда, различимо слово Джалил.

Об. с. В линейном круге вторая часть символа веры, далее стерто.

Круговая легенда стерта.

Медь; д — 20; С₃/С₃; Гуль-базар, разрез, квартал 21/1, с керамикой XI в.

23. Л. с. В линейном круге почти стертая легенда.

Об. с. Круговая и центральная легенды стерты.

Медь; д — 20; С₃/С₃; найдена там же.

24. Как предыдущая.

Медь; д — 20; С₃/С₃; найдена там же.

Эти монеты по почерку, расположению легенд и общему облику можно отнести к XI в.

Саманиды (?) Караханиды (?)

25. Расположение легенд, оформление монетного кружка, почерк указывают на X—XI вв., как на наиболее вероятную дату чеканки этой монеты.

Медь; д — 22; С₃/С₃, частично обломана; стадион «Спартак», разрез 1, бадраб 4/VII, с керамикой X—XI в.

Кроме описанных выше монет в различных частях Бинкета (квартал Б-1, Гуль-базар, стадион «Спартак», медресе Кукельдаш, Турсун-ата мазар), в шурфах и разрезах найдены еще 15 монет, не поддающиеся определению из-за очень плохой сохранности.

Денежное обращение Бинкета — крупнейшего средневекового города Ташкентского оазиса фактически не изучено. В научной литературе сведения о находках монет на территории этого города исключительно редки³⁶.

Публикуемая коллекция монет, хотя и немногочисленна по размерам, но достаточно выразительна, поскольку исходя из состава этих монет можно частично наметить основные периоды денежного обращения Бинкета.

Особенно важно, что все монеты имеют точный паспорт находки в определенных стратиграфических слоях, что позволяет датировать не только сопровождающий их комплекс предметов материальной культуры, но и время освоения того или иного участка города.

В коллекции есть монеты от VIII до первой половины XI в., более поздние не обнаружены, хотя не исключено, что среди неопределенных есть монеты послемонгольского времени. Удивляет отсутствие монет второй половины XI—XII вв. Что это, показатель упадка денежного обращения и жизни в городе или какое-то иное явление? Ответить на этот вопрос однозначно пока невозможно. Нельзя однако не обратить внимание на то, что места находок монет (цитадель—шахристан—рабад) различны и расположены на большом расстоянии друг от друга, а ссылка на отсутствие слоев этого времени была бы неприемлема. Особенно пока-

³⁶ Массон М. Е. К вопросу «О черных дирхемах» Мусеяби.— Труды ИАН УзССР, вып. 7. Ташкент, 1955, с. 181; Давидович Е. А. Неопубликованные монетные находки на территории Узбекской ССР. Там же, с. 160.

зательны в этом отношении раскопки в рабаде Бинкета, на территории квартала Б-1, где отмечены археологические слои X — первой половины XI в. и отсутствуют слои последующего времени.

Наиболее ранними из числа найденных в Бинкете монет являются две монеты с квадратным отверстием, тюргешская и с изображением двугорбого верблюда. С одной стороны они отражают самый ранний этап денежного обращения в Бинкете, с другой — показывают, что зарождение города относится ко второй половине VIII в., причем его ядром была территория в районе мечети Ходжа Ахрара, медресе Кукельдаш и Гуль-базара, где концентрируются находки наиболее ранних монет.

Большой интерес представляет монета с изображением двугорбого верблюда. Три монеты из Эрмитажного собрания с аналогичным изображением и надписью изданы О. И. Смирновой³⁷. Наша монета отличается от них наличием на оборотной стороне знака и иным расположением надписи. Где выпускались данные монеты, определить пока трудно; в частности, монеты с изображением двугорбого верблюда, но другого типа найдены на городище Варахша, однако не исключено, что они могли выпускаться и в Чаче.

Тюргешская монета обычного типа в Бинкете обнаружена впервые, но находки их не редкость на территории Большого Ташкента и его окрестностей. Их находили на Актепе Чиланзарском, Минг-Урюке, Ханабаде и Киндыктепа. По-видимому, в VIII в. их роль в денежном обращении этого района была достаточно важной.

Находки аббасидских подражаний бухархудатским монетам на территории Бинкета описаны в научной литературе. М. Е. Массон упоминает о найденном в старой части города кладе «черных дирхемов» Мусеяби из 39 экз.³⁸, а Е. А. Давидович отметила дирхем, обнаруженный при реставрационных работах в медресе Ходжа Ахрара³⁹.

Таким образом, на территории Бинкета уже зафиксировано достаточно большое количество этих монет, причем в основном в слоях X — первой половины XI в. Это свидетельствует о том, что в то время они составляли неотъемлемую и весьма важную часть монетной массы, обращавшейся в Бинкете.

О значении уникального до недавнего времени фельса Йахия б. Асада нам уже приходилось писать⁴⁰. Обнаружение монет этого правителя как самостоятельного, так и совместного с Тахиром б. Абдаллахом чекана на Киндыктепа позволили Б. Д. Коч-

³⁷ Смирнова О. И. Согдийские монеты собрания Нумизматического отдела Государственного Эрмитажа. — ЭВ, 4. М.—Л., 1951, с. 22, табл. II, рис. 8.

³⁸ Массон М. Е. Указ. соч., с. 181.

³⁹ Давидович Е. А. Указ. соч., с. 160.

⁴⁰ Ртвеладзе Э. В., Ртвеладзе Л. Л. Первый фельс Йахия ибн Асада. — ЭВ, вып. XXI, Л., 1972, с. 30—31.

неу уточнить время и особенности их чеканки⁴¹. Другой раннесаманидский фельс Бинкета из нашей коллекции принадлежит, вероятно, к выпускам Нуха б. Асада (819—841/42). Типологически он близок прежде изданным бинкетским монетам этого правителя, но чеканен, видимо, иным штемпелем.

Описанные выше монеты составляют, очевидно, первый период денежного обращения в Бинкете (конец VIII — первая половина IX в.), для которого характерен довольно разнообразный состав монетной массы — раннесредневековые монеты Чача и тюрешей, ихшидов Согда и аббасидские подражания бухархудатским монетам, раннесаманидские и тахиридские фельсы.

Из-за небольшого количества монетных находок мы пока не можем охарактеризовать другие периоды денежного обращения в этом городе. В частности, в нашей коллекции отсутствуют монеты второй половины IX — начала X в. По нашему мнению, это случайное явление: как известно, в 306 г. х./918—19 г. в Бинкете чеканились медные фельсы от имени саманидского амира Насра б. Ахмада⁴². М. Е. Массон полагает, что в саманидское время Бинкет принадлежал к числу небольших монетных дворов с малым масштабом работы, рассчитанным на удовлетворение потребностей города и округа преимущественно в разменной монете⁴³. Не исключено, впрочем, что монетный двор Бинкета и Шаша — это одно и то же и монеты, на которых место выпуска обозначено как Шаш, чеканились в Бинкете. Однако данная гипотеза нуждается в серьезных доказательствах и предложена в качестве рабочей.

Достаточно определенно выделяется и раннекараханидский период денежного обращения в Бинкете. Состав монет довольно однообразен — это дирхемы и фельсы, чеканенные на монетных дворах, расположенных в пределах Ташкентского оазиса, и аббасидские подражания бухархудатским монетам. Определенный интерес представляет то, что из семи караханидских монет три серебряные, находки которых в культурном слое на городищах и поселениях — не столь частое явление. Возможно, это указывает не только на состоятельность населения той части рабада, где они были найдены, но и на достаточно большое количество аналогичных монет в денежном обращении Бинкета рассматриваемого периода⁴⁴.

⁴¹ Древности Туябугуза, с. 150—151.

⁴² Давидович Е. А. Новые данные по истории Саманидов (клад медных монет IX—X вв. из Самарканда). — В сб.: Средняя Азия в древности и средневековье. М., 1977, с. 115.

⁴³ Массон М. Е. Ахангаран. Ташкент, 1953, с. 77.

⁴⁴ Большинство публикуемых монет обнаружили при раскопках Л. Л. Ртвеладзе и В. Карасев, которым автор приносит искреннюю благодарность.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Рассмотрение некоторых материалов и первых итогов комплексных археологических исследований последних лет в пределах «Большого Ташкента» позволяет воссоздать историю последовательного освоения этой территории древним человеком, восстановить этапы древнейшего обживания, формирования оседлой жизни у истоков городской культуры, проследить начало урбанического процесса, бурный рост которого в эпоху поздней античности и раннего феодализма неоднократно отмечался исследователями, запечатлен в средневековых письменных источниках и составлял характерную черту развития историко-культурного региона Чача.

В результате исследований установлено, что задолго до формирования оседлой жизни занятая городом территория оазиса Чирчика была широко освоена первобытным человеком с эпохи древнекаменного века.

В эпоху поздней бронзы она была ареной передвижения племен, носителей культур степной бронзы, оставивших здесь могильники и следы кратковременных стоянок. По характеру материальной культуры это были представители культур андроновско-тазабагъябского круга, ареал распространения которых охватывал огромные пространства степей и долин Казахстана и Средней Азии от Западной Ферганы до Аральского моря. Природные же условия Ташкентского района с разветвленной естественной гидросетью и заболочиваемыми низинами создавали благоприятную обстановку для занятия примитивным каирным земледелием и расселения на этой территории оседлых групп.

В результате стратиграфических исследований памятника Шаштепа зафиксировано распространение на орошаемой арыком Джун территории древнеземледельческого населения, носителей бургулюкской культуры.

Передвижение сюда бургулюкцев на позднем этапе развития этой культуры расширило ареал ее распространения, ранее огра-

ниченный долиной Ахангарана, районом современного Туябугузского водохранилища и г. Янгиюля.

Первое оседлое поселение на территории будущего Ташкента, возникшее не позднее VI в. до н. э., явилось и самым северным пунктом распространения бургулюкской культуры.

Население этого поселка, живя в окружении кочевников, отличалось от них более высоким развитием культуры и хозяйства, хотя и было связано с ними тесными взаимоотношениями и, надо полагать, этническим единством. Обе группы населения входили в единый круг сакских племен, к которым, видимо, в той же мере, как к европейским скифам, можно приложить геродотово деление на скотоводов и пахарей.

Оседлое поселение на Шаштепа существовало в течение нескольких столетий, не меняя облика полуземляночных жилищ и основного комплекса материальной культуры, отличавшегося консерватизмом. Тем не менее, во внутреннем социально-экономическом строе оседлых земледельцев происходили медленные подспудные изменения, заметные лишь по некоторым новым чертам материальной культуры, приведшие к сложению качественно нового комплекса (Каунчи) и зарождению городской культуры. Проявлением этого процесса, урбанического по существу, было появление оборонительных укреплений на поселении Шаштепа и сложение каунчинской культуры, ставшей содержанием и субстратом позднейшего развития городской культуры Ташкента.

Вопросы определения хронологических рамок бургулюкской культуры и Каунчи, как и их взаимоотношения и вопросы происхождения, хоть и освещаются новыми фактическими материалами, все еще остаются проблематичными. В литературе, посвященной этим проблемам, исследователи выдвигают свои точки зрения, пересматривают прежние взгляды на те или иные стороны данного вопроса. Однако до настоящего времени из-за неизученности многослойных памятников, например, бургулюкской культуры, не представлялось возможным четко выделить этапы ее развития, определить хронологический диапазон существования и установить верхнюю границу ее развития в Чаче. Точно так же из-за отсутствия полной и четкой стратиграфии каунчинских памятников не удавалось окончательно сопоставить с культурными горизонтами те или иные комплексы керамики, определить отправную точку их развития и абсолютную хронологию, перекинуть «мостик» между культурами Бургулюка и Каунчи, хотя относительная последовательность их бытования и смена бургулюкского комплекса каунчинским устанавливалась вполне определенно.

Передатировка бургулюкской культуры IX—VII вв. до н. э. (X. Дуке)¹, вполне оправданно базирующаяся на накопленном

¹ Дуке X. Древности Туябугуза, с. 89.

за последние годы материал изучения вновь открытых культур расписной керамики, увеличила хронологический разрыв между ней и культурой Каунчи по сравнению с датировкой А. И. Тереножкина. Если при датировке бургулюкской культуры А. И. Тереножкиных VI—IV вв. до н. э. и культуры Каунчи II—I вв. до н. э.² оставалась незаполненной ступень в периодизации культур Чача, приходящаяся на III в. до н. э., то при передатировке Бургулюка этот разрыв увеличился до 400 лет. Если при этом учесть, что нижняя граница каунчинской культуры была поднята до I в. н. э.³ или до I в. до н. э.⁴, то разрыв составлял уже около 600 лет.

Безусловно, было бы искусственным признать на территории Ташкентского оазиса, ставшего одним из древнейших очагов развития земледельческой культуры, такое длительное запустение, такой неоправданный регресс. Поэтому исследователи пытались найти возможность сблизить эти культуры: высказывались предложения выделить в бургулюкской культуре несколько этапов и растянуть время ее бытования (Х. Дуке)⁵ или датировать культуру более поздним периодом, дотягивая ее верхнюю границу до II—I вв. до н. э. (Ю. Ф. Буряков, Г. Дадабаев) и приблизив ее к началу Каунчи I.

Л. М. Левина также не отрицает возможности уточнения нижней даты Каунчи I в сторону ее не очень существенного заглубления. Недавно предложена новая датировка верхнего этапа бургулюкской культуры Чача, к сожалению, не подкрепленная самим разбором комплекса и результатами стратиграфического исследования памятников (Ю. Ф. Буряков), поздний этап культуры датирован VI—III в. до н. э.⁶ При разном в датировках культур и хронологическом разрыве между ними некоторые исследователи (Л. М. Левина) отрицают и возможность их родства.

В результате изучения стратиграфии Шаштепа, ниже которого лежит Бургулюкский комплекс, а выше Каунчи, выявлена последовательность и, главное, непрерывность развития культур, получена возможность с привлечением материалов других памятников говорить о перерастании одной в другую. Впервые стратиграфически четко прослежено отсутствие какой-либо лакуны как в последовательности обживания памятника, так и в развитии культуры Чача, поскольку они представлены на Шаштепа полностью. Появилась возможность предложить периодизацию его культуры на ранних этапах. Нижний культурный комплекс памятника — Шаштепа I (VI—IV вв. до н. э.) — определяет завершающий этап

² Тереножкин А. И. Согд, с. 158.

³ Толстов С. П. К вопросу о датировке культуры Каунчитепа.— ВДИ, 1946, № 1, с. 175—176.

⁴ Левина Л. М. Указ. соч., с. 178.

⁵ Дуке Х. Древняя и средневековая культура Чача, с. 44.

⁶ Буряков Ю. Ф. Древняя и средневековая культура Чача, с. 170.

развития бургулюкской культуры на территории Ташкента, его верхнюю границу, когда при наличии самостоятельно развивающегося комплекса ощущаются связи с поздними этапами развития чустской культуры Ферганы — эйлатанским и шурабашатским.

Комплекс Шаштепа II (III — начало II в. до н. э.) — первый этап переходного периода, содержание которого в перерастании бургулюкской культуры под влиянием привнесенных черт других культур (Ферганских, сако-усуней, сарматоидного круга и др.) в культуру Каунчи. Как показывают материалы Шаштепа, кроме фактора влияния, в генезисе каунчинской культуры можно предположить и непосредственное этнокультурное участие пришельцев, в частности, носителей сарматоидных культур, пришедших в движение еще до начала великого переселения племен кочевников, вторгнувшихся в глубинные районы Средней Азии.

Комплексом переходного периода заполняется лакуна между Бургулюком и Каунчи, фиксирующим перерастание первой в начальный этап второй. Обнаружение такого комплекса в Чаче позволяет включить его территорию в пределы основного района, колыбели формирования каунчинской культуры, составившей впоследствии городской пласт Ташкента и обнаруженной на всех археологических памятниках в его пределах.

Комплекс Шаштепа III (II—I вв. до н. э.) — второй этап переходного периода, тождественный стадии Каунчи 1, характеризующийся накоплением признаков, предопределяющих появление качественно нового комплекса собственно культуры Каунчи (Каунчи 2) с начала нашей эры. Развитие этого комплекса прослеживается на других памятниках в пределах Ташкента, в частности, на Таукаттепа, поселении с мощным архитектурно-строительным комплексом и сложившимся типом планировки, определившим следующий этап развития градостроительного процесса на территории Ташкента.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава I. К вопросу о палеогеографии Приташкентского района . .	9
Глава II. Памятники первобытной культуры Ташкента и его окрестностей	25
Глава III. Шаштепа — древнейшее поселение оседлых земледельцев на территории Ташкента	91
Глава IV. Стратиграфия Таукаттепа	125
Глава V. Фауна древнейших поселений Ташкента	143
Глава VI. К истории феодальной культуры Ташкента	171
Заключение	196

У ИСТОКОВ ДРЕВНЕЙ КУЛЬТУРЫ
ТАШКЕНТА

*Утверждено к печати Ученым советом Института археологии,
Отделением истории, языкознания и литературоведения АН УзССР*

Редактор Э. Р. Балаян
Художник П. Д. Воронкин
Технический редактор В. М. Тарахович
Корректор Т. В. Кормушина

ИБ № 1642

Сдано в набор 20.11.81. Подписано к печати 11.1.82. P07607. Формат 60×84^{1/16}. Бумага типографская № 1. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 11,62. Уч.-изд. л. 12,5. Тираж 1000. Заказ 237. Цена 2 р.

Адрес Издательства: 700047. Ташкент, ул. Гоголя, 70.
Типография Издательства «Фан» УзССР, Ташкент, проспект М. Горького, 79.